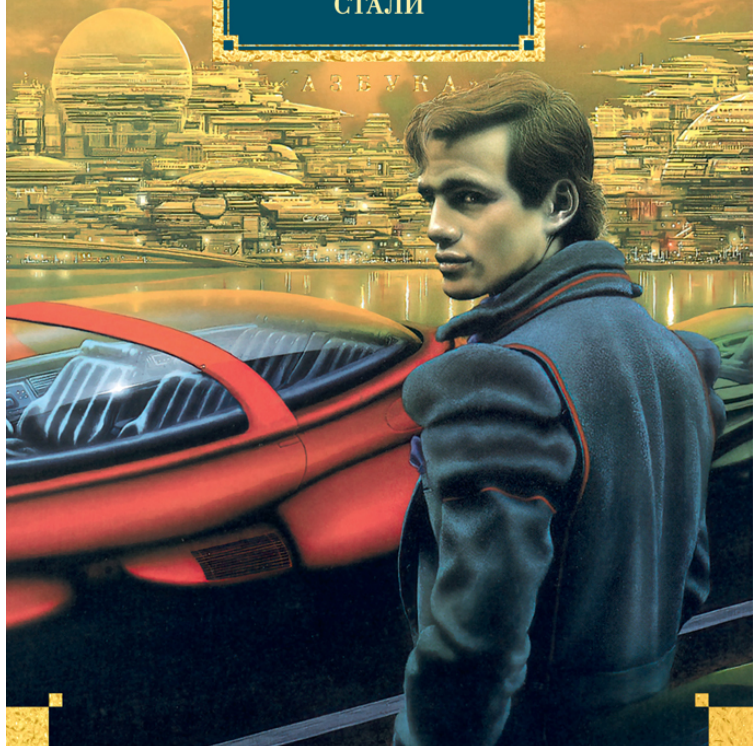

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Гарри
Гаррисон

КРЫСА
ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ
СТАЛИ

Гарри Гаррисон

Крыса из нержавеющей стали

Серия «Фантастика и
фэнтези. Большие книги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69897439

Крыса из нержавеющей стали:

ISBN 978-5-389-24330-9

Аннотация

Цикл Гарри Гаррисона о Джиме ди Гризе, прозванном Стальной Крысой, по праву считается одним из лучших в творчестве прославленного фантаста. Герой цикла, великий плут и мошенник, умеет выходить сухим из воды практически в любой ситуации, какой бы безнадежной она ни показалась вначале, — и в любом уголке Галактики, куда бы его ни забрасывала судьба. Но чтобы из неотесанного паренька с забытой богом планеты сделаться супергероем, которому все по силам, нужно пройти тысяча и одно испытание. Послужить в армии с ее бездумными муштрой и шагистикой, поучаствовать в межзвездных баталиях, залезть в шкуру жуткого инопланетного монстра, ради иноземного артефакта попытать счастья на планете, куда ссылают преступников... Всякий ли на такое способен? Нет, конечно! Только Стальная Крыса, Джим ди Гриз, человек из нержавеющей стали.

В книгу входят первые шесть романов цикла.

Содержание

Стальная Крыса	9
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	42
Глава 5	50
Глава 6	66
Глава 7	80
Глава 8	87
Глава 9	94
Глава 10	110
Глава 11	114
Глава 12	121
Глава 13	136
Глава 14	144
Глава 15	156
Глава 16	163
Глава 17	177
Глава 18	190
Глава 19	203
Месть Стальной Крысы	209
Глава 1	209
Глава 2	215

Глава 3	226
Глава 4	235
Глава 5	250
Глава 6	260
Глава 7	270
Глава 8	279
Глава 9	290
Глава 10	300
Глава 11	310
Глава 12	321
Глава 13	330
Глава 14	341
Глава 15	351
Глава 16	363
Конец ознакомительного фрагмента.	374

**Гарри Гаррисон
Крыса из
нержавеющей стали**

Harry Harrison

THE STAINLESS STEEL RAT

Copyright © 1961 by Harry Harrison

THE STAINLESS STEEL RAT'S REVENGE

Copyright © 1970 by Harry Harrison

THE STAINLESS STEEL RAT SAVES THE WORLD

Copyright © 1972 by Harry Harrison

A STAINLESS STEEL RAT IS BORN

Copyright © 1985 by Harry Harrison

THE STAINLESS STEEL RAT GETS DRAFTED

Copyright © 1987 by Harry Harrison

THE STAINLESS STEEL RAT SINGS THE BLUES

Copyright © 1994 by Harry Harrison

All rights reserved

Published by permission of the Estate of the author via Igor
Korzhenevskiy

of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

© Н. И. Виленская, перевод, 1992

© П. В. Жуков, перевод, 1992

© С. Л. Коноплев, И. С. Коноплева, перевод, 2003

© Г. Л. Корчагин, перевод, 1992, 1996

© С. А. Григорьев, иллюстрация, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Стальная Крыса

Глава 1

Дверь моего кабинета внезапно распахнулась – и я понял, что игра окончена. Дельце было что надо – денежное, но ему пришел конец. Когда полицейский вошел, я сидел в кресле, изобразив на лице счастливую улыбку. Тяжелая походка, хмурый взгляд, полное отсутствие чувства юмора сразу выдавали в нем служителя закона. Он еще не открыл рот, а я уже знал, что он скажет.

– Джеймс Боливар ди Гриз, я должен арестовать вас по обвинению...

Для пущего эффекта я подождал слова «обвинению». Когда оно было произнесено, я нажал кнопку, приводящую в действие пороховой заряд, установленный на потолке. Поперечная балка треснула, трехтонный сейф рухнул прямо на голову полицейского. Потрясающая картина. Когда пыль осела, из-под сейфа виднелась лишь неестественно вывернутая рука. Она пошевелилась, и указательный палец обвиняюще нацелился на меня. В его голосе, глухо доносившемся из-под сейфа, звучали недовольные нотки:

– ...по обвинению в незаконном въезде, краже, подлоге... Он бубнил, перечисляя длинный список моих преступле-

ний, но все это я уже слышал. Это абсолютно не мешало мне перекладывать деньги из ящиков стола в чемодан. В конце прибавилось еще одно обвинение, и, готов поспорить на во-о-от такую пачку тысячных кредиток, в его голосе звучала обида.

– Вы также обвиняетесь в нападении на полицейского робота. Поступок бессмысленный, так как мой мозг и речевой аппарат бронированы, а в средней части тела...

– Слушай, приятель, все это мне известно. Но на макушке твоей тупой головы установлен маленький передатчик, а мне бы не хотелось, чтобы ты сообщил обо мне своим приятелям. По крайней мере, в данный момент.

Пинком я открыл в стене потайную дверь, ведущую в подвал. Когда я обходил груды железа на полу, робот попытался схватить меня за ногу. Но я ожидал этого, и его пальцы сомкнулись в двух дюймах от моей лодыжки. Я не раз встречался с полицейскими роботами и прекрасно знал, что их невозможно уничтожить. Хоть бей их по голове, хоть с ног сбивай, они преследуют тебя, непрерывно читая мораль. Так дело обстояло и на этот раз. Он убеждал меня покончить с преступной жизнью и стать порядочным гражданином. Робот продолжал молотить чушь, и его голос эхом отдавался на лестничной клетке, когда я уже добрался до подвала.

Теперь на счету была каждая секунда. Через три минуты полиция сядет мне на хвост, так что у меня оставалась ровно одна минута и восемь секунд, чтобы покинуть здание. Надо

было действовать. Еще один пинок – и я оказался в помещении для срывания этикеток. Ни один робот не посмотрел в мою сторону, когда я шел по проходу. Впрочем, я бы удивился, если бы это было не так. Эти допотопные модели М годились только для самой простой и однообразной работы. Именно поэтому я их и взял напрокат. Их абсолютно не интересовало, зачем они срывают этикетки с банок с фруктами или что находится на другом конце ленты конвейера, доставляющего консервы через стену. Они не подняли взгляда, даже когда я открыл дверь, которая всегда была на замке. Я не стал закрывать ее за собой – какие теперь могут быть секреты?!

Пробежав вдоль грохочущего конвейера, я пролез в дыру, которую сам прорубил в стене государственного склада. Конвейер тоже установил я. И то и другое, разумеется, шло вразрез с законом. Открыв еще одну дверь, я оказался на складе. Автоматический погрузчик деловито снимал консервные банки со стеллажей, тянувшихся под самый потолок, и ставил их на ленту конвейера. Его и роботом назвать было трудно, он выполнял только заложенную в него программу по погрузке консервов. Обойдя его, я побежал по проходу, слыша, как стихают позади звуки моей противозаконной деятельности. Работа не прекращалась ни на секунду, и я искренне радовался этому.

Да, бизнес был что надо. За мизерную сумму я арендовал помещение, примыкавшее к задней стене правительственно-

го склада. Прорубив дыру в стене, я получил доступ к продовольственным запасам, к которым в таких больших складах не прикасались месяцами, если не годами. То есть не прикасались до тех пор, пока там не появился я.

После того как я прорубил дыру и установил конвейер, все остальное было делом техники. Я взял напрокат роботов, чтобы те срывали старые этикетки и лепили на их место наклейки, которые я сам печатал. Таким образом, мой товар появлялся на рынке вполне законным путем. Мой ассортимент отличался разнообразием, а затраты, благодаря этой хитроумной операции, были крайне низкими. Я мог продавать товар дешевле, чем мои конкуренты, и зарабатывал приличные деньги. Местные оптовики быстро почуяли выгоду и завалили меня заказами на несколько месяцев вперед. Отличная операция. Она могла бы длиться еще долго.

Не успела эта мысль выкристаллизироваться в моем мозгу, как я подавил ее. Богатый опыт подсказывал мне, что если операция закончена, то она действительно ЗАКОНЧЕНА! Меня так и подмывало остаться еще на один денек или получить деньги еще по одному чеку. Ах, как известно мне это чувство! Но я также знал, что нет лучшего способа познакомиться с полицией.

«Проиграл сегодня – отыграешься завтра». Это мой девиз, и, надо сказать, лишь благодаря ему я все еще на свободе.

А всякие мечтания бесполезны, когда улепетываешь от

полиции.

Добежав до конца прохода, я выбросил из головы все мысли. Снаружи все здание оцеплено полицией, так что следовало действовать быстро и без ошибок. Я огляделся – никого. Сделав два шага, я нажал кнопку вызова лифта. Я давно установил в лифте датчик и знал, что им пользуются только раз в месяц.

Пустой лифт появился через три секунды. Я запрыгнул в него и нажал кнопку последнего этажа. Он поднимался целую вечность, но в данном случае понятие времени субъективно. Подъем длился ровно четырнадцать секунд. Началась самая опасная его часть. Я сжал в руке пистолет 75-го калибра. С одним полицейским мне еще удастся справиться...

Двери открылись, и я опустил пистолет. Никого. Было оцеплено все внизу, а на крышу послать полицейских не догадались.

На открытом воздухе я услышал ласкающие душу завывания сирен. Судя по всему, внизу собралась половина полицейских этого города. Для меня это все равно что овации для артиста.

Доска лежала за шахтой лифта, там, где я ее и оставил. Немного покоробилась на солнце, но все еще довольно крепкая. Я подтащил ее к парапету и перекинул к соседнему зданию.

Идти по доске – дело опасное, тут спешка ни к чему. Став на край доски и прижав чемодан к груди, я медленно дви-

нулся вперед, стараясь удержать равновесие. До земли – тысяча футов, но главное – не смотреть вниз...

Готово. Теперь медлить нельзя. Надо спрятать доску за парапет – это собьет их со следа, и я выиграю несколько драгоценных минут. Теперь пробежать десять шагов – и передо мной дверь на лестничную клетку. Она открылась легко. Еще бы, я ведь не пожалел масла для петель. Оказавшись внутри, я запер дверь на засов и облегченно вздохнул. Самое худшее позади, осталось самое простое. Если пару минут меня никто не будет беспокоить, полиция никогда не найдет Джеймса Боливара ди Гриза, известного как Скользящий Джим.

Грязной и плохо освещенной лестницей на крышу сроду никто не пользовался. Я проверил ее неделю назад и ни оптических, ни акустических «жучков» не обнаружил. На толстом слое пыли виднелись лишь отпечатки моих ног. Что ж, будем надеяться, что за это время никаких «жучков» здесь не установили. Придется идти на риск, а без этого в нашем деле никак.

Прощай, сорокапятилетний бизнесмен Джеймс ди Гриз, весом девяносто восемь килограммов, с толстыми щеками и солидным брюшком, чья фотография вместе с отпечатками пальцев хранится в полицейских картотеках на тысяче планет. Сначала надо избавиться от отпечатков. Когда их надеваешь, они словно вторая кожа, а стоит капнуть растворителем, и они слезают как перчатки.

Теперь одежда, затем корсет, в котором я носил двадцать килограммов свинца, смешанного с термитом. Хороший был животик. Немного отбеливателя из пузырька – и мои волосы, а заодно и брови приобрели естественный каштановый цвет. Теперь немного болезненная операция – вытащить расширители из ноздрей и подушечки из-за щек. Затем контактные линзы голубого цвета. Я разделся догола и почувствовал себя так, будто заново родился на свет. Впрочем, так оно и было. Я стал совершенно другим человеком – на двадцать килограммов легче, на десять лет моложе. Да и внешность изменилась. В чемодане лежали комплект одежды и темные очки. Деньги были аккуратно уложены в кейс.

Выпрямившись, я почувствовал, что действительно помолодел лет на десять. Без свинцового корсета походка стала легкой и пружинистой.

Термит уничтожил все улики. Свалив все в кучу, я поджег запал. В веселом пламени сгорели флакончики, одежда, туфли и все остальные мои вещи. Разумеется, полиция сможет обнаружить обгорелый участок цементного пола и соскоблить со стены пару молекул для микроанализа, но это все, на что они могут рассчитывать. Языки горящего термита еще отбрасывали на меня отблески, когда я спустился на три пролета и оказался на сто двенадцатом этаже.

Мне все еще везло. Когда я открыл дверь, на этаже никого не было. Через минуту скоростной лифт доставил меня вместе с другими бизнесменами в холл.

Выйти на улицу можно было через единственную дверь, над которой располагалась портативная камера. Никто не останавливал людей, входящих и выходящих из здания. Вряд ли кто-нибудь из них обращал внимание на камеру и группку полицейских, толкущихся возле нее. Не торопясь я направился к выходу. В нашем деле главное – выдержка.

На мгновение я оказался в поле зрения беспристрастного стеклянного глаза. Ничего не произошло, и я понял, что меня не узнали. Камера была напрямую связана с компьютером в полицейском управлении. Если бы моя внешность хоть немного походила на мой портрет в картотеке, мне бы не дали и шагу ступить – роботы-полицейские сразу схватили бы меня. Трудно тягаться с компьютером, чья реакция измеряется миллисекундами, но его можно обмануть, что я и проделал в очередной раз.

Я взял такси и отъехал на десять кварталов от здания. Затем пересел в другое. Но только в третьем я почувствовал себя в безопасности и направился в космопорт. Звуки сирен затихли вдали, и лишь изредка мне попадались патрульные машины, следующие в противоположном направлении.

Столько шума из-за такого мелкого мошенничества, но это свойственно всем сверхцивилизованным мирам. Преступления там случаются настолько редко, что стоит только полиции натолкнуться на малейшее нарушение закона, как они выкладываются на полную катушку. Я, в принципе, не осуждал их. Выписывать всю жизнь штрафы за неправиль-

ную парковку, вероятно, ужасно скучно. Пусть спасибо скажут, что я хоть немного разнообразил их унылое существование.

Глава 2

Поездка в космопорт, который находился, разумеется, далеко от города, была приятной. У меня хватило времени, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями. Я даже немного пофилософствовал. И самое главное – я мог насладиться хорошей сигарой. В своем предыдущем образе мне приходилось курить сигареты, и я никогда, даже в полном одиночестве, не нарушал этого правила. Сигары хранились в герметически закрытой коробке, куда я их положил полгода назад, и совсем не потеряли своей свежести. Я глубоко затянулся, глядя в окно на проплывающий мимо пейзаж. Хорошо ничего не делать, почти так же, как и быть при деле. Я никогда не мог прийти к окончательному выводу – какое же состояние мне больше всего нравилось? Полагаю, и то и другое, в зависимости от обстоятельств.

Мой образ жизни настолько не похож на жизнь подавляющего большинства людей, что вряд ли в нашем обществе меня могут понять. Люди живут в богатом союзе миров, где и само слово «преступление» давно потеряло смысл. Существуют, конечно, и такие, кто недоволен сложившимся положением вещей, кое-кто из них поступает вразрез с социальными правилами. Несмотря на века генетического контроля, иногда еще такие индивидуумы появляются на свет. Но их быстро выявляют и приводят в норму. У других это

проявляется только тогда, когда они становятся взрослыми. Мелкие кражи в магазинах и квартирные ограбления – это все, на что они способны. В зависимости от степени своей сообразительности им удастся оставаться на свободе неделю или месяц. Но судьба их предрешена – полиция вычисляет и арестовывает их.

Вот, пожалуй, и все преступления, которые совершаются в нашем чудесном обществе. Вернее, девяносто девять процентов преступлений. Но лишь ради последнего, самого главного процента существуют полицейские управления. В этот процент вхожу я и горстка подобных мне людей, разбросанных по всей Галактике. Теоретически нас нет, а если мы и существуем, то не можем нарушать закон, однако именно этим мы и занимаемся. Мы – крысы в подполье общества, не признающие его запретов и правил. Чем мягче законы общества, тем больше в нем крыс. Ведь в деревянных домах крыс было больше, чем в зданиях из бетона, что пришли им на смену. Но и там водятся крысы. Сейчас наше общество построено из железобетона и нержавеющей стали. Щелей стало меньше, и крысе приходится быть изворотливой, чтобы их обнаружить. В таких условиях выживают только стальные крысы.

Стать Стальной Крысой очень почетно, и можно получить массу удовольствий – если вас не поймают, конечно. Но вы обречены на одиночество. Социологи до сих пор спорят о причинах нашего существования, а некоторые в него просто

не верят. Согласно наиболее распространенной теории, мы – жертвы психологических расстройств, которые проявились не в детские годы, когда их можно было легко вылечить, а гораздо позже. Я часто думал об этом, но к определенному выводу так и не пришел.

Пару лет назад я сам написал книжонку по этому вопросу – под псевдонимом, разумеется, – и читатели восприняли ее довольно благосклонно. По моей теории, отклонения не относятся к психологической сфере, а носят чисто философский характер. На определенной стадии своего развития человек должен сделать выбор – либо жить, не признавая законов общества, либо умереть от абсолютной скуки. В законопослушной жизни нет ни будущего, ни свободы. Хотите жить по-другому? Тогда придется нарушать законы. Солдаты удачи и авантюристы не могут одновременно и жить в обществе, и находиться вне его. Это раньше было возможным, а сегодня надо сделать выбор: все или ничего. Чтобы не сойти с ума, я выбрал последнее.

Такси прибыло в космопорт, и я без сожалений прервал свои грустные размышления. В нашем деле нельзя хандрить и жаловаться на судьбу. Только ощущение опасности может прочистить мозги. Расплачиваясь с водителем, я обманул его, стащив один кредит прямо из-под носа. Он не заметил этого, и его доверчивость позабавила меня. Я оставил ему щедрые чаевые, ведь я не собирался грабить его, а обманул

просто от скуки.

За окошком билетной кассы сидел робот, на лбу у которого была установлена камера. Пока я покупал билет, она тихо жужжала, запоминая мою внешность и место назначения. Обычная полицейская процедура. Я бы удивился, если бы этого не произошло. Меня не пугало, что описание моей внешности появится в полицейских управлениях, поскольку на этот раз я не собирался предпринимать путешествие в другую звездную систему, как обычно поступал после каждого крупного дела. В этом не было никакой необходимости. Правда, после крупного дела в одном мире или небольшой системе тут уже ловить нечего, но вокруг Беты Лебеда вращалось около двадцати планет, чьи условия мало отличались от земных. Опасно было оставаться лишь на этой – третьей – планете, а на остальных мне ничего не грозило. Между планетами существовала жесткая конкуренция, и полицейские управления неохотно сотрудничали друг с другом. За это они и поплатятся. Мой билет был на Мори – восемнадцатую планету, где жители в основном занимались земледелием.

В космопорту было полно небольших магазинчиков. Я всех обошел и приобрел новый чемодан, полный комплект одежды и дорожные принадлежности. Последний мой визит был к портному. Он подобрал мне пару дорожных костюмов, и я зашел с ними в примерочную кабинку. Разумеется, по чистой случайности я повесил один костюм таким образом,

что он закрыл объектив камеры. Я пыхтел и шаркал ногами, делая вид, что переодеваюсь, а на самом деле подделывал только что купленный билет. При помощи ножа для обрезки сигар, в котором у меня был небольшой компостер, я проделал несколько дырок в перфокарте билета, изменив место назначения. Теперь я уже направлялся не на восемнадцатую планету, а на десятую. На этой операции я терял двести кредиток. В этом-то вся и хитрость. Не надо стараться увеличить стоимость билета – подделку легко обнаружить. Но если вы уменьшаете стоимость и теряете при этом деньги, все подумают, что ошиблась машина. Ни у кого не возникнет ни малейшего подозрения, ведь терять деньги на подделке – явная глупость.

Чтобы не вызвать подозрения у полиции, я снял костюм с камеры и стал примерять его, придирчиво рассматривая себя в зеркале. До отправления корабля оставался час, и я с пользой для дела провел это время. Я отправился в автоматическую химчистку, где мне выстирали и выгладили только что купленную одежду. Ничто так не вызывает подозрения таможенников, как полный чемодан новой одежды с этикетками.

На таможне не возникло никаких проблем, и, зайдя в полупустой салон корабля, я выбрал место рядом со стюардессой. Я флиртовал с ней до тех пор, пока она возмущенно не удалилась, причислив меня к категории нахалов и приставал. Сидевшая рядом старушка составила обо мне точно такое же

мнение и, одарив меня презрительным взглядом, демонстративно отвернулась к окну. Я безмятежно заснул. Уж если нет возможности остаться незамеченным, то лучше быть замеченным и причисленным к определенной категории людей. Тогда вас невозможно отличить от других подобных типов, чего я и добивался.

Когда я проснулся, корабль уже подлетал к десятой планете. Я продолжал дремать, пока мы шли на посадку, затем выкурил сигару, ожидая, когда таможенники закончат осматривать мои вещи. Кейс, набитый деньгами, не вызвал у них никаких подозрений, так как еще полгода назад я предусмотрительно подделал свои документы и теперь в графе «профессия» у меня значилось «банковский курьер». Межпланетный кредит на этих планетах почти отсутствовал, и таможенники привыкли, что курьеры постоянно возят с собой огромные суммы денег наличными.

По привычке замечая следы, я оказался в большом промышленном городе под названием Бругг, в тысяче километров от места моего приземления. Используя новое удостоверение личности, я поселился в небольшой гостинице, расположенной на окраине города.

Обычно после большого дела я отдыхаю месяц-другой, но на этот раз потребности в отдыхе я не ощущал. Делая небольшие покупки, необходимые мне для восстановления личности Джеймса ди Гриза, я прикидывал, чем бы мне заняться. В первый же день я обнаружил одно место, показавшееся

мне легкой добычей, и с каждым днем я все больше и больше убеждался в этом.

Я никогда не повторялся, и это позволяло мне ускользать от полиции. Обдумав какое-нибудь выгодное дельце, я претворял его в жизнь и больше никогда к нему не возвращался. Единственное, что было в этих делах общим, так это то, что все они приносили мне деньги. Вот только вооруженного ограбления за мной еще не числилось. Пора было восполнить этот пробел.

Восстанавливая образ Скользкого Джима, я отращивал брюшко и обдумывал план операции. К тому времени, когда я изготовил себе новые отпечатки пальцев, план был готов. Как и всякий гениальный план, он был прост, ведь чем меньше сложностей, тем меньше вероятность случайного прокола.

Я решил ограбить «Морайо», крупнейший универмаг в городе. Каждый вечер в одно и то же время бронированный фургон забирал дневную выручку и отвозил ее в банк. Как можно упустить такую заманчивую добычу – гигантскую сумму денег в мелких купюрах! Основная сложность заключалась в том, как унести такую уйму денег. Как только я нашел ответ на этот вопрос, можно было начинать операцию.

Все приготовления существовали только в моей голове, пока я входил в образ Джеймса ди Гриза. Нацепив пояс с грузом, я вновь почувствовал себя в форме. Я снова перешел на сигареты и принялся за работу. Пару дней я посвятил то-

му, что приобретал и воровал необходимые мне вещи. Операцию я запланировал на следующий день.

Ключевую роль в операции я отвел большому трейлеру, который купил накануне. Сделав кое-какие усовершенствования в кабине, я припарковал его в г-образном переулке в полумиле от «Морайо». Трейлер блокировал въезд в переулок, но это не имело значения, так как ею пользовались только утром. Ленивой походкой я направился к магазину. Когда я подошел к нему, бронированный фургон уже был там. Прислонившись к стене огромного здания, я наблюдал, как охранники грузят деньги. Мои деньги.

Человек со слабыми нервами и бедным воображением пришел бы в ужас от этой картины. По крайней мере пять вооруженных охранников стояли у входа, еще двое сидели в фургоне. Добавьте к этому еще водителя и его помощника. У тротуара урчали три мотоцикла – они должны были сопровождать фургон в пути. Впечатляющее зрелище. Я затаился сигаретой, стараясь не рассмеяться от мысли, что все их тщательно продуманные предосторожности – лишь пустая трата времени.

Я считал мешки с деньгами по мере того, как их выносили из магазина. Их всегда было пятнадцать, ни больше ни меньше. Это упрощало мою задачу. Как только четырнадцатый мешок загрузили в фургон, в дверях магазина появился пятнадцатый. Водитель, как и я, тоже считал мешки и вылез из кабины, чтобы запереть заднюю дверь фургона.

Мы двинулись с места одновременно. Когда он подошел к задней двери, я уже находился рядом с кабиной фургона. Я быстро залез внутрь и захлопнул за собой дверь. Помощник успел только открыть рот и выпучить глаза, когда я бросил ему на колени анестезирующую бомбу. Он тут же отключился. Разумеется, у меня в носу стояли защитные фильтры. Заводя двигатель левой рукой, правой я бросил бомбу побольше через окошко внутрь фургона. До меня донеслись звуки падения тел.

Все это заняло не более шести секунд. Охранники, стоявшие у входа, только сейчас стали соображать, что происходит что-то непонятное. Помахав им рукой, я нажал на газ, и броневик рванул от обочины. Один из охранников попытался запрыгнуть в открытую заднюю дверь, но немного опоздал. Все произошло так быстро, что им в голову не пришло открыть огонь, хотя я был уверен, что без стрельбы не обойдется. Размеренная жизнь притупляет рефлексy.

Мотоциклисты среагировали гораздо быстрее, и не успел я отъехать на сто футов, как они сели мне на хвост. Я слегка притормозил, дав им возможность приблизиться, а затем снова нажал на газ, чтобы они не обогнали меня.

Сирены завывали, а мотоциклисты стреляли в меня из пистолетов. Все, как я и планировал. С огромной скоростью мы неслись по улицам, оставляя другие машины далеко позади. У мотоциклистов не было времени на размышления, и они считали, что скоро полиция меня перехватит. Ситуация бы-

ла настолько комичной, что я громко хохотал, срезая углы. Разумеется, полицию уже оповестили и все дороги впереди перекрыли. Но эти полмили мы проскочили за несколько секунд. Увидев въезд в переулок, я направил фургон туда, одновременно нажав на кнопку моего карманного коротковолнового передатчика.

Сработали мои дымовые шашки, установленные вдоль переулка. Они, как и все мои прочие изобретения, были кустарного производства, но тем не менее весь переулок оказался в густом облаке дыма. Я слегка сдал вправо, пока фургон не коснулся крылом стены. Снизив скорость, я повел машину, что называется, на ощупь. Мотоциклисты такого сделать не могли, поэтому должны были выбирать: либо остановиться, либо ринуться в темноту. Я надеялся, что они примут разумное решение и не станут подвергать себя риску.

Радиоимпульс, взорвавший дымовые шашки, должен был одновременно открыть задние двери моего трейлера и опустить аппарель для въезда. Во время испытаний все происходило именно так. Оставалось надеяться, что система работает и на этот раз. Ориентируясь по скорости, я попытался определить расстояние до моего трейлера, но, видимо, ошибся в расчетах. Передние колеса броневика врезались в аппарель, и он не заехал, а залетел вовнутрь. Меня сильно потрянуло, но я все же успел нажать на тормоза, прежде чем меня выбросило из кабины.

Темень стояла, как ночью. От этих дымовых шашек и

сильного удара вся операция чуть не пошла насмарку. Пока я стоял, прислонившись к машине, драгоценные секунды уплывали. Не знаю, сколько времени прошло, пока я сориентировался, но, когда я подошел к задней двери, до меня из клубов дыма донеслись голоса охранников. Они услышали, как я со скрипом поднял покореженную аппарель, и мне пришлось успокоить их, швырнув две газовые гранаты.

Дым уже понемногу рассеивался, когда я залез в кабину грузовика и завел двигатель. Проехав несколько футов по переулку, я выбрался на солнечный свет. Впереди, на главной улице, стояли две полицейские машины. Выехав на улицу, я остановился и внимательно посмотрел по сторонам. Никто не обращал внимания на мой трейлер. Видимо, все события происходили на другом конце переулка. Я нажал на газ и поехал в обратную сторону от магазина, который только что ограбил.

Разумеется, я проехал всего лишь несколько кварталов в этом направлении, а затем повернул на боковую улицу. Развернувшись, я снова направился к универмагу «Морайо» – месту моего последнего преступления. Прохладный ветер, врывающийся через открытое окошко, взбодрил меня, и, весело насвистывая, я повел грузовик по боковым улицам.

Мне хотелось подъехать к главному входу в универмаг, чтобы посмотреть, как они там суетятся, но нарываться на неприятности у меня не было желания. Да и некогда было. Я заранее наметил маршрут и теперь вел машину по улицам,

где почти отсутствовало движение. Через несколько минут я оказался на грузовом дворе универмага «Морайо». Здесь тоже царило некоторое оживление, но работа шла своим чередом. Там и тут небольшие группки грузчиков и водителей обменивались своими впечатлениями по поводу происшедшего, а роботы, не умевшие сплетничать, продолжали работать. Все они настолько были увлечены беседой, что не обратили на меня никакого внимания, когда я остановил свой трейлер рядом с другими фургонами. Выключив двигатель, я облегченно вздохнул и откинулся на сиденье.

Первая часть операции прошла нормально. Впрочем, вторая часть была не менее важной. Я вытащил из своего набедренника аптечку, которую всегда беру с собой на дело. Обычно я не доверяю стимуляторам, но от удара голова все еще шла кругом. Я впрыснул себе в локоть два кубика линотена, и в голове снова прояснилось. Походка вновь стала пружинистой, когда я направился к задним дверям трейлера.

Помощник водителя и охранники все еще были без сознания и должны были пребывать в таком состоянии еще часов десять. Я аккуратно уложил их рядом с броневином, чтобы они мне не мешали, и принялся за работу.

Броневик занимал почти весь трейлер. Я знал, что так оно и будет, поэтому коробки прикрепил к стенкам. Это были чудесные упаковочные коробки с надписью «Морайо» на боках. Я давно украл их со склада, и вряд ли их пропажу заметили. Вытащив коробки, я принялся набивать их деньгами.

Пот лил с меня градом, и мне пришлось даже снять рубашку.

Почти два часа у меня ушло на то, чтобы заполнить коробки и заклеить их лентой. Каждые десять минут я выглядывал в глазок, установленный в двери, но снаружи все шло своим чередом. Несомненно, полиция закрыла все въезды и выезды из города и теперь прочесывала улицы в поисках фургона. Я готов был побиться об заклад, что им никогда в голову не придет искать фургон на заднем дворе обворованного универмага.

На складе, где я украл коробки, я позаимствовал и накладные. Вписав в них различные адреса получения груза, который, разумеется, был оплачен, я прикрепил их к коробкам. Операция шла к концу.

Уже стемнело, но я знал, что грузовое отделение работает допоздна. Двигатель завелся с полоборота, я выехал со стоянки и стал подавать к платформе. В этом месте, где грузовой двор соединялся с приемным участком, было довольно спокойно, и я постарался поставить трейлер как можно ближе к разделяющей черте. Убедившись, что никто из рабочих не смотрит в мою сторону, я открыл заднюю дверь. Ведь даже самому тупому из них стало бы интересно, с какой стати из грузовика выгружают коробки с ярлыками универмага. Установив коробки на платформу, я быстро набросил на них брезент. Все это заняло несколько минут. Усевшись рядом, я закурил.

Ждать долго не пришлось. Не успел я докурить сигарету,

как появился робот из отдела отправки.

– Эй, иди сюда! Эм-девятнадцать, который грузил эти коробки, перегорел. Надо срочно позаботиться о грузе.

В глазах робота загорелось чувство долга. Некоторые из последних моделей М воспринимают работу с большой ответственностью. Я быстро отошел в сторону, так как из дверей склада появились автопогрузчики и М-грузчики. Не успел я и глазом моргнуть, как мой груз исчез с платформы. Закурив еще одну сигарету, я стал наблюдать, как на мои коробки ставят штампы и грузят на ленту транспортера.

Теперь мне осталось только бросить свой трейлер на какой-нибудь тихой улочке и изменить внешность.

Усевшись в кабину, я впервые за все время почувствовал, что происходит нечто странное. Я, разумеется, наблюдал за воротами грузового двора, но невнимательно. Машины въезжали и выезжали. И тут меня как громом ударило. Одни и те же машины ездили туда-сюда! Большой красный грузовик только что выехал через ворота. Звук его мотора становился все тише и тише по мере того, как он удалялся по улице. Затем снова слышался рев мотора, и тот же самый грузовик въехал во двор через другие ворота. За стеной стояли полицейские машины.

Они ждали меня.

Глава 3

Впервые за всю мою преступную карьеру я почувствовал страх загнанного человека. В первый раз полиция села мне на хвост, когда я этого не ожидал. Деньги, конечно, потеряны. Я о них уже и думать перестал. Надо было спасать свою шкуру.

Никаких необдуманных поступков. Пока я чувствовал себя в относительной безопасности. Кольцо, разумеется, смыкалось, но медленно, ведь они не знали, где именно я нахожусь. Попробуй найди человека на таком огромном грузовом дворе. Но как они вообще вышли на меня? Вот что меня беспокоило больше всего. У местной полиции отсутствовал опыт, и они никак не смогли бы так быстро напасть на мой след. Тем более что следов я не оставлял. Тому, кто устроил мне здесь ловушку, нельзя было отказать в сообразительности.

Внезапно меня осенило: Специальный корпус!

Об этом ничего не писали, но слухи о нем ходили в любом из тысячи миров Галактики. Специальный корпус, входивший в Лигу, брал на себя решение задач, с которыми не могли справиться отдельные планеты. Говорили, что именно корпус покончил с остатками банды Хэкселла после заключения перемирия, прикрыл лавочку нелегальных торговцев «Т & Z» и, наконец, поймал Инскиппа. Теперь пришел и мой

черед.

Они ждали, когда я попытаюсь смыться. Вероятно, они думали так же, как и я, и перекрыли все выходы. Надо сообщать быстро и действовать правильно.

Есть только два выхода. Через ворота или через универмаг. Ворота слишком хорошо охранялись, чтобы через них прорваться, а вот в магазине полно дверей. Мне подходил только этот вариант. Как только я принял это решение, я понял, что точно такая же мысль пришла в голову моим преследователям, – к дверям магазина двигались люди. Меня опять охватил страх, и я окончательно разозлился. Меня бесила сама мысль, что кто-то может меня перехитрить. Ладно, посмотрим, кто кого. У меня в запасе оставалась еще пара трюков.

Сначала надо сбить их с толку. Я завел трейлер, переключил на первую скорость и поехал к воротам. Закрепив руль, я выпрыгнул из кабины и помчался обратно в сторону склада. За спиной слышались выстрелы, страшный грохот и крики. Последнее мне понравилось больше всего.

На дверях, ведущих в универмаг, висели замки. И дотопная сигнализация, которую я мог вывести из строя за пару секунд. При помощи отмычки я открыл замок и пнул дверь ногой. Хотя сигнального звонка не было слышно, я знал, что где-то в здании на табло индикатора загорелась лампочка, показывающая, что дверь открыта. Повернувшись, я изо всех сил помчался к последней двери, распо-

ложенной на противоположном конце здания. На этот раз, прежде чем войти в дверь, я заранее отключил сигнализацию. Оказавшись внутри, я запер ее за собой.

Нет ничего труднее, чем убегать, сохраняя при этом спокойствие. Задышавшись, я добежал до служебного входа. Несколько раз я видел впереди горящие фонари полицейских и сворачивал в первый попавшийся коридор. Просто удивительно, как это они меня не засекли. Перед дверью, через которую я хотел выскочить, стояли два типа в форме. Прижимаясь к стене, я подобрался к ним поближе и, когда нас разделяло не более двадцати футов, швырнул газовую гранату. Сначала мне вдруг показалось, что они в противогазах и я попался, но они рухнули на пол. Один из них загоразивал дверь. Отодвинув его в сторону, я приоткрыл ее на несколько дюймов.

Прожектор был установлен футах в тридцати от двери, не дальше. Когда он вспыхнул, мне показалось, что я ослеп. Яркий свет резанул по глазам. Только я успел плюхнуться на пол, как автоматная очередь разнесла дверь в щепки. В ушах звенело от грохота разрывающихся пуль, но все же я услышал приближающийся топот. Выхватив свой пистолет 75-го калибра, я выпустил все патроны в дверь, целясь выше, чтобы никого не задеть. Вряд ли это остановит их, но задержит точно.

Тут же они открыли ответный огонь. Такое впечатление, что их там был целый взвод. Свистели пули, от стен отлетали

куски пластмассы. То что надо; я был уверен, что за моей спиной никто не появится. Прижимаясь к полу, я отполз в сторону, подальше от линии огня. Пару раз завернув за угол, я теперь мог встать, не боясь, что меня пристрелят. Колени тряслись, в глазах рябило. Прожектор неплохо поработал, и я видел все как в тумане.

Я медленно шел, стараясь уйти как можно дальше от стрельбы. Взвод открыл огонь, как только я попытался выйти. Значит, им приказали стрелять в каждого, кто попытается покинуть здание универмага. Чудесная ловушка. Полицейские будут искать меня, пока не найдут. А стоит мне только выйти, как меня пристрелят. Я чувствовал себя как крыса, попавшая в западню.

Внезапно во всем универмаге зажегся свет – я замер. Я стоял возле витрины сельскохозяйственных инструментов. В другом конце зала находилось трое солдат. Мы заметили друг друга одновременно, и не успел я шмыгнуть за дверь, как вокруг засвистели пули. Они привлекли и военных, значит, хотели взять меня во что бы то ни стало. Невдалеке виднелись шахта лифта и лестница, ведущая наверх. В одно мгновение я оказался возле лифта, нажал на кнопку подвального этажа и выскочил из кабины до того, как двери успели закрыться. Затем я помчался обратно к лестнице, ожидая, что солдаты появятся в любой момент. Я успел подняться на первую площадку, когда дверь внизу распахнулась. Удача все еще не покинула меня. Солдаты не заметили меня и ду-

мали, что я спустился на лифте вниз. Привалившись к стене, я слышал, как они с криками понеслись в подвал.

Но один из них оказался не таким тупым, как остальные. Вместо того чтобы отправиться в подвал по ложному следу, он стал медленно подниматься по ступенькам. У меня не осталось ни одной гранаты, поэтому пришлось идти впереди него по лестнице, стараясь не производить шума.

Я крался по ступенькам в одних носках, повесив ботинки на шею, а он грохотал своими сапожищами по металлической лестнице. Так мы преодолели четыре пролета.

Я уже было занес ногу, чтобы подниматься дальше, как вдруг услышал, что кто-то спускается вниз, топоча солдатскими сапогами. Рядом была дверь, и я шмыгнул за нее. Передо мной тянулся коридор, по обе стороны которого были расположены двери. Я помчался вперед, стараясь добежать до конца коридора до того, как дверь сзади распахнется и меня изрешетят автоматными очередями. Коридор, казалось, никогда не кончится, и я понял, что добежать до конца у меня не хватит времени.

Я, как крыса, искал щель, где бы укрыться, но ее не было. Я тыкался в двери, но они были заперты все до одной. Лестничная дверь позади меня распахнулась, и я скорее почувствовал, чем увидел, как автоматы нацелились на меня. Я боялся оглянуться. Неожиданно одна из дверей подалась, и я влетел туда, не соображая, что произошло. Быстро закрыв ее за собой, я привалился к стене, дыша, как загнанный зверь.

Внезапно свет в комнате зажегся, и я увидел сидевшего за столом человека. Он улыбался.

Есть какой-то предел человеческому терпению, и я достиг его. Мне уже было все равно – пристрелит он меня или угостит сигаретой. Он не сделал ни того ни другого. Вместо этого, он предложил мне сигару.

– Угощайтесь, ди Гриз. Вы, кажется, такие предпочитаете?

Насколько все-таки мы рабы своих привычек! Даже когда рядом ходит смерть, мы не можем от них отказаться. Пальцы сами взяли сигару и засунули ее в рот. Я глубоко затянулся. Все это время я не сводил глаз с человека, ожидая любого подвоха.

Наверное, ожидание смерти было написано у меня на лице. Он кивнул мне на кресло, держа руки на столе. Я все еще держал его на мушке своего пистолета.

– Садитесь, ди Гриз, и уберите пушку. Если бы я хотел вас убить, я сделал бы это гораздо раньше, а не стал заманивать в эту комнату. – Он изумленно поднял брови, увидев выражение моего лица. – Уж не думаете ли вы, что оказались здесь случайно?

Именно так я и думал, но теперь... Какой же я болван! Мне стало мучительно стыдно. Меня обвели вокруг пальца, и у меня не было другого выбора, как достойно сдать-ся. Швырнув пистолет на стол, я плюхнулся в предложенное кресло. Он убрал оружие в ящик и немного расслабился.

– Мне было немного не по себе, когда вы таращили на меня глаза и размахивали своей пушкой.

– Кто вы такой? – резко спросил я.

Он улыбнулся:

– Кто я такой, абсолютно не важно. Главное, какую организацию я представляю.

– Корпус?

– Именно. Специальный корпус. Уж не приняли ли вы меня за местного полицейского? Полиция получила приказ стрелять в вас без предупреждения. Они позволили корпусу участвовать в этом деле только после того, как я рассказал, где вас можно найти. Это мои люди заманили вас сюда. Здешние полицейские пристрелили бы вас не раздумывая.

Неприятно, конечно, слышать такое, но это была правда. Они манипулировали мной, как запрограммированным роботом М-класса. Сидевший за столом человек – на вид ему было лет шестьдесят пять, это я только сейчас заметил, – поймал меня по всем правилам. Игра закончилась.

– Ладно, мистер сыщик, я сдаюсь. Что дальше вы со мной собираетесь делать? Психологическая переориентация, лоботомия или банальный расстрел?

– Боюсь, что вы не угадали. Я просто хотел предложить вам работать на корпус.

Все это прозвучало настолько нелепо, что я чуть не свалился с кресла от смеха. Межпланетный вор Джеймс ди Гриз в роли полицейского? Вот потеха! Он спокойно ждал, когда

у меня пройдет приступ веселья.

– Допускаю, что на первый взгляд это кажется нелепым. Подумайте и скажите: кто может лучше выследить вора, как не другой вор?

Он был прав, но я не хотел в обмен на свободу становиться стукачом.

– Звучит заманчиво, но, боюсь, вынужден буду отклонить ваше предложение. Вы же знаете, у воров существует свой кодекс чести.

Это его разозлило. Когда он помахал перед моим носом пудовым кулачищем, я понял, что он гораздо крупнее, чем показался мне сначала.

– Хватит говорить глупости! Не корчите из себя героя детективного сериала. Вы еще никогда за свою жизнь не встречались с другим преступником. А встретив, не задумываясь передали бы его полиции, если бы это принесло вам выгоду. Вами движет только эгоизм, и вы наслаждаетесь, делая то, чего не могут сделать другие. Пора признаться себе в этом. Хватит играть роль межпланетного плейбоя! Вы можете заняться работой, где потребуются все ваши таланты и способности. Вам приходилось когда-нибудь убивать?

Внезапный вопрос застал меня врасплох, и я не сразу ответил.

– Насколько я знаю, нет.

– А я знаю точно, так что можете спать спокойно. Вы не убийца, я проверил это, прежде чем начать охоту на вас.

Именно поэтому я и уверен, что вы согласитесь работать на корпус и получать удовольствие, вылавливая настоящих преступников, а не тех, кто просто бросает протест обществу. Людей, которые убивают и получают наслаждение от убийства.

Все это звучало довольно убедительно, на все у него был готовый ответ. У меня оставался последний аргумент.

– А что случится, если в корпусе узнают, что вы принимаете на работу бывших преступников? Да нас обоих поставят к стенке!

Теперь расхохотался он. Я не видел в этом ничего смешного и не стал разделять его веселье.

– Начнем с того, мой друг, что я и есть корпус – по крайней мере, человек, который им руководит. Как, ты думаешь, меня зовут? Гарольд Питерс Инскипп, вот кто я такой!

– Уж не тот ли Инскипп...

– Тот самый. Неуловимый Инскипп. Человек, ограбивший «Фарсидион-два» во время полета и провернувший все те дела, о которых вы, вероятно, читали в свои юношеские годы. Меня завербовали точно так же, как сейчас я вербую вас.

Он знал, что я у него на крючке, и выложил последний довод:

– А откуда, по-вашему, мы набираем своих агентов? Не тех отличников технических школ, которые преследовали вас сейчас. Я имею в виду настоящих агентов. Тех, кто пла-

нирует и осуществляет операции. Они бывшие преступники. Все до одного. И чем лучше они действовали на свободе, тем большую пользу они приносят корпусу. Вселенная огромна, и каких только проблем у нас не возникает. Мы берем на работу только настоящих профессионалов. Что скажете?

Все это было настолько внезапно, что времени подумать не оставалось. Я мог бы спорить с ним целый час, но мозг уже принял решение. Я готов был сказать «да».

Я, конечно, что-то терял, но особо не печалился. Я не потеряю свободу и буду работать с людьми. Прощайте, беззаботные деньки, я снова становлюсь полноправным членом общества.

От этой мысли на душе у меня потеплело. По крайней мере, моему одиночеству пришел конец. Взамен того, что я потеряю, я приобрету дружбу.

Глава 4

Как глубоко я ошибался!

Люди здесь просто поражали меня тупостью. Я был для них очередной шестеренкой в отлаженном механизме. Я делал все, что мне говорили, удивляясь, как меня угораздило вляпаться в такую историю. Впрочем, удивляться было особенно нечему, я ведь знал, как это случилось. Потянулись однообразные будни.

Школа находилась на планетоиде, и я понятия не имел, какие планеты располагаются по соседству и как называется эта звездная система. Все это держалось в глубоком секрете, потому что тут, очевидно, располагалась штаб-квартира Специального корпуса и главная учебная база.

Это мне нравилось. Только поэтому я и подавил в себе мысль о побеге. Предметы были скучными, но материальная база – будь здоров. Только теперь я понял, какими примитивными были мои операции. Да имей я такую технику, мне бы равных не нашлось! Эта мысль постоянно преследовала меня в минуты депрессии и тоски, но я гнал ее прочь.

Потом вообще началась тоска зеленая. Почти все время занимала работа с архивами, где мы изучали бесчисленные победы и некоторые поражения корпуса. Я несколько раз уже порывался смыться отсюда ко всем чертям, но меня одолевало любопытство – а что, если все это часть испытательно-

го периода? Я умерил свой норов и, стараясь не помереть со скуки, стал присматриваться, что к чему. Я поставил себе целью вырваться из этого рабства. Пришлось попотеть, но я достиг своей цели.

Когда я собрал все данные, все уже спали. Впрочем, я был этому только рад.

Что касается вскрытия замков и сейфов, то без ложной скромности признаюсь – равных в этом деле мне нет. Замок на двери спальни Инскиппа был просто допотопным. Через секунду я бесшумно пробрался в его комнату. Но он все равно услышал меня. Зажегся свет, и я увидел дуло пистолета 75-го калибра, направленное мне в грудь.

– Я-то думал, у тебя мозгов побольше, ди Гриз! – рявкнул он. – Подумать только, залезть в мою спальню! Да я мог тебя пристрелить!

– Не думаю, – ответил я, глядя, как он прячет свой пистолет под подушку. – Вы из тех любознательных людей, которые, прежде чем нажать на спусковой крючок, должны выяснить, что происходит. К тому же, будь ваш экран включен, я бы не стал шастать тут по ночам. Я бы просто позвонил.

Инскипп зевнул и налил стакан воды из графина.

– Если я возглавляю Специальный корпус, это не значит, что я обязан работать круглые сутки. – Он опустошил стакан. – Надо же мне когда-нибудь спать. Мой экран принимает только экстренные вызовы. Не хватало мне еще утешать каждого агента.

– Значит, – как можно ласковее сказал я, – вы полагаете, что я пришел к вам за утешением?

– Мне все равно, зачем ты пришел, – проворчал он, накрываясь одеялом. – Убирайся отсюда и приходи завтра, в рабочее время.

Теперь он был в моих руках. Ему так хотелось спать, но скоро сон с него как рукой снимет.

– Знаете ли вы, что это такое? – спросил я, сунув ему под нос фотографию.

Инскипп медленно приоткрыл один глаз.

– Похоже на большой военный корабль империи, – пробормотал он. – А теперь убирайся с моих глаз долой!

– Отличная мысль, несмотря на такой поздний час, – ободряюще сказал я. – Это последний имперский крейсер. Одна из самых разрушительных военных машин, когда-либо построенных человеком. Полмили защитных экранов и вооружение, способное испепелить в долю секунды любой существующий флот...

– Если не считать, что последний крейсер такого типа пустили на металлолом тысячу лет назад, – пробормотал он.

Чтобы исключить всякие недоразумения, я наклонился и прошептал ему прямо на ухо:

– Все правильно. А если я скажу, что этот корабль строят сейчас?

С каким удовольствием я наблюдал, как, отбросив в сторону одеяло, Инскипп вскочил с постели. Еще секунду назад

он находился в горизонтальном положении, а теперь стоял, рассматривая фотографию при свете лампы. На его пижаме не было пуговиц, и мне было видно, как его худое тело покрылось гусиной кожей. Но, несмотря на это, голос Инскиппа звучал грозно.

– Говори, ди Гриз! Говори, черт тебя побери! – зарычал он. – Что это за чепуха насчет военного корабля? Кто его строит?

Достав пилочку для ногтей, я принялся за маникюр, краешком глаза наблюдая, как его лицо наливается краской. Я наслаждался чувством превосходства.

– Вы правильно сделали, что направили ди Гриза работать в архиве. Копаться в папках столетней давности – что может быть лучше, чтобы сломить его строптивость. Надо же как-то научить Скользящего Джима дисциплине, показать ему, на чем стоит корпус. Впрочем, архив уже давно пора было привести в порядок.

Инскипп открыл рот, издал какой-то нечленораздельный звук и снова закрыл его. Он понял, что чем больше он будет меня прерывать, тем длиннее будет моя речь. Я кивнул, отмечая его сообразительность, и продолжал:

– Итак, вы решили сломить мой дух под видом изучения истории деятельности корпуса. Надо сказать, ваш план провалился. Покопавшись в архивах, я обнаружил там массу интересного. Особенно меня заинтересовала система КП – каталог памяти. Такая машина, что собирает поступающую ин-

формацию со всех планет Галактики, обрабатывает ее соответствующим образом и отправляет в архив. Там я и натолкнулся на этот корабль. Космические корабли всегда интересовали меня...

– Еще бы! – грубо прервал меня Инскипп. – Сколько ты их угнал за свою жизнь!

С обидой посмотрев на него, я медленно продолжал:

– Не буду утомлять вас деталями, раз вам так не терпится все узнать. Одним словом, я наткнулся на этот план.

Как только я вытащил план из кармана, он вырвал его у меня из рук.

– Что ты хочешь этим сказать? – пробормотал он, внимательно изучая чертеж. – Обычный транспортный корабль, приспособленный для перевозки пассажиров. При чем здесь имперский крейсер?

Трудно презрительно кривить губы и говорить одновременно, но у меня это получилось.

– Естественно, ни один дурак не будет сообщать в регистр Лиги, что строит военный корабль. Но, как я уже сказал, в кораблях я немного соображаю. Мне показалось, что его размеры слишком уж велики для той цели, для которой он якобы предназначается. И так слишком много существует кораблей, которые только зря переводят топливо. Незачем строить новые. Поразмыслив, я дал команду машине, чтобы мне представили полный список кораблей такого размера, которые когда-либо строились. Представьте себе мое удивле-

ние, когда, попыхтев три минуты, машина выдала список, где числилось только шесть кораблей. Один построили для колонизаторов, направляющихся в другую галактику. Насколько мне известно, он все еще в пути. Пять других относились к кораблям класса Д, построенным для перевозки больших масс людей в эпоху экспансии. Сейчас такие громадины никому не нужны. Я никак не мог взять в толк, зачем кому-то понадобился такой корабль. Отключив в системе КП временной ограничитель, я просмотрел всю историю освоения космоса, чтобы найти подходящие аналоги. И я их нашел. Это оказался военный корабль из Золотого века имперской экспансии. Машина даже выдала мне чертеж.

Инскипп вырвал его у меня из рук и принялся сравнивать оба чертежа. Глядя через его плечо, я указывал на наиболее интересные детали:

– Обратите внимание, планировка машинного зала слегка изменена, чтобы увеличить емкость грузового трюма для хранения достаточного количества оружия. Надстройка легко убирается, и на ее месте устанавливаются орудийные башни. Корпуса кораблей одинаковы. Пара незначительных изменений – и неуклюжий транспортный корабль превращается в быстроходный крейсер. Все это можно сделать во время сборки. Пока Лига сообразит, что к чему, корабль будет готов. Разумеется, все это может оказаться чистой случайностью, несмотря на то что чертежи совпадают в шести местах. Но я готов спорить на все что угодно, что это не так.

Но Инскипп спорить не стал. С его-то опытом, он сразу сообразил, что дело тут нечисто. Натягивая штаны, он буквально засыпал меня вопросами:

– Как называется эта миролюбивая планета, стремящаяся возродить этот кошмар из прошлого?

– Циттануво. Вторая планета звезды Б в Северной Короне. Единственная планета, где живут колонисты.

– Никогда о такой не слышал, – сказал Инскипп, когда мы спускались в кабинет на его личном лифте. – Это и хорошо и плохо. Не впервые неприятности происходят там, откуда их не ждешь.

Как и всякий человек, фанатически преданный своему делу, он без всяких угрызений совести разбудил своих подчиненных, нажав на кнопку срочного вызова. Заспанные клерки быстро принесли все необходимые документы. Мы тут же принялись их изучать.

Скажу без ложной скромности, что скоро Инскипп пришел к тому же выводу, что и я. Отшвырнув папку в другой конец комнаты, он хмуро уставился в окно, за которым начинался рассвет.

– Чем больше я думаю об этом деле, – сказал он, – тем больше оно кажется мне подозрительным. У этой планеты нет никаких причин, чтобы строить военный корабль. Но они строят его, в этом я не сомневаюсь. Но зачем? У них процветающая культура, нет безработицы, в избытке тяжелые металлы и эффективная система хозяйствования. Ни врагов,

ни междоусобиц, ничего подобного. И если бы не этот военный корабль, это была бы идеальная планета Лиги. Надо узнать о них побольше.

– Я уже позвонил в космопорт – от вашего имени, разумеется, – сказал я, – и приказал, чтобы приготовили скоростной курьерский корабль. Через час я отправляюсь на Циттануво.

– Не слишком ли ты торопишься, ди Гриз? – ледяным тоном спросил он. – Пока еще я здесь командую и сам могу решить, когда ты сможешь действовать самостоятельно.

Я не стал с ним спорить, так как все теперь зависело от его решения.

– Просто я решил помочь, шеф. Думал, вдруг вам понадобится дополнительная информация. Ведь речь пока не идет об операции. Это просто разведка. Я могу справиться с этим не хуже любого квалифицированного оперативника. К тому же я наберусь опыта, который мне необходим для работы в корпусе.

– Ладно, – сказал он. – Хватит языком молоть. Отправляйся и узнай, что там происходит. Потом вернешься иложишь. И больше ничего. Это приказ.

По его тону я понял, что он не надеялся на такой исход. И он был прав.

Глава 5

В вещевом отделе и отделе документации меня снабдили всем необходимым. Солнце едва поднялось над горизонтом, когда моя ракета, как серебряная стрела, взмыла в небо.

Путешествие заняло всего несколько дней. За это время я изучил всю информацию, касающуюся Циттануво. И чем больше я узнавал об этой планете, тем меньше понимал, зачем им боевой корабль. Это не укладывалось ни в какие рамки. На Циттануво жили колонисты из системы Челлини, и я не раз бывал в подобных поселениях. Все они объединялись в свободный союз, и, хотя случались разногласия, до применения военной силы дело никогда не доходило. Уж если у них и было что-то общее, так это отвращение к войне.

И все-таки они тайно строили военный корабль.

Устав от бесплодных размышлений, я принялся играть сам с собой в трехмерные шахматы. Этим я занимался до тех пор, пока на экране не появилась Циттануво.

Один из моих девизов гласит: «Тайное надо делать явно». Фокусники называют это отвлечением внимания. Дайте людям взглянуть на то, что вы хотите спрятать. Поэтому, не спеша приблизившись к планете, я приземлился в полдень на самом крупном космодроме Циттануво. Я уже был одет соответственно своей роли и вышел из корабля, как только амортизаторы перестали вибрировать. Накинув на плечи ме-

ховую накидку, я застегнул ее платиновой пряжкой и спустился по трапу. Приземистый робот модели М-3 грохотал сзади с моим багажом. Я сразу же направился к главному выходу, не обращая внимания на суету, царившую в таможенном отделе. И только когда какой-то мелкий чин подбежал ко мне, я сделал вид, будто только сейчас заметил таможенников.

Не успел он и рта открыть, как я разразился целой речью: – Прекрасная планета! Изумительный климат! Идеальное место для жизни. Приветливые люди, готовые помочь незнакомцу, и все такое прочее. Это мне по душе. Я очень благодарный человек. Очень рад с вами познакомиться. Я – великий князь Сант-Анжело.

Горячо пожав ему руку, я сунул туда сотенный кредит. – А теперь, может, вы позовете таможенников, чтобы они прямо здесь осмотрели мой багаж? Не будем терять время. Мой корабль открыт, и они могут его проверить когда угодно.

Мои манеры, одежда, драгоценности, новенькие шикарные чемоданы, небрежность, с которой я раздавал деньги, могли означать только одно. Столь богатый человек не стал бы заниматься мелкой контрабандой. Служащий что-то пробормотал мне с улыбкой, сказал несколько слов в телефонную трубку, и дело было сделано.

Заглянув для проформы в один или два чемодана, таможенники быстро наклеили бирки на мой багаж и пропустили

через барьер. Я пожал всем руки, вложив каждому в ладонь по кредиту, и двинулся в путь. Меня уже ждало такси, и мне порекомендовали хороший отель. Усаживаясь в машину, я согласно кивнул, а робот в это время укладывал чемоданы в багажник.

Корабль был абсолютно чист. Все необходимое мне для работы лежало в моем багаже. Кое-что настолько опасное и смертоносное, что мне грозили бы крупные неприятности, если бы таможенники были повнимательнее.

Придя в номер отеля, я переоделся и изменил внешность. Разумеется, после того, как робот проверил все помещения.

Замечательная штука эти роботы корпуса. С виду самые настоящие тупые М-3. Но это только внешне. Мозги у них первоклассные, к тому же весь корпус у них наштигован различными приборами и приспособлениями. Робот медленно двигался по комнате, раскладывая мой багаж и дорожные принадлежности. Он следовал по определенной схеме, исследуя одновременно каждый дюйм поверхности. Закончив проверку, он доложил мне о результатах:

– Все комнаты проверены. Обнаружен только один оптический «жучок» на той стене.

– Может, не стоит указывать на него? – спросил я робота. – Полиции это может показаться подозрительным.

– Исключается, – с механической уверенностью произнес робот. – Я вывел его из строя.

Находясь в безопасности, я сбросил свои роскошные

одежды и облачился в черную как ночь форму адмирала Великого флота Лиги. Мне выдали ее со всеми знаками отличия, золочеными галунами и необходимыми документами. Мне она казалась слишком помпезной, но для Циттануво это было в самый раз. Как и на других планетах, здесь форме придавали большое значение. Рассыльные, дворники, клерки – все они имели свою характерную униформу. Так что мой черный мундир должен был придать мне соответствующий авторитет.

Перед выходом из отеля я накинул поверх формы длинный плащ, но не мог придумать, куда деть украшенную золотом фуражку и кейс с документами. Я до сих пор еще не знал всех возможностей псевдоробота М-3 и решил проверить.

– Эй, коротышка, – позвал я. – Есть ли в твоём стальном брюхе какие-нибудь ящики?

Мне показалось, что робот взорвался. У него было больше ящиков, чем у сотни кассовых аппаратов. Большие и маленькие, узкие и широкие, они выскочили из него в разные стороны. В одном из них лежал пистолет, в двух других – гранаты, остальные были пустыми. Засунув в них свою фуражку и кейс, я щелкнул пальцами. Ящики встали на свое место, и металлический корпус стал гладким, как раньше.

Я нацепил кепку, поплотнее запахнул плащ и был готов. За багаж я не беспокоился: он мог сам постоять за себя. В крайнем случае все пистолеты, газовые бомбы, отравленные иглы просто взлетят на воздух. М-3 спустился на грузовом

лифте. Я сбежал по ступенькам, и мы встретились на улице.

Еще светило солнце, и я не стал брать вертолет, а остановил такси. Выехав за город, мы не спеша направились к резиденции президента Ферраро и добрались туда, когда уже смеркалось.

Как и всякий повелитель богатой планеты, он жил в великолепном дворце. Правда, охрана оказалась никудышной, и мы с трехсотпятидесятикилограммовым роботом беспрепятственно преодолели ее, так что ни одна сигнализация не сработала. Президент Ферраро был холостяком и в это время ужинал. Это позволило мне спокойно исследовать его кабинет.

Я не нашел там ничего. Ничего связанного с войнами и строительством военного корабля. Будь я простым шантажистом, тут бы мне хватило компромата, чтобы всю оставшуюся жизнь ни в чем не нуждаться. Но меня, однако, интересовало нечто более значительное, чем политическая коррупция.

Когда Ферраро вошел в свой кабинет после ужина, там было темно. Проклиная слуг, он стал нащупывать выключатель. Прежде чем он нашел его, робот закрыл дверь и включил свет. Я сидел за его столом, положив на его личные бумаги свой пистолет. На лице я попытался изобразить зловещую гримасу. Не успел он очухаться, как я рявкнул:

– Идите сюда и садитесь! Быстро!

В этот момент робот дал ему пинка, так что у президента

не осталось другого выбора. Увидев на столе свои бумаги, он вытаращил глаза и пробормотал что-то нечленораздельное. Пока он не оправился от испуга, я сунул ему свои документы:

– Я – адмирал Тар, командующий Великим флотом Лиги. Можете проверить мои полномочия.

Я не беспокоился – документы нельзя было отличить от настоящих. Ферраро внимательно просмотрел их и даже проверил печати ультрафиолетом. Это дало ему время прийти в себя, и он перешел в наступление:

– Как вы посмели ворваться в мой кабинет и рыться в моих бумагах?!

– У вас крупные неприятности, – как можно более злое ще произнес я.

От этих слов Ферраро побледнел. Я продолжал напирать:

– Я вынужден вас арестовать за воровство, вымогательство, заговор и многое другое, что прояснится после изучения этих документов. Взять его!

Последние слова предназначались роботу, который отлично справился со своей ролью. Сделав шаг вперед, он взял президента за запястье, но тот даже не заметил этого.

– Я все объясню! – в отчаянии взмолился он. – Не знаю, что у вас тут за бумаги, поэтому не стану утверждать, что они фальшивые. У меня ведь так много врагов. Если бы Лига только знала, сколько трудностей приходится преодолевать на этой отсталой планете...

– Достаточно, – остановил его я. – Все это в свое время

расскажете на суде. Меня интересует только одно: зачем вы строите военный корабль?

Президент был великим актером. Он выпучил глаза, открыл рот и рухнул в кресло, будто его огрели молотком по голове. Когда к нему наконец вернулся дар речи, слова уже были не нужны – всем своим видом он выражал оскорбленную невинность.

– Какой еще корабль? – пробормотал он.

– Военный крейсер, который строят на космической верфи Сенерентолы. Якобы по этим чертежам. – Я бросил их на стол и указал ему на подпись. – А вот и ваши инициалы. Вы сами разрешили строительство.

Ферраро все еще никак не мог прийти в себя, пока изучал чертежи и свою подпись. Я не стал его торопить. Отложив чертежи в сторону, он покачал головой:

– Не знаю ни о каком военном корабле. Это чертежи нового грузового и пассажирского лайнера. Подпись действительно моя.

Формулируя следующий вопрос, я тщательно подбирал слова:

– Значит, вы понятия не имеете, что по этим чертежам строится крейсер?

– Я только знаю, что это чертежи обычного грузового корабля, который может использоваться и как пассажирский лайнер.

Казалось, что говорит невинный младенец. Что ж, его

еще, наверное, никогда не хватали за руку. Откинувшись в кресле, я закурил сигару.

– Кстати, насчет робота, который вас держит... – (Он обернулся, будто только сейчас заметив, что все это время робот держал его за запястье, как в наручниках.) – Это не простой робот. На кончиках пальцев у него полно всяких интересных приборов – термодатчики, гальванометры и тому подобное. Пока мы беседовали, он измерял температуру вашей кожи, кровяное давление, потообразование и другие параметры. Иными словами, перед вами быстродействующий и надежный детектор лжи. Сейчас мы послушаем, сколько вы нам всего наврали.

Ферраро дернулся от робота, будто это была ядовитая змея. Я выпустил кольцо дыма.

– Доложи, – приказал я роботу, – сколько он наврал?

– Много, – сообщил тот. – Семьдесят четыре процента всех его утверждений были лживыми.

– Отлично. – Я кивнул, приготовившись захлопнуть ловушку. – Значит, он знал о военном корабле?

– Субъект ничего не знал о военном корабле, – беспристрастно доложил робот. – Все его заявления, касающиеся строительства военного корабля, были правдивыми.

Теперь настала моя очередь таращить глаза, а Ферраро тем временем взял себя в руки. Он, конечно, не знал, что меня не интересуют его остальные махинации, но заметил мою растерянность. Усилием воли я заставил себя проана-

лизировать ситуацию.

Если президент Ферраро ничего не знал о строительстве военного корабля, значит его использовали как ширму. Но кто же тогда стоял за этим? Военная хунта, которая хотела отстранить его от власти? Я слабо разбирался в местных политических делах и решил взять Ферраро к себе в союзники. Используя компрометирующие документы, я мог бы управлять им, как марионеткой. Но этого не понадобилось. Как только я показал ему оба чертежа и объяснил, в чем их сходство, он сразу же все понял. Он больше меня хотел найти того, кто использовал его как слепое орудие. По молчаливому согласию о компромате мы забыли.

Мы решили, что первым делом надо поехать на космические верфи Сенерентолы. Он уже принялся рассуждать, как он может использовать это против своих политических противников, но я дал ему понять, что Лига, и в особенности флот Лиги, желала бы приостановить строительство корабля. После этого он может спокойно играть в свои политические игры.

Урегулировав этот вопрос, он вызвал машину и взвод охраны. Мы торжественно покатали в сторону космических верфей. Дорога туда заняла четыре часа, и все это время мы обсуждали наши планы.

Управляющего звали Рокка, и он мирно спал, когда мы приехали. Увидев мундиры и наставленные на него пистоле-

ты, он так испугался, что едва устоял на ногах. Полагаю, что он был таким же мелким мошенником, как и Ферраро. Человек с чистой совестью вряд ли бы так напугался. Долго не раздумывая, я подсоединил к нему свой ходячий детектор лжи и принялся задавать вопросы.

Еще не закончив допроса, я понял, что к чему. Я с ужасом осознал, что управляющий верфью ничего не подозревал о строящемся здесь военном корабле.

Человек с меньшим, чем у меня, жизненным опытом уже давно усомнился бы в своей правоте. Но только не я. Корабль все еще продолжал совпадать с крейсером в шести ключевых местах. А в совпадения я не верил. Из двух зол надо выбирать меньшее. Не веря в случайности, я доверился своему инстинкту.

Сравнив оба чертежа, я снова обратил внимание на надстройку. Чтобы превратить пассажирский лайнер в военный корабль, от нее надо было избавиться в первую очередь.

– Рокка! – рявкнул я, как настоящий космический волк. – Посмотри на эту штуковину на носу корабля. Ее все еще строят?

Он покачал головой:

– Нет, чертежи изменили. Здесь мы установили защитное устройство от метеоритов, чтобы корабль мог проходить опасные участки.

Раскрыв кейс, я вытащил оттуда второй чертеж.

– Уж не так ли выглядит ваше устройство? – спросил я,

швырнув чертеж на стол.

Он потер подбородок, рассматривая схему.

– Вроде бы, – нерешительно произнес он. – Но утверждать не могу. Этим занимались другие, а я отвечаю только за окончательную сборку. Но эта штуковина похожа на ту, которую они установили. Полно всяких силовых кабелей...

Без всякого сомнения, это был крейсер. Я уже поздравил себя с удачей, когда до меня дошел смысл сказанного.

– Установили! – закричал я. – Вы сказали – установили?

Рокка, казалось, съежился от моего крика.

– Да, – пробормотал он. – Совсем недавно. Помню, там еще были кое-какие трудности...

– А еще что? – перебил его я. От напряжения я даже вспотел. – Двигатели, приборы управления – это они тоже установили?

– Разумеется, – ответил он. – Как вы узнали об этом? График предельно сжали, и это вызвало массу всяких трудностей.

Теперь я уже обливался холодным потом. Я чувствовал, что где-то допустил просчет. По плану они должны были закончить сборку корабля только через год. Но уж если они изменили чертежи, почему бы им не изменить и сроки?

– Хватайте оружие! По машинам! – закричал я. – К кораблю! Если его уже почти достроили, нам грозят серьезные неприятности! Очень серьезные!

Взревели моторы, завывали сирены. Скучавшие до этого

охранники оживились. Мы летели через ночь как на крыльях.

Но это не помогло. Мы все равно опоздали. Ночной сторож яростно махал нам руками, и мы остановились.

Корабля не было.

Ни Рокка, ни президент не могли в это поверить. Они изумленно бродили по пустой площадке. Я даже не стал вылезать из машины, а, откинувшись на сиденье, жевал сигару, проклиная себя за тупость.

Истина была рядом, а я-то вбил себе в голову, что правительство строит корабль. Оно участвовало в этом деле, но всего лишь как прикрытие. Ни один мелкий политик не додумался бы до затеи с таким размахом. Я учуял крысу – Стальную Крысу. Кто-то действовал так же, как действовал я, до того как встал на путь истинный.

Теперь, когда этот грызун ускользнул от меня, я знал, где и как его найти. Рокка, управляющий верфи, рвал на себе волосы, ругаясь на чем свет стоит. Президент Ферраро достал свой пистолет и хмуро уставился на него. Трудно сказать, что он замышлял – убить кого-нибудь или покончить с собой. Впрочем, меня это мало волновало. Его беспокоили только следующие выборы, когда избиратели и политические противники снимут с него шкуру за исчезновение корабля. Меня волновало нечто большее.

Я должен был отыскать крейсер до того, как он начнет бороздить просторы Галактики.

– Рокка! – крикнул я. – Быстро в машину. Мне надо посмотреть ваши отчеты – все до единого. Немедленно!

Он устало сел в машину и принялся давать указания шоферу, прежде чем до него дошел смысл моих слов. Вспомнив, что на улице ночь, он запротестовал.

– Но, адмирал... В такое время? Все еще спят...

Я заворчал, и этого было достаточно. Все остальное он прочел у меня на лице. Схватив трубку телефона, он отдал соответствующие распоряжения.

Когда мы приехали, во всех кабинетах горел свет.

Обычно я ненавижу всякую бюрократическую писанину, но в тот момент я ее боготворил. Это была настоящая наука. Стоило пропасть одной заклепке, как тут же об этом составлялся отчет в пяти экземплярах. Затем это шло в соответствующий раздел архива – «Заклепка», «Потеря», «Расследование». Все необходимые мне факты были похоронены в этих бумажных катакомбах. Оставалось только найти их. Я не стал терять время, докапываясь до причины постройки корабля, а принялся исследовать последние модификации, такие как оружейная башня, чтобы сразу же выйти на преступников.

Как только клерки поняли, что от них требуется, они тут же принялись за работу, подстегиваемые чувством патриотизма и грозными окриками начальства. Стоило мне только указать им нужное направление – и все документы оказывались на моем столе.

Понемногу картина стала проясняться. Целая паутина подлогов, взяток, махинаций и обмана. Создать это мог только такой гениальный мошенник, как я. Во мне возникло чувство ревности. Как и все великое, идея была чрезвычайно проста.

Злоумышленник или несколько злоумышленников приспособили строительство корабля для собственных целей. Сначала речь шла о постройке транспортного судна, но затем в чертежи стали вноситься изменения. Приказы проходили через многие инстанции, подтасовывались и видоизменялись. Все это было сделано гениально. Мне стоило немалого труда докопаться до источников этих приказов. Некоторые из них существовали только на бумаге. А другие вносили такие изменения, что я просто диву давался, как это раньше никто не заподозрил неладного. Потом мне объяснили, что у начальников этих отделов работала временная секретарша, когда их собственные болели. Все они получили пищевое отравление. Прямо эпидемия какая-то. И каждую из них по очереди замещала одна и та же девушка. Внеся изменения в планы строительства крейсера в одном отделе, она переходила в другой.

Эта девушка явно была помощницей главного преступника, который и придумал весь план. Он, как паук, дергал за ниточки, руководя всеми действиями. Я ошибался, полагая, что здесь работает целая банда. Преступник просто подделывал чужие подписи. А когда не мог это сделать, вы-

полнял работу сам. Тайнственный злоумышленник занимал должность помощника главного инженера. Одна из ниточек клубка вела к нему. У него тоже имелась секретарша, которая «болела» именно тогда, когда заменяла других девушек в нужных отделах.

Когда я наконец встал из-за стола, спина у меня горела так, будто туда вставили раскаленную проволоку. Проглотив таблетку, я посмотрел на измученных клерков, которые вместе со мной бодрствовали эти семьдесят два часа. Они сидели, прислонившись к мебели, и ждали моего решения. Даже президент Ферраро был здесь. Его шевелюра значительно поредела, а оставшиеся волосы торчали во все стороны.

– Вы обнаружили эту банду преступников? – спросил он, снова пытаясь вырвать клочок волос.

– Да, нашел, – хрипло ответил я. – Но не банду, а одного мастера криминального таланта. Все ваши продажные клерки и мизинца его не стоят. Ему помогала женщина. Всю работу они проделали вдвоем. Его зовут Пепе Неро, хотя имя явно вымышленное. А девушку зовут Анжелина...

– Стража! Схватить их!

Ферраро выскочил из комнаты. Я был вынужден обращаться к его спине:

– Это было бы наилучшим решением. Но в данный момент это затруднительно – ведь они не только построили крейсер, но и украли его. Управление кораблем автоматическое, никакой команды не требуется.

– Что же вы собираетесь предпринять? – спросил один из клерков.

– Абсолютно ничего, – ответил я ему, как истинный космический волк. – Флот Лиги уже сжимает вокруг них кольцо, и скоро вы услышите об их поимке. Благодарю вас за помощь.

Глава 6

Я молодцевато козырнул, и они вышли из комнаты. Хмуро глядя им вслед, я на мгновение позавидовал их вере в мощь флота Лиги. В действительности флот был такой же липой, как и мое адмиральское звание. Этим делом занимался только корпус. Надо было немедленно сообщить информацию Инскиппу. Я уже посылал ему псиграмму, но ответа пока не последовало. Может быть, когда он узнает о личности злоумышленников, дело сдвинется с мертвой точки.

Я зашифровал свое сообщение (код был несложным) и отнес его в передающий центр. Псиграммист находился в своем прозрачном кабинете, когда я вошел к нему, закрыв за собой дверь. Глядя перед собой отсутствующим взглядом, он тихо говорил в микрофон, посылая сообщение через просторы Галактики. Снаружи стенографисты записывали, расшифровывали и подшивали поступающие сообщения, но через изолированные стены не проникало ни звука. Когда псиграммист наконец закончил, я протянул ему листок бумаги: – Лига, Центральная-четырнадцать, срочно!

Он удивленно поднял брови, но вопросов задавать не стал. Имея в своем распоряжении целую команду псиграммистов, он установил контакт за несколько секунд. Он медленно читал шифровку, шевеля губами, но не произнося слова вслух. Его мысли распространялись вперед на расстояние

в несколько световых лет. Когда он закончил, я забрал у него листок, порвал его, а обрывки сунул в карман.

Ответ пришел почти сразу же. Очевидно, Инскипп ждал моего сообщения. Отключив микрофон, чтобы стенографисты ничего не слышали, я сам принялся записывать кодовые группы.

— ...ксибб дфил фдно, а если не выполнишь, можешь не возвращаться!

В конце сообщение шло открытым текстом, и психогрммист улыбнулся, произнося эти слова. Я перестал писать и пригрозил ему, чтобы он не вздумал кому-нибудь сообщить эту секретную информацию. В противном случае я обещал его лично пристрелить — улыбка медленно сползла с его лица. Но мне от этого легче не стало.

Расшифрованное сообщение оказалось не таким уж и плохим, как я представлял раньше. До получения следующего приказа я должен был найти и вернуть украденный корабль. Лига обещала мне всяческую поддержку. Звание адмирала оставалось за мной до окончания работы. Я должен был постоянно держать Инскиппа в курсе дела. И только последние слова шифровки портили всю картину.

Я получил свое долгожданное задание. Однако на нормальном языке оно звучало как ультиматум: если я не найду корабль, мне не сносить головы. И ни слова благодарности за мои усилия по раскрытию преступления. Нет в мире справедливости.

Преисполненный жалостью к самому себе, я отправился спать. Раз моя основная работа теперь заключалась в ожидании, я мог ждать и во сне.

Да, теперь мне оставалось только ждать. Конечно, я занимался и другими вопросами – распорядился, чтобы мне предоставили крейсер, собирал дополнительную информацию о похитителях, но все это было второстепенным по сравнению с главной задачей – ждать плохих новостей. Оставлять Циттануво и бросаться в погоню не имело смысла, так как украденный корабль мог двигаться в любом направлении. С каждой минутой сфера его вероятного местонахождения росла в геометрической прогрессии. Команда моего крейсера несла круглосуточное дежурство, и я запретил им отходить от корабля дальше чем на сто ярдов.

Пепе и Анжелина умели замечать следы, и мне приходилось довольствоваться скудной информацией. Никто не знал, откуда они, лишь небольшой акцент выдавал в них чужаков. Имелась плохая фотография Пепе, толстощекого парня с хмурым взглядом. Фотографию девушки разыскать не удалось. Сгорая от нетерпения, я заставлял психиатра сообщать мне обо всех происшествиях в космосе. Мы со штурманом отмечали их точками на карте, проверяя, не попадают ли они в сферу возможного нахождения украденного корабля. Некоторые попадали, но при дальнейшем расследовании это оказывалось просто совпадением.

Я приказал сообщать мне обо всех происшествиях в любое время дня и ночи. Однажды дежурный разбудил меня и протянул листок бумаги. Протерев глаза, я прочитал первые две строчки и тут же нажал на кнопку тревоги, расположенную рядом с моей постелью. Надо сказать, флотские ребята знали свое дело. Не успел я дочитать сообщение, как завывли сирены, команда задраила люки и крейсер взлетел. Оправившись от перегрузки, я дочитал сообщение до конца. А потом перечитал еще раз более внимательно.

Именно этого я и ждал. Свидетелей трагедии не было, но мониторные станции зарегистрировали вспышку энергии, как при использовании оружия большой мощности. При помощи триангуляционного метода были определены координаты, по которым обнаружили грузовое судно «Мечта Оггета». В его корпусе зияла дыра величиной с железнодорожный туннель. Груз плутония исчез.

Читая сообщение, я почувствовал руку Пепе. На его крейсере отсутствовала команда, и он действовал наверняка. Если бы он угрожал другому кораблю или вел с ним переговоры, его шансы на успех значительно снизились бы. Поэтому он просто приблизился к ничего не подозревавшему грузовозу и расстрелял его из своих чудовищных пушек. Восемнадцать человек команды погибли на месте. Теперь воры стали и убийцами.

Необходимо было принимать решение. Но я боялся совершить ошибку. Пепе оказался безжалостным убийцей. Он

брал все, что хотел, устраняя всех со своего пути. Я должен сделать так, чтобы трупов было как можно меньше.

Конечно, идеальным вариантом было послать против него вооруженный до зубов флот и изрешетить его из орудий. Прекрасная мысль, только вот где найти этого Пепе? Крейсер, разумеется, огромный корабль, но в масштабах Галактики он просто пылинка. Пока он будет держаться вдали от пассажирских маршрутов и планет с радарными станциями, нам его не отыскать.

Как же мне его найти? А когда найду – как захватить? Эта адская штука уничтожит самый мощный корабль флота. Этот вопрос мучил меня днем и не давал спать ночью, но ответа я не находил.

Решение пришло со временем. Раз я не знаю, где может находиться Пепе, надо сделать так, чтобы он появился там, где нужно мне.

У меня имелись кое-какие преимущества. Самое главное заключалось в том, что я заставил его сорваться с места, когда он был еще не готов. Ведь не случайно он улетел с Циттануво именно в тот день, когда я прибыл на планету. Его план наверняка включал систему предупреждения о приближающейся опасности. Двигатели крейсера, системы управления и основное вооружение были установлены за несколько недель до моего прибытия. Но полностью работа не была закончена. Один свидетель утверждал и даже нарисовал, как во время взлета с крейсера свисали кабели силовой установ-

ки.

Мое появление вывело Пепе из равновесия. Теперь я должен толкнуть его так, чтобы он упал. Надо думать так же, как он, предвидеть его следующий ход – и поймать в ловушку. Вор ловит вора. Теория прекрасная, но на практике она сразу же забуксовала.

Чтобы прояснилось в голове, пришлось выпить и закурить сигару. Выпуская кольца дыма, я глядел в потолок и размышлял. В конце концов, не все можно сделать с помощью крейсера. Нельзя скажем, грабить банки, взламывать сейфы и печатать фальшивые деньги. Для пиратства крейсер в самый раз, но больше он ни на что не годится.

– Прекрасно... Но почему ему понадобился именно военный корабль?

Говорить с самим собой – плохой признак, но сейчас мне было все равно. Я заиклился на мысли о космическом пиратстве, но вдруг – бац! – меня осенило.

Зачем ему понадобился именно военный корабль? Годы труда и титанические усилия, чтобы получить корабль, которым едва ли смогут управлять два человека. Затратив в десять раз меньше усилий, Пепе мог бы построить себе меньший по размерам корабль, который тоже прекрасно подходил бы для пиратства.

Но только для пиратства. Пепе был нужен военный корабль, и он его получил. Это значило, что он задумал нечто большее, чем простое пиратство. Что именно? Этот Пепе

был одержим маниакальной идеей собственного превосходства, как заиклившийся компьютер. Когда-нибудь станет известно, как ему удалось избежать официального тестирования. Но не это меня волновало. Моя задача – поймать его.

План действий постепенно складывался в моей голове, и я дал ему время как следует созреть. Сначала я должен быть уверен, что хорошо знаю Пепе. Не так-то легко поймать человека, который обвел вокруг пальца целую планету, строя военный корабль, да к тому же и угнал его. Крейсеру нужна команда и база, где можно заправляться горючим.

О горючем он уже позаботился. Свидетельство тому – продырявленный корпус «Мечты Оггета». В Галактике полно планет, на которых он может устроить себе базу. С командой дело обстояло сложнее – где ее найти в наше мирное время? Но и тут я продумал несколько вариантов. Пару налетов на тюрьмы и психбольницы – и у вас команда, которой позавидует любой пиратский капитан. Однако этот парень имел в виду нечто более крупное, чем обыкновенное пиратство. Может быть, он хотел править какой-нибудь планетой или целой системой? Или чем-нибудь побольше? От этой мысли мне стало не по себе. Если он действительно задумал нечто подобное, остановить его будет нелегко. Во время Королевских войн горстка авантюристов, имея в своем распоряжении пару кораблей, установила такую империю. А хитрости у них было поменьше, чем у Пепе. В конце концов с ними справились – ведь у них все держалось на авторитете одного

человека, – но какой ценой!

Вот такой план задумал Пепе, я чувствовал это нутром. Возможно, я ошибался в деталях, но это не важно. Я понял, чего он хотел и как хотел этого добиться. В преступлении, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, существуют свои законы. Уж я-то об этом знал.

– Вызовите ко мне офицера связи! – заорал я в микрофон селектора. – И пару стенографистов! Быстро – речь идет о жизни и смерти!

Последняя фраза совсем не соответствовала моему образу. Я застегнул воротничок, поправил медали и расправил плечи. Когда в дверь постучали, я снова был адмиралом.

По моему приказу корабль вышел из искривленного пространства, чтобы наш психогрммист мог связаться с другими операторами. Капитан Стенг недовольно ворчал, что мы зря висим в космосе с выключенными двигателями, теряя драгоценные дни, а половина его команды выполняет какие-то ненормальные приказы. Он никак не мог понять, чего я добиваюсь. Поэтому я и был адмиралом, хоть и временным, а он оставался простым капитаном.

Выполняя мои распоряжения, штурман снова начертил на карте сферу возможного нахождения похищенного корабля. Туда входили планеты, до которых похитители могли долететь за один день. Их было немного, и психогрммист по очереди устанавливал с ними контакт, передавая сообщения флотским офицерам по связи с общественностью. Постепен-

но сфера расширялась, захватывая новые планеты, связаться с которыми наш психграммист уже не мог. К тому времени я подготовил текст основного сообщения и указания по его использованию. Психграммист передал все это на Центрально-14. Там штатные психграммисты стали выходить на связь с планетами, список которых мы постоянно пополняли.

Все мои сообщения касались одной и той же темы. В самых различных формах и стилях я излагал одну и ту же мысль. Я хотел, чтобы основная информация об этом появилась во всех газетах и журналах планет, входящих в сферу возможного нахождения похищенного корабля.

– Что, черт побери, все это значит? – раздраженно ворчал капитан Стенг.

Он давно уже решил, что вся наша операция обречена на провал, и большую часть времени проводил в своей каюте, размышляя о том, как все это отразится на его послужном списке. От скуки или любопытства он прочитал одно из моих сообщений.

– «Миллиардер ищет свой собственный мир... Роскошная космическая яхта с запасом топлива на сто лет...» – Лицо капитана побагровело, и он отшвырнул листок в сторону. – Какое отношение вся эта чушь имеет к нашей операции?

Со мной он разговаривал вежливо, но, видно, уже заподозрил, что я не настоящий адмирал. Впрочем, приказы пока еще отдавал я, и наши отношения носили официальный характер.

– Эта чушь и есть та приманка, на которую клюнет наша рыбка, – объяснил я. – Ловушка для Пепе и его сообщницы.

– А кто этот таинственный миллиардер?

– Он перед вами, – сказал я. – Мне всегда хотелось быть богатым.

– А эта космическая яхта, где она?

– Строится на верфи в Удридде. Как только мы закончим предварительную подготовку, то немедленно отправимся туда.

Капитан Стенг бросил листки с сообщениями на стол и тщательно вытер руки, как будто боялся подцепить какую-нибудь инфекцию. Он силился понять, что у меня на уме, но у него ничего не получалось.

– Непонятно, – пробормотал он. – Откуда вам знать, что этот убийца прочитает хотя бы одну из записок? А если и прочитает, почему он клюнет на это? Мне кажется, вы зря теряете время – он выскользнет у нас из рук. Надо объявить тревогу и оповестить все корабли. Привести в боевую готовность флот и выслать патрули на все пассажирские линии...

– Он легко скроется от них, а может просто уничтожить. Ни один наш корабль не может сравниться с его громадиной. Это не выход. Пепе хитер, как игровой автомат, запрограммированный на выигрыш. В этом его сила, но и слабость тоже. Такие типы считают, что их никто не перехитрит. А именно этим я и собираюсь заняться.

– Весьма скромное заявление, – заметил капитан Стенг.

– Стараюсь не скромничать, – отпарировал я. – Ложная скромность порождает некомпетентность. Я поймаю бандита – и скажу вам, как я это сделаю. Скоро он снова нанесет удар, и, где бы он ни совершил нападение, будут газеты с моим сообщением. В любом случае он заберет все газеты и журналы. Отчасти чтобы удовлетворить свое самолюбие, но главным образом – чтобы получить необходимую информацию. Таковую, как расписание движения кораблей.

– Это всего лишь предположения. Откуда вам знать?

Меня уже начинала раздражать его уверенность в моем неминуемом провале. С трудом сдерживая себя, я сделал последнюю попытку:

– Да, это предположение, но оно основывается на фактах. С «Мечты Оггета» бандиты забрали все газеты и журналы, мне сразу это бросилось в глаза. Мы не в силах предотвратить следующее нападение разбойничьего крейсера, но после этого мы сможем заманить его в ловушку.

– Не знаю, не знаю, – ответил капитан. – По-моему...

Я так никогда и не узнал, что же он хотел сказать, но совсем не сожалел об этом. Он настолько уже мне надоел, что еще немного – и я бы вышел из роли адмирала.

Рев сирены прервал его на полуслове, и мы со всех ног бросились в радиорубку. Капитан Стенг прибежал первым. Еще бы, это был его корабль, и он знал там все короткие пути. В руках психиатра держал стенограмму сообщения и доложил нам о случившемся одной фразой. Глядя мне в

глаза, он холодно отчеканил:

– Они снова нанесли удар. Напали на флотский спутник снабжения и убили тридцать четыре человека...

– Если ваш план не сработает, адмирал, – хрипло прошептал мне на ухо капитан, – я лично прослежу, чтобы с вас сняли шкуру!

– Если мой план не сработает, капитан, с меня нечего будет сдирать. А теперь, если вы не возражаете, мы направимся на Удридде, где я немедленно пересеяду на свою яхту.

Недоверие и подозрительность моих помощников раздражали меня до крайности. Я руководствовался теперь злостью, а не логикой. Я постарался взять себя в руки и привести в порядок мысли.

– Отставить выполнение последней команды! – крикнул я, снова входя в роль космического волка. – Выйдите на связь и узнайте, забрали ли они нашу приманку во время налета.

Пока психотерапевт с отсутствующим взглядом бормотал себе под нос, я неторопливо просматривал лежащие на столе бумаги. Рядовые и офицеры напряженно ждали результата, почти не скрывая своей ненависти к моей персоне. Ответ пришел через десять минут.

– Ответ положительный, – сообщил психотерапевт. – За двадцать часов до нападения к спутнику подходило судно, которое среди всего прочего оставило там и газеты с вашей статьей.

– Очень хорошо, – спокойно констатировал я. – Передайте

общий приказ прекратить печатать эти статьи. Приказ передать только через психотехников. Категорически запрещаю использовать другие средства связи флота. Никто не должен нас подслушивать.

Я вышел из радиорубки с видом хозяина положения. Нельзя, чтобы они видели мое лицо, на котором выступил холодный пот.

Мы направились на Удридде, где меня ждала моя яхта миллиардера под названием «Эльдорадо». Управляющий верфью показал мне корабль, тщетно пытаясь скрыть свое любопытство. Испытывая садистское наслаждение, я ни словом не обмолвился о цели моего путешествия, отомстив таким образом флоту. Проверив системы управления и специальную аппаратуру, я выгнал всех с яхты. В систему автоматического навигатора была заложена программа с необходимыми курсами. Оставалось только нажать на кнопку, и яхта отправится в путь. Я нажал на кнопку.

Это был прекрасный корабль. Строители позаботились обо всем. От носа до дюз яхта была покрыта чистым золотом. Из всех благородных металлов золото производит самый большой эффект. Внутреннее убранство кают поражало своим великолепием. Вряд ли за такое короткое время можно было проделать такую работу; очевидно, флот просто отдал мне чью-то шикарную яхту, установив на ней необходимое оборудование.

Все было готово. Либо Пепе сделает неверный шаг, либо я направлюсь на свою райскую планету миллиардера. В этом случае мне лучше там и остаться.

Теперь, когда я находился в космосе, меня стали одолевать прежние сомнения. План, который еще недавно я считал идеальным, показался мне никуда не годным.

– Не дрейфь, моряк, – сказал я вслух адмиральским голосом. – Ничего не изменилось. Учитывая обстоятельства, лучшего плана тебе не придумать.

А так ли это? Мог ли я быть уверенным, что Пепе, летая на своей громадине и питаясь флотским пайком, проявит интерес к роскоши и комфорту? А если он равнодушен к роскоши, может, ему захочется прибрать к рукам чужую планету? В объявлениях, которые были напечатаны во всевозможных газетах, я указал все то, на что он может польститься. Наживка была на крючке. Но клюнет ли он?

Трудно сказать. Я нервничал, постоянно думая об одном и том же. Навязчивые мысли так и лезли мне в голову. Следующие четыре дня тянулись мучительно долго.

Глава 7

Когда завыл сигнал тревоги, я почувствовал огромное облегчение. Меня, разумеется, могли убить в мгновение ока, но я относился к этому равнодушно. Пепе заглотил наживку. Только его крейсер мог дать такую отметку на экране, находясь на большом расстоянии. Включив двигатель на полную мощность, он стремительно приближался ко мне. Яхта слегка качнулась, когда крейсер создал вокруг меня силовое поле. Одновременно заработал зуммер приемника. Я дал ему немного позвенеть, а затем включил радио. Из динамика загрохотал голос:

– ...что вы под прицелом орудий военного корабля! Не пытайтесь бежать, посылать сигнал о помощи или предпринимать другие действия...

– Кто вы такие и, черт возьми, что вам надо? – завопил я в микрофон.

Я включил сканер, чтобы они видели меня. Мой же экран оставался темным – они не собирались показывать себя. С одной стороны, это облегчало мою задачу – я играл роль перед невидимой аудиторией. Они видели мою роскошную одежду и шикарную каюту. Мои руки оставались вне поля их зрения.

– Не важно, кто мы такие! – снова загрохотало радио. – Выполняй приказы, если тебе дорога жизнь. Не прикасайся к

пульту управления, пока твоя яхта не пришвартуется. Затем будешь выполнять мои распоряжения.

Послышались два приглушенных щелчка, когда магнитные клещи захватили корпус яхты. Она накренилась, когда ее поволокли к крейсеру. Я в ужасе закрывал глаза, озираясь в поисках выхода, поглядывая одновременно на экраны внешнего обзора. Яхту прижало к исполинскому корпусу военного корабля. Я нажал кнопку, давая команду роботу с автономным устройством.

– А теперь я вам кое-что покажу! – рявкнул я в микрофон – испуганный миллиардер исчез. – Прежде всего я повторю ваше предупреждение: выполняйте приказы, если хотите жить. Я покажу вам почему...

Когда я повернул выключатель, на экране появились картинка, идущие друг за другом в строгой последовательности. Сначала вид корпуса корабля с магнитными бомбами. Меня уже на экране не было. Теперь работал сканер, установленный в генераторном зале. Бросив взгляд на монитор, я принялся натягивать скафандр. Я делал это быстро, одновременно продолжая давать пояснения.

– Сейчас вы видите генераторы корабля, – сказал я. – Десятью восемь процентов энергии идет сейчас на питание электромагнитов. Вам не удастся отсоединить от себя яхту. Впрочем, я бы и не советовал этого делать.

Надев скафандр, я продолжал говорить в микрофон шлема. На экране монитора появилась следующая картинка.

– Сейчас перед вами водородная бомба. Стоит вам только отключить магнитное поле, как она взорвется.

Схватив переносной монитор, я помчался к шлюзовой камере.

– А это уже другая бомба, – продолжал объяснять я, одним глазом глядя на экран, а вторым кося на медленно открывающуюся дверь камеры. – Ее датчики присоединены к корпусу яхты. Если вы выстрелите в яхту или попытаетесь проникнуть на нее, сразу же сработает детонатор.

Я уже находился в космосе, приближаясь к гигантскому крейсеру.

– Что вам надо? – Это были первые слова, которые Пепе произнес после своих угроз.

– Мне надо поговорить с вами. Есть одно дельце, которое принесет выгоду нам обоим. Но сначала я покажу вам остальные бомбы, чтобы вы правильно понимали смысл нашего сотрудничества.

Мне нужно было во что бы то ни стало и дальше отвлекать их внимание, на этом основывался весь план. Мониторы продолжали выдавать заранее подготовленные картинки. Давая краткие описания своего арсенала, который мог уничтожить оба наших корабля, я пролез в дыру, проделанную в корпусе крейсера. Согласно чертежам, тут отсутствовала броня и не было сигнальных датчиков.

– Ладно-ладно... Я верю, что ваша яхта напигована смертоносными бомбами. Достаточно демонстраций. Ска-

жите, что вы задумали?

На этот раз я оставил его без ответа, так как, выключив микрофон, уже мчался, как гончая, по коридорам крейсера. Если верить чертежам, впереди находилась рубка управления. Пепе должен быть там.

Войдя внутрь, я ткнул дуло пистолета ему в затылок. Анжелина стояла рядом, вглядываясь в экран.

– Игра закончена, – произнес я. – Медленно вставай, и никаких движений руками.

– Что это значит? – раздраженно спросил он, глядя на экран. Девушка первая поняла, что произошло. Резко повернувшись, она указала на меня:

– Он здесь!

Они совершенно не были готовы к такому повороту дела и теперь испуганно смотрели на меня.

– Ты арестован, король преступного мира, – сказал я. – И твоя подруга тоже.

Закатив глаза, Анжелина упала на пол. Может быть, она и притворялась, но мне было все равно. Я продолжал держать Пепе на мушке, когда он поднял ее и усадил в амортизационное кресло возле стены.

– Что... Что же теперь будет? – пробормотал он. Толстые щеки тряслись, а в глазах появились слезы.

Это зрелище оставило меня равнодушным: я ведь помнил, сколько трупов он оставил на своем пути. Споткнувшись, он рухнул в кресло.

– А что они сделают со мной? – спросила Анжелина, открыв глаза.

– Понятия не имею, – честно ответил я. – Это решит суд.

– Но ведь это он заставил меня все делать, – заплакала она. Девушка была молодая, красивая, с темными волосами, и заплаканные глаза совсем не портили ее.

Пепе закрыл лицо руками, и плечи его затряслись. Я направил пистолет в его сторону:

– Хватит, Пепе! Я не верю твоим слезам. Сюда направляются корабли флота. Минуту назад они получили автоматический сигнал тревоги. Думаю, им приятно будет увидеть человека, который...

– Не отдавайте меня им! Пожалуйста! – Анжелина вскочила на ноги и прижалась спиной к стене. – Меня посадят в тюрьму, изменят мой мозг! – Она дрожала, двигаясь вдоль стены.

Я снова повернулся к Пепе, не желая ни на секунду выпускать его из поля зрения.

– Ничем не могу помочь, – ответил я девушке.

Повернув голову, я увидел, что она исчезла за потайной дверью.

– Не пытайтесь убежать! – крикнул я ей вслед. – Это ни к чему не приведет!

Пепе хрюкнул, и я быстро повернулся к нему. На лице у него не было никаких следов слез. Он уже не плакал, а смеялся:

– И вас она обвела вокруг пальца, мистер Умный Полицейский. Бедная маленькая Анжелина с кроткими глазами! – Он согнулся от приступа хохота.

– Что это значит? – рявкнул я.

– До вас еще не дошло? Все, что она вам рассказала, – чистая правда, за исключением одного. Именно она разработала весь план, руководила постройкой корабля, а затем и украла его. Она втянула меня в это дело, управляя, как марионеткой. Я влюбился в нее, радуясь и презирая себя одновременно. Я рад, что все наконец закончилось. По крайней мере, я дал ей возможность убежать. Я думал, что лопну от смеха, когда она прикинулась невинной жертвой!

Я похолодел.

– Это ложь! – хрипло произнес я, сам не веря в свои слова.

– Зачем мне лгать? Ваши ребята разложат мой мозг по кусочкам и все равно докопаются до правды. Мне нет нужды притворяться.

– Ей не удастся спрятаться, мы обыщем весь корабль.

– А ей и незачем прятаться, – ответил Пепе. – В одном из отсеков стоит быстроходный катер. Она уже отчаливает. – Пол под нами задрожал.

– Флот поймает ее, – сказал я, пытаюсь убедить себя самого.

– Возможно, – сказал Пепе. Он перестал смеяться и выглядел теперь очень усталым. – Может быть, они ее и поймут. Но я дал ей шанс. Моя игра проиграна, но она знает, что

я любил ее до конца. — Он поморщился, как от внезапной боли. — Впрочем, вряд ли ее это интересует.

Я продолжал держать его под прицелом, и никто из нас не пошевелился до тех пор, пока не подошли корабли флота и тяжелые башмаки не загрохотали по коридорам. Я захватил крейсер и покончил с космическим разбоем. Вряд ли меня упрекнут в том, что я упустил девушку. Если ей удастся уйти от кораблей флота, вся вина за это ляжет на них, а не на меня.

Я победил по всем правилам.

Но особой радости не чувствовал. Внутренний голос подсказывал, что с Анжелиной мы еще встретимся.

Глава 8

Жизнь была бы намного приятнее, если бы мои мрачные предчувствия не оправдались. Нельзя винить флот за то, что Анжелина обвела их вокруг пальца, – они не первые и не последние, кто недооценил эту девушку с наивными глазами. Себя я тоже старался не винить. Я уже допустил одну ошибку, позволив ей уйти, но второй раз ошибаться не собирался. Я не совсем поверил в историю, которую рассказал мне Пепе. Возможно, он хотел сбить меня с толку и отвлечь внимание. По характеру я очень недоверчивый человек. Так что я не стал рисковать и направил дуло пистолета ему между глаз, держа палец на спусковом крючке до тех пор, пока флотские пехотинцы не ворвались в рубку и не арестовали его. Как только Пепе оказался у них в руках, я тут же послал сигнал тревоги, сообщая о побеге Анжелины. Не успели еще корабли получить сигнал, как ее катер появился на экране моего радара.

Я облегченно вздохнул. Жаль было бы упускать ее, если она действительно являлась вдохновителем всей операции. Анжелина, Пепе и военный корабль – чудесный подарок я преподнесу Инскиппу. Кольцо кораблей флота неумолимо сужалось, и у нее не было ни малейшего шанса скрыться от них. Уж в таких-то делах флот знал толк, рано или поздно они ее схватят. Передав военный корабль флоту, я вернулся

на свою шикарную яхту, налил полный бокал шотландского виски из бортовых запасов (такого не отыскать нигде в радиусе двадцати световых лет от Земли) и закурил длинную сигару. Удобно устроившись перед экраном, я наблюдал за погоней.

Анжелина отчаянно пыталась сорваться с крючка, совершая немыслимые развороты. Как ее только не расплющило от пятнадцатикратных перегрузок. Но все уловки ни к чему не привели. Кольцо продолжало сжиматься. Анжелина просто тянула время. Но никто не обращал на это внимания до тех пор, пока группа захвата не ворвалась на ее корабль.

Конечно, он был пуст.

Только через десять дней, собрав по крохам всю информацию, мы установили, что же произошло на самом деле. Беглянка действовала так безжалостно и жестоко, что я сразу узнал знакомый почерк еще до того, как врачи подтвердили, что Пепе говорит правду. Анжелина все время опережала нас. Вылетев на катере с крейсера, она и не собиралась скрываться, а, наоборот, на полной скорости полетела к ближайшему флотскому кораблю. Никто из двенадцати членов экипажа не имел ни малейшего понятия, что же произошло на крейсере, так как я еще не передал сигнал тревоги. Надо было сделать это сразу, как только она убежала. Тогда никто бы из этих двенадцати не погиб. Нам никогда не узнать, каким образом ей удалось усыпить их бдительность. Наверное, рассказала им душещипательную историю, как ей чудом

удалось скрыться от бандитов. Как бы там ни было, она захватила корабль. Пятеро погибли от ядовитого газа, остальных она пристрелила. Мы узнали об этом, когда обнаружили этот корабль дрейфующим в нескольких парсеках отсюда. Захватив корабль, она установила автопилот катера на выполнение головокружительных сальто, чтобы сбить нас с толку. Пока мы азартно охотились за катером, она постепенно отстала от других кораблей и скрылась в неизвестном направлении. Дальше ее след терялся, хотя, судя по всему, она захватила еще один корабль. Что за корабль и куда она на нем улетела – оставалось загадкой.

Вернувшись в штаб-квартиру корпуса, я попытался объяснить это Инскиппу. Сидя с непроницаемым лицом, он холодно смотрел на меня, и я поймал себя на том, что стараюсь оправдаться.

– Что ж, всех все равно не победишь, – сказал я. – Мне удалось захватить крейсер и Пепе – да пребудет его стертая личность в покое. Анжелине удалось бежать, обведя меня вокруг пальца. Тут я признаю свое поражение. Но и ребят с флота она тоже перехитрила!

– Чего ты так злишься? – бесцветным голосом сказал Инскипп. – Никто не обвиняет тебя в нарушении долга. Такое впечатление, что у тебя совесть нечиста. Ты хорошо поработал. Чудесная работа. Прекрасная... для первого задания...

– Опять за свое? – нахмурился я. – Пытаетесь прощупать, насколько я созрел? А его зачем сюда привели? – Я кивнул

в сторону Пепе Неро, сидевшего за соседним столиком.

Он медленно ел, что-то бормоча себе под нос с отсутствующим взглядом. Ему промыли мозги и ввели туда информацию о новой личности. От старого Пепе осталось только тело, которое любило Анжелину и похитило крейсер.

– Психиатры сейчас работают над новой теорией тела – личности, – спокойно ответил Инскипп, – так что мы держим его под наблюдением. Если в его новой личности снова проявятся его криминальные черты, возможно, мы завербуем его в корпус. Что ты на это скажешь? Или он раздражает тебя?

– Дело не в нем, – отрезал я. – После той бойни, которую он устроил ради своей подружки-психопатки, можете хоть гамбургер из него сделать. Но он напоминает мне, что Анжелина все еще на свободе и замышляет новые преступления. Я хочу отправиться на ее поиски.

– И речи быть не может, – ответил Инскипп. – Я уже тебе об этом говорил. Вопрос исчерпан.

– Но я бы мог...

– Что бы ты мог? – Он прищелкнул языком. – У каждого полицейского Галактики имеется ее фотография, и поиски не прекращаются ни на секунду. Или ты полагаешь, что справишься с этим лучше?

– Вряд ли, – проворчал я. – Ладно, катись все к черту. – Отодвинув тарелку, я встал и как можно естественнее потянулся. – Пойду-ка я лучше домой, возьму бутылку чего-ни-

будь покрепче и утоплю в ней все свои печали.

– Вот так-то лучше. И забудь про Анжелину. Я жду тебя завтра у себя в кабинете ровно в девять. Трезвым.

– Рабовладелец! – застонал я и, повернувшись, направился по коридору в сторону жилых помещений.

Отойдя на безопасное расстояние, я вышел через боковую дверь и помчался в космопорт.

Этот урок мне преподала Анжелина. Если у тебя есть план – немедленно приводи его в действие. Не давай ему залеживаться, иначе он покроется плесенью. Другие люди поймут, что у тебя на уме. Сейчас я пытался перехитрить одного из самых проницательных, и от одной только мысли об этом мне стало не по себе. Я сознательно нарушал приказ Инскиппа и вообще решил уйти из корпуса. Хотя это и не совсем соответствовало действительности – ведь я хотел закончить работу, которую мне поручил корпус. Но у них на этот счет было свое мнение.

Дома у меня оставались инструменты, различные приспособления и приличная сумма денег, которые так нужны были для работы. Придется от них отказаться. К тому времени, когда Инскипп задумается, с чего это я вдруг резко изменил свою точку зрения, я хотел быть уже далеко в космосе.

Механик при помощи грузового робота устанавливал корабль на стартовой площадке. Подойдя поближе, я спросил официальным тоном:

– Это мой корабль?

– Нет, сэр. Это для агента Нильсона. А вот и он сам.

– Сбегай в диспетчерскую и уточни все как следует. Не теряй времени.

– Новое задание, Джимми? – спросил Нильсон, подходя ко мне.

Я смотрел вслед механику, пока тот не скрылся за углом.

– Все то же самое, – ответил я. – Как твои успехи в теннисе? – Я замахнулся воображаемой ракеткой.

– Все лучше и лучше. – Повернувшись, он стал осматривать корабль.

– Я покажу тебе один новый удар, – сказал я и резко ударил его по шее ребром ладони.

Он рухнул как подкошенный, и я оттащил его за бочки со смазочным материалом. Затем осторожно взял из его ослабевших пальцев коробочку с лентами курсов.

Еще до возвращения механика я забрался на корабль и задраил за собой люк. Сунув курсовую ленту в блок управления, я запросил разрешения на взлет. Мне показалось, что я ждал целую вечность. Лоб покрылся испариной. Наконец зажглась зеленая лампочка.

Первый этап прошел успешно. Как только стартовые ускорители включились, я схватил отвертку и набросился на пульт управления. Там всегда находилось дистанционное управление, чтобы при необходимости управлять кораблем из центра. Я обнаружил это еще во время моего первого полета на корабле корпуса. Любопытство – полезная штука.

Отсоединив контакты, я направился в машинное отделение.

Возможно, я был излишне подозрителен. Или слишком невысокого мнения о человечестве и об Инскиппе тоже. Впрочем, он руководствовался собственными правилами. Более доверчивый человек не обратил бы внимания на самоликвидатор, установленный в двигателе. В случае захвата корабля он подрывался по радиосигналу из центра. Я не думал, что они решатся на такой шаг по отношению ко мне, но тем не менее решил обезвредить бомбу.

Самоликвидатор представлял собой целый блок, встроенный в корпус двигателя. Крышка поддалась сразу же, и перед глазами у меня предстала путаница проводов, ведущих к взрывателю. Его шестигранная головка была плотно закручена, и я ободрал кожу на пальцах, пытаясь хоть немного повернуть ее. Пальцы кровоточили, когда я наконец выкрутил ее из гнезда. Взрыватель повис на проводах, как зуб на оголенном нерве.

Внезапно он взорвался, оглушив и окутав меня облаком черного дыма.

С удивительным спокойствием я посмотрел сквозь рассеивающийся дым на черную дыру в заряде взрывчатки. Ее хватило бы, чтобы превратить в пыль корабль со всем его содержимым.

– Инскипп... – хрипло произнес я, но мой голос сорвался. – Инскипп, я понял тебя. Ты хотел уволить меня из корпуса. Но я сам подаю в отставку!

Глава 9

Трудно передать словами облегчение, которое я испытывал. Я снова действовал сам по себе и не подчинялся ничьим приказам. Я даже принялся напевать себе под нос, выводя корабль из искривленного пространства, чтобы заложить новую ленту курса. Я выбрал ее наугад, и теперь перехватить меня было невозможно. База Специального корпуса осталась далеко позади.

Куда лежал мой путь, я еще не знал. Тут надо было немного поразмыслить, хотя цель была ясна с самого начала. Поиски Анжелины. Сначала мне показалось глупым брать на себя работу корпуса. Раз они сами не захотели мне ее поручить, пусть сами ее и выполняют. Но потом я понял, что корпус тут ни при чем. Маленькая Анжелина обвела меня вокруг пальца, а Скользкий Джим ди Гриз такие вещи не прощает. Она станет для меня призовой медалью. Пусть это эгоистично. Но эгоизм – единственная движущая сила для людей нашей профессии. Исчезнет он – исчезнет все. Я пока еще не решил, что сделаю с Анжелиной, когда найду ее. Возможно, передам ее полиции, ведь подобные ей люди бросают тень на наше ремесло. Впрочем, зачем делить шкуру неубитого медведя?

Нужен был план, и я принялся искать необходимые для этого вещи. На какое-то ужасное мгновение мне показалось,

что на корабле нет сигар. Но затем блок снабжения заскрипел и выдал мне их из дальнего угла морозильника. Не совсем подходящее место для хранения сигар, но это лучше, чем ничего. Из спиртных напитков Нильсон предпочитал особый сорт крепкого виски, который я принялся поглощать с большим удовольствием. Промочив горло, я закурил сигару, закинул ноги на стол и принялся размышлять.

Для начала я мысленно перенесся в то место, откуда исчезла Анжелина. Лучше, конечно, было бы на самом деле отправиться туда, но не такой уж я дурак. Уж наверняка там ошивается пара кораблей флота, готовых открыть пальбу при первом удобном случае. Впрочем, для подобных задач существует компьютер, куда я и ввел нужные координаты. Я не стал рыться по справочникам – эти цифры огнем горели перед моими глазами. Компьютер обладал огромной памятью и мгновенно проделывал любые операции. Он блаженно заурчал, когда я попросил его сообщить координаты всех звезд, расположенных рядом с исходной точкой. Через тринадцать секунд он уже просмотрел все свои каталоги и весело звякнул, сообщая об окончании работы. Я выписал номера лишь первой дюжины звезд – остальные находились слишком далеко – и выключил компьютер.

Теперь я должен думать так же, как Анжелина. Представить себя убийцей, за спиной у которого двенадцать трупов и за которым идет непрерывная охота. Куда ни глянь, одни враги. Несомненно, компьютер украденного флотского

корабля выдал ей точно такой же список. Куда лететь? Надо немедленно принимать решение. Куда-нибудь смотаться. Подальше отсюда. Один взгляд на список – и ответ готов. Две ближайшие звезды располагались в одном и том же секторе в пятнадцати градусах друг от друга. Расстояние до них было примерно одинаковым. А вот до третьей звезды расстояние было раза в два больше, да и находилась она совершенно в другом секторе.

Надо лететь к двум звездам. Это самое разумное решение, которое можно принять в такой спешке. Вперед, к звездам, их мирам и пассажирским линиям, где можно раздобыть другой корабль. От флотского корабля надо избавиться как можно быстрее, ведь его ищут по всей Галактике. Захватить новый корабль, а затем? Что затем?

Тут мое логическое мышление зашло в тупик, и мне пришлось выводить его оттуда при помощи виски и свежей сигары. Блаженно прикрыв глаза, я снова погрузился в раздумья. Итак, захватить корабль и направиться к ближайшей планете. В космосе Анжелине постоянно грозит опасность. Надо приземлиться и изменить свою внешность. Взглянув на планеты, вращающиеся вокруг ближайших двух звезд, я сразу же сделал свой выбор. Планета с варварским названием Фрейбур.

Там еще вращалось с полдюжины других обитаемых планет, но они отпадали: либо населения было мало и новый человек мог привлечь всеобщее внимание, либо организация

находилась на таком высоком уровне, что скрыться там не представлялось возможным. У Фрейбура отсутствовали все эти недостатки. Планета вступила в Лигу всего двести лет назад, и общество там пребывало в состоянии безмятежного хаоса. Смесь старого и нового, доконтактной культуры и постконтактной цивилизации. Прекрасное место для Анжелины, чтобы затеряться, а затем в нужное время снова появиться в новом обличье.

Придя к подобному умозаключению, я почувствовал двойное удовлетворение. Это было не просто упражнение для мозгов, я и сам находился примерно в таком же положении, что и Анжелина. Инцидент с самоликвидатором лишний раз доказывал, что корпус ценит свои корабли и что он низкого мнения о дезертирах. Фрейбур подходил для меня как нельзя лучше. Выпивка и сигары подействовали на меня, и я безмятежно уснул.

Когда я проснулся, пора было выходить из искривленного пространства и менять курс. Но прежде я должен был кое-что проверить. Кое-что из того, чему не учили в школе Специального корпуса. Одна из особенностей искривленного пространства заключается в необычном распространении волн. Особенно радиоволн. Они не просто распространяются во все стороны. Стоит передать сигнал на одной частоте, как он тут же принимается обратно на всех остальных частотах. Этот экзотический эффект не представляет никакого интереса, разве что для специалистов по искривленному

пространству, однако позволяет узнать, не установлены ли «жучки» на корабле. Логично предположить, что все корабли Специального корпуса оснащены «жучками». Спрятанный передатчик, работающий на постоянной частоте, сразу же выведет их на мой след. Его-то я и собирался найти, прежде чем приближаться к планете.

Динамики хрипели и шумели. Я проклинал свое бывшее начальство. Прежде чем тратить время на поиски, надо было убедиться, что подобный передатчик существует. Источник сигнала был слишком слабым, чтобы передавать на большие расстояния. Установив пару экранирующих щитов, я убедился, что таинственный сигнал есть не что иное, как радиация, исходящая от самого приемника. После экранирования эфир затих. Вздыхнув с облегчением, я вывел корабль из искривленного пространства.

Установив нужный курс, я направил корабль к цели. Порывшись в корабельном оборудовании, я кое-что подобрал для себя. Необходимо было изменить свою внешность, чем я и занялся. Я с превеликим удовольствием воссоздал образ Скользкого Джима. Расширители в ноздри, подушечки за щеки, немного красителя на голову – и старый боевой конь готов к работе.

Хмуро посмотрев на свое отражение в зеркале, я выругался и снял весь грим так же тщательно, как и накладывал. Одно из моих основных правил гласило: никогда не расслабляться. Механическое повторение всегда приводит к непри-

ятностям. Инскипп прекрасно знал мою прежнюю личность, так что меня сейчас ищут и под этой, и под той внешностью.

Тщательно принявшись за работу, я создал себе абсолютно другой образ – изменив черты лица и прическу. Мне нетрудно будет его поддерживать в дальнейшем. Чем сложнее грим, тем сложнее уход за ним. Что меня ждало на Фрейбуре, я не знал и не хотел усложнять себе жизнь излишними сложностями. Я хотел без всяких забот попытаться выяснить, не оставила ли там свой след Анжелина.

До конца полета оставалось еще два дня, и я с пользой потратил это время на изготовление различных приспособлений, которые могли мне пригодиться на Фрейбуре. Гранаты, пистолеты, кольца с взрывателями – обычный набор. Не успел я убрать за собой, как раздался сигнал, извещавший, что путешествие подошло к концу.

Единственным городом с космодромом на Фрейбуре был Фрейбурбад, расположенный на берегу огромного озера – единственного источника питьевой воды на планете. Глядя, как солнечные блики играют на его поверхности, мне внезапно захотелось искупаться. Очевидно, потому, что я решил утопить корабль. Вернее, спрятать его на дне озера, чтобы всегда иметь под рукой.

Я спустился к горной гряде, и вряд ли на экранах радаров появилась отметка от моего корабля. Пролетая над озером после наступления сумерек, я заметил навигационный радар космопорта, но приближаться к берегу в мои планы не вхо-

дило. Дождь лил как из ведра, уменьшая видимость и мое желание искупаться. Я приводнился недалеко от берега. За это время я собрал в сумку все свои приспособления. Весила она немало, но не оставлять же на корабле то, что мне может пригодиться. Сумка была из водонепроницаемой ткани, а я натянул скафандр и открыл дверь шлюзовой камеры. Дождь и темнота обрушились на меня, когда я поплыл к невидимому берегу. Сзади раздалось бульканье, и мой корабль медленно погрузился в воду.

Плывать в скафандре так же легко, как и заниматься любовью в условиях невесомости. Силы уже оставляли меня, когда я наконец добрался до берега. Сбросив скафандр, я получил большое удовольствие, наблюдая, как он плавится в огне трех термитных шашек. Еще с бо́льшим удовольствием я пинком сбросил его шипящие останки в озеро. Дождь смыл все следы костра. А в такую погоду вряд ли свет от него можно было заметить издали. Забравшись под водонепроницаемую накидку, мокрый и жалкий, я ждал рассвета.

Наверное, я задремал, потому что, когда открыл глаза, было уже светло. Что-то было не так, и, прежде чем я сообразил, что меня разбудило, чей-то голос произнес:

– В Фрейбурбад собрались? Конечно, куда еще можно идти? Я и сам туда направляюсь. У меня лодка. Старая, но крепкая. Уж лучше на лодке, чем пешком...

Голос продолжал бубнить, но я его не слушал. Я проклинал себя за то, что этот тип с долгоиграющим голосом застал

меня врасплох. Он плыл рядом с берегом. Его низко сидящая в воде лодка была завалена мешками и тюками, над которыми торчала голова хозяина. Пока его губы шевелились, я согнал с себя остатки сна и внимательно рассмотрел его. У него была нечесаная борода, торчавшая во все стороны, из-под подобия шляпы смотрели маленькие темные глазки. Охвативший меня сначала испуг улетучился. Если парень не подсадная утка, то эта случайная встреча может оказаться как нельзя кстати.

Когда бородач замолк, чтобы перевести дыхание, я решил принять его предложение и, схватившись за край лодки, подтянул ее к себе. Взяв вещи и держа руку на пистолете, я прыгнул в лодку. Мои предосторожности оказались излишними. Незнакомца звали Зуг, это мне удалось выяснить из его непрекращавшегося монолога. Повернувшись к корме, он завел мотор. Это был выдавший виды атомный теплообменник, простой, но довольно эффективный. Никаких подвижных деталей, он просто засасывал воду из озера, доводил ее до кипения и с силой выталкивал через другое отверстие. Работал он почти бесшумно, поэтому я и не проснулся, когда Зуг подплыл на лодке.

Личность Зуга не вызывала никаких подозрений, хотя я все время держал пистолет под рукой. Мне просто повезло, что я встретился с ним. Поток слов ни на секунду не прекращался, и я понял, что служило тому причиной. Судя по всему, Зуг был охотником и после нескольких месяцев оди-

ночества вез на продажу меха и шкуры. При виде человека у него начался словесный понос, который я и не пытался остановить. Из его монолога я узнал много полезного.

Я беспокоился о своей одежде. В конце концов я решил надеть космический комбинезон нейтрального серого цвета. Такие можно встретить – с небольшими вариациями – на всех планетах Галактики. Зуг не обратил на него никакого внимания. Это говорило о многом – ведь он разбирался в одежде. Свою куртку он, очевидно, сам сшил из выделанной шкуры. Иссиня-черного цвета, она, должно быть, была красивой, пока вся не покрылась грязью. Штаны были сделаны из сукна машинной выработки, а ботинки, как и у меня, из вечного пластика. Уж если на его наряд не обращали внимания, то за свою одежду я могу не волноваться.

Снаряжение у Зуга было таким же пестрым, как и его одежда. Смесь старого и нового. Что еще ожидать от планеты, лишь недавно вошедшей в Лигу. Электростатическое ружье соседствовало с пучком стальных стрел для арбалета. Судя по всему, этот болтун пользовался и тем и другим с одинаковой легкостью. Устроившись на мягких тюках, я наслаждался, разглядывая пейзаж в утреннем тумане и слушая непрерывную болтовню.

К полудню мы добрались до Фрейбурбада. Зугу больше нравилось говорить, чем слушать, поэтому несколько моих неопределенных высказываний о том, что я собираюсь делать в городе, вполне удовлетворили его любопытство. Ему

очень понравились пищевые концентраты из моего запаса, и в ответ он угостил меня домашней бражкой, которую сам гнал в своем горном жилище. Вкус у нее был ужасным, а во рту осталось ощущение, будто там пошуровали наждаком, смоченным в серной кислоте. Но после нескольких глотков это ощущение исчезло, и мы в прекрасном расположении духа продолжили путешествие, пока не пришвартовались у пропахшей рыбой пристани в пригороде Фрейбурбада. Когда мы вылезали из лодки, то чуть не перевернули ее. Это показалось нам ужасно забавным. Думаю, вы понимаете, в каком состоянии мы тогда находились. Добравшись до города, я сел на лавку в парке, чтобы мои мозги слегка проветрились.

Повсюду была та же смесь старого и нового. Рядом с пластиковыми зданиями стояли кирпичные дома с потрескавшейся штукатуркой. Сталь, стекло, дерево и камень присутствовали в равных пропорциях. Люди также были одеты в самые разнообразные наряды. Скорее я обращал на них внимание, чем они на меня. Только робот-газетчик не отставал от меня, выкрикивая на ухо заголовки, пока я не купил газету, чтобы отвязаться от него. По-видимому, здесь была в ходу валюта Лиги, так как робот не выразил протеста, когда я сунул кредит в щель на его груди, и даже дал сдачу в фрейбурских гильденах. Без сомнения, курс обмена был просто разорительный. По крайней мере, именно такой курс я бы и установил, если бы сам закладывал программу в робота.

Новости меня не интересовали, а вот объявления я просмотрел с гораздо большим интересом. Глядя на рекламы шикарных отелей, я мысленно сравнивал цены и предлагаемые удобства.

Это заставило меня ужаснуться, лоб покрылся испариной. Как быстро мы теряем старые привычки. Всего лишь месяц я на стороне закона и уже рассуждаю как честный человек!

– Ты преступник, – пробормотал я, стиснув зубы, и плюнул на табличку «Не плевать». – Ты ненавидишь закон и прекрасно без него обходишься. Ты самый честный человек в Галактике. Ты не можешь нарушить закон, который сам устанавливаешь для себя. Ведь если закон тебе не подходит, ты просто меняешь его.

Это была чистая правда, и я ненавидел себя, что так быстро все позабыл. Короткий период работы в корпусе чуть не разрушил все мои антиобщественные наклонности.

– Придумай какую-нибудь гадость! – громко выкрикнул я, напугав девушку, прогуливавшуюся по дорожке.

Дабы она убедилась, что правильно расслышала мои слова, я оскалился самым гнусным образом, и она поспешно скрылась. Это уже лучше. Сам я направился в противоположную сторону в поисках возможности совершить какой-нибудь мерзкий поступок. Прежде чем искать Анжелину, я должен восстановить свой прежний образ.

Такую возможность я нашел сразу же. Через десять минут я обнаружил подходящий объект. Все необходимое обо-

рудование лежало у меня в сумке. Рассовав по карманам то, что понадобится мне для работы, я запер сумку в автоматической камере хранения.

Первый Банк Фрейбура просто умолял, чтобы его ограбили. Здесь все располагало к грабежу – три выхода, четыре охранника и толпа народа. Четыре живых охранника! Да ни один банк не стал бы платить им жалованье, если бы имел электронную сигнализацию. Я напевал себе под нос, стоя в очереди к кассиру – тоже живому человеку. Полностью автоматизированные банки грабить нетрудно, просто используется другая техника. Но самая легкая добыча – это банки, где вместе с машинами работают и люди.

– Разменяйте десятизвездник Лиги на гильдены, – сказал я кассиру, швырнув блестящую монету на стойку.

– Да, сэр.

Мельком взглянув на монету, он сунул ее в щель кассовой машины и стал отсчитывать мне гильдены еще до того, как на табло загорелась надпись: «Деньги настоящие». Кассир выкладывал передо мною деньги, а я медленно считал их. Делал я это механически, так как все мои мысли были сконцентрированы на монете достоинством в десять кредиток, которая сейчас совершала путешествие по машинным внутренностям. Когда я убедился, что она приземлилась в подземном сейфе, я нажал кнопку передатчика у меня на запястье.

То, что произошло, можно описать только одним словом

— прекрасно. Подобные моменты долго остаются в памяти, вызывая счастливые воспоминания. Я не жалел о тех часах, которые понадобились, чтобы распилить монету, сделать ее полой и засунуть внутрь взрывчатку со встроенным в нее радиоприемным устройством. Какой великолепный взрыв! За глухим ударом в недрах сейфа послышался треск и скрежет. Одна из стен огромного сейфа рухнула, и оттуда рекой хлынули деньги, сопровождаемые клубами дыма. Кассовый аппарат звякнул, что-то в нем заклинило, и все остальные денежные аппараты как с ума посходили. Поток монет различного достоинства устремился на изумленных посетителей, которые, впрочем, быстро справились с удивлением и принялись набивать карманы. Их счастье длилось недолго. Тот же сигнал взорвал дымовые и газовые бомбы, которые я заранее разложил по урнам. Пока царила суматоха, я подбросил парочку бомб кассирам. Этот газ я сделал сам, смешав слезоточивую смесь с компонентами, вызывающими рвоту. Он сразу же возымел действие. (В банке, конечно, не было детей. Я не могу быть жестоким по отношению к юным созданиям, которые не могут себя защитить.) Через пару минут и клиенты, и служащие банка уже ничего не видели и были слишком заняты собой, чтобы обращать на меня внимание.

Когда газ стал подбираться ко мне, я наклонился и надел защитные очки. Теперь я был единственным в банке человеком, который не потерял способности видеть. Дышал я че-

рез носовые фильтры, которые предусмотрительно вставил заранее, и мог не беспокоиться за содержимое моего желудка. Кассир, сидевший напротив меня, куда-то исчез, и я ловко нырнул в окошко, проехавшись по стойке на животе.

Теперь можно было и делом заняться, ведь деньги валялись повсюду. Я не стал обращать внимание на мелочь, а направился прямо к сейфу, откуда извергался золотой поток. Через пару минут я наполнил сумку и собирался уходить. Дым возле дверей понемногу рассеивался, но я исправил это недоразумение, швырнув туда еще несколько гранат.

Все шло как по маслу. Только один придурковатый охранник портил всю картину. Сообразив, что здесь что-то не так, он принялся палить во все стороны. Странно, что он никого не успел прихлопнуть. Я отнял у него пистолет и стукнул его им по затылку.

Теперь дым у дверей стал таким плотным, что через стекло ничего нельзя было увидеть. С улицы тоже не было видно, что происходит в банке. Смекнув, что дело нечисто, два полицейских ринулись внутрь, держа пистолеты наготове... но тут же стали такими же беспомощными, как и все остальные. Тут я принялся помогать бедным посетителям, подталкивая их к дверям. Когда там собралась небольшая толпа, мы все выбрались на улицу. Я снял очки и не открывал глаз, пока не оказался на свежем воздухе. Сердобольные люди помогли мне подняться. Я поблагодарил их, смахнул с глаз слезы и пошел своей дорогой.

Все очень просто. Все очень просто, когда у тебя есть план и ты не рискуешь по глупости. Настроение у меня резко поднялось, а кровь весело бежала по жилам. Я снова жил преступной жизнью, и от этой мысли у меня стало легко на душе. Теперь найти след Анжелины – пара пустяков. Для меня не существовало никаких преград.

Я снял комнату в отеле для космонавтов недалеко от порта. Переодевшись, я отправился наслаждаться радостями жизни. В округе располагалось немало различных заведений, и я добросовестно обошел их все до единого. В одном из них я съел отбивную, а в остальных выпивал по рюмочке. Если Анжелина была на Фрейбуре, она, несомненно, посещала эти места. Я чувал, что могу напасть на ее след именно здесь. Преступников всегда тянет в подобные места.

– Может, угостишь меня? – равнодушно спросила меня проститутка, и я с таким же равнодушием отрицательно покачал головой.

С наступлением сумерек эти бледные создания ночи постепенно выходили на промысел. Я получил уже немало предложений, ведь я прикидывался отдыхающим космонавтом – лучший источник наживы для подобных женщин. Эта была последней из тех, кто подходил ко мне. Смазливое личико, да и фигурка получше, чем у остальных. С возрастающим интересом я посмотрел ей вслед. Короткая обтягивающая юбка с разрезами по бокам. Туфли на высоком каблуке и покачивающиеся бедра произвели на меня ошелом-

ляющее впечатление. Подойдя к бару, она прислонилась к стойке, рассматривая посетителей, и я не мог оторвать от нее глаз. Блузка была сделана из узких блестящих полосок, закрепленных только вверху и внизу. При ходьбе они расходились, обнажая соблазнительные участки белоснежной кожи. Думаю, что на мужчин это действовало неотразимо.

Прошло немало времени, прежде чем мои глаза, начав осмотр с лодыжек, наконец достигли ее лица. Оно было привлекательным. И знакомым...

Сердце бешено застучало у меня в груди, и я чуть не свалился со стула. Это было невероятно, но факт...

Это была Анжелина.

Глава 10

Она обесцветила волосы и слегка изменила черты лица. Ровно настолько, чтобы ее нельзя было узнать по фотографии или описанию, имевшимся в полиции. Теперь ее никто не мог опознать.

Кроме меня, конечно. Я видел ее на похищенном крейсере и разговаривал с ней. Но самое главное заключалось в том, что она понятия не имела, кто я такой. Она видела меня только мельком, и то в скафандре с затемненным стеклом шлема. К тому же в то время ей надо было думать о том, как спастись, а не разглядывать меня.

Я чувствовал себя на вершине блаженства. Даже зловонный воздух притона показался мне ароматом. Расслабившись, я удивлялся иронии судьбы. Однако надо сказать, она знала, что делала. Я и не предполагал увидеть ее здесь, хотя старался предусмотреть все варианты. Зная, что у нее с собой полно ворованных денег, я и мысли не допускал, что она примет образ проститутки, перебивающейся случайными заработками. Выдержка у нее будь здоров, тут ничего не скажешь. Она безукоризненно играла свою роль. Не будь она убийцей – какую команду мы бы с ней составили!

Мое сердце снова застучало, когда я понял, в какой тупик завели меня чувства. Анжелина приносила несчастье всем, кого встречала на своем пути. В ее хорошенькой головке ра-

ботал первоклассный, но преступный мозг. Мне бы лучше думать не о ее соблазнительной фигурке, а о тех трупах, которые она оставляла за собой. Оставалось сделать только одно – схватить ее и передать Специальному корпусу. Я даже не вспомнил, как относился к корпусу, а корпус ко мне. Это не важно. Главное, надо чисто сработать, пока я не передумал.

Подойдя к стойке бара, я сел рядом с ней и заказал две двойные порции местной кислятины. На всякий случай я понизил голос, изменил манеру разговаривать и подпустил акцент. Анжелина слышала мой голос и могла легко узнать его, поэтому предосторожности никогда не помешают.

– Пей, куколка, – сказал я, поднимая свой бокал и ухмыляясь. – Потом пойдем к тебе. У тебя есть комната?

– Найдется, если у тебя есть десятка. В кредитах Лиги, разумеется.

– Конечно, – проворчал я, притворившись оскорбленным. – На что, по-твоему, я покупаю это пойло?

– Ты же не в забегаловке, где платишь после, – с прекрасно разыгранным равнодушием произнесла она. – Гони монету, тогда и пойдем.

Я бросил ей монету, и она поймала ее на лету. Взвесив на ладони, она попробовала ее на зуб и спрятала в сумочку. Я надеялся, что восторг, с которым я наблюдал, как она играет свою роль, она принимает за страсть. И только когда она повернулась ко мне спиной, я заставил себя вспомнить, что

я здесь не ради удовольствия, а должен исполнить свой долг. Чтобы не расслабляться, я стал думать о трупах, что плавали в глубинах космоса. Осушив стакан, я вышел за ней на шумную улицу, любуясь ее грациозной походкой.

Оказавшись в лабиринте темных переулков, я насторожился. Анжелина хорошо играла свою роль, но я сомневался, что она спит с космонавтами, волею судьбы оказавшимися в местном порту. Скорее всего, у нее был сообщник, который поджидал ее клиентов, зажав в руке какой-нибудь тяжелый предмет. А может быть, мне не давала покоя моя всегдашняя подозрительность. Рука сжимала в кармане пистолет, но воспользоваться им мне так и не пришлось. Мы прошли по одной улице, а затем повернули под арку. Она первая вошла в дом. Никто из нас не произнес ни слова.

Когда она открыла дверь в свою комнату, я немного успокоился. Комната была безвкусно обставлена и так мала, что сообщник вряд ли мог тут спрятаться. Анжелина направилась к постели, а я повернулся и проверил, заперла ли она за собой дверь. Дверь была заперта.

Когда я повернулся, на меня смотрело дуло пистолета 75-го калибра – такого большого, что она держала его обеими руками.

– Что это еще за шутки! – возмутился я, отгоняя мысль, что где-то совершил непростительную ошибку. Я все еще сжимал в кармане пистолет, но доставать его было равносильно самоубийству.

– Я убью тебя, даже не спрашивая имени, – улыбнулась она, сверкнув белоснежными зубами. – Ты сорвал мою операцию с крейсером.

Она все не стреляла, а ее улыбка становилась все более зловещей. Она наслаждалась, следя за выражением моего лица, когда я проклинал себя за тупость. Охотник и жертва поменялись местами. Она заманила меня в ловушку, и я ничего не мог поделать.

Видя, как мысли отражаются у меня на лице, Анжелина мелодично рассмеялась. Она была артисткой до мозга костей и ждала момента, когда я наконец осознаю всю безвыходность своего положения. Когда мое отчаяние достигло предела, она нажала на спусковой крючок.

Затем еще раз и еще...

Четыре пули в сердце, и последний выстрел между глаз.

Глава 11

Нельзя сказать, что я пришел в сознание, скорее, ощутил себя в кровавом, пульсирующем болью тумане. С болью пыталась соперничать тошнота, но боль победила. Положение осложнялось еще и тем, что мои глаза были закрыты, а попытка открыть их принесла мне невыносимые страдания. Наконец мне это удалось, и я увидел над собой очертания лица, выплывавшего из красного тумана.

– Что случилось? – поинтересовалось лицо.

– Именно это я хочу спросить у тебя, – произнес я и замолчал, пораженный, что у меня такой слабый и дрожащий голос.

Что-то коснулось моих губ, и я увидел окровавленную салфетку, удаляющуюся от моего лица.

Я усиленно заморгал глазами, и размытое пятно превратилось в молодого человека, одетого в белый халат. Доктор, сообразил я. Мы находились в движении; очевидно, меня везли в машине «скорой помощи».

– Кто это стрелял в тебя? – спросил доктор. – Нам сообщили о выстрелах, и скажи спасибо, что мы приехали как раз вовремя. Ты потерял много крови – мы уже сделали переливание, – кроме того, имеются множественные переломы лучевой и локтевой костей, одно пулевое ранение в руку и другое в области правого виска, – вероятно, повреждение че-

репа. Судя по всему, сломаны ребра и повреждены внутренние органы. Кто-то испытывает к тебе сильную неприязнь. Но кто?

Кто? Моя дорогая Анжелина, вот кто. Искусительница, ведьма, убийца, вот кто хотел отправить меня на тот свет. Теперь я все вспомнил. Огромное дуло пистолета, в котором запросто поместится звездолет. Ослепляющее пламя, летящие в меня пули и невыносимая боль, когда мой гарантированный пуленепробиваемый жилет принял на себя мощь выстрелов. Я вспомнил, как надеялся, что она ограничится этим, и как надежда растаяла, когда дымящееся дуло пистолета уставилось мне в лицо.

Я вспомнил, как в отчаянии закрыл лицо руками и отклонился в сторону, пытаясь спастись.

Надо же, мне это удалось. Ударившись в кость руки, пуля срикошетила и лишь царапнула череп, вместо того чтобы проделать в нем дырку. В результате – море крови и бездыханное тело на полу. И тут Анжелина допустила единственную ошибку. Грохот выстрелов в крошечной комнатухе, кровь и вполне натуральный труп, наверное, испугали ее. Стремясь как можно скорее скрыться с места преступления, она не удосужилась убедиться в моей смерти.

– Лежи! – приказал доктор. – Будешь шевелиться – я вкачу тебе укол, который отключит тебя на неделю.

Только теперь я заметил, что сижу на носилках и смеюсь как ненормальный. Я легко дал себя уложить, так как при

каждом движении мою грудь пронзала боль.

Мой мозг уже начал строить планы, как с наибольшей выгодой воспользоваться сложившейся ситуацией. Не обращая внимания на боль, я прикидывал, как бы не упустить счастья и заставить Анжелину поверить, что я действительно мертв.

Мы уже подъезжали к больнице, когда я умудрился стащить ручку и стопку медицинских бланков с полочки над моей головой. Моя правая рука действовала, хотя каждое движение отдавалось болью. Робот прикрепил носилки к каталке и повез меня в приемный покой. Сунув какие-то бумаги в держатель над моей головой, доктор на прощание помахал мне рукой. Я вежливо улыбнулся в ответ, а робот продолжал толкать каталку.

Как только доктор скрылся из виду, я вытащил бумаги и быстро пробежал их глазами. Судьба подарила мне уникальную возможность; главное, чтобы хватило времени ею воспользоваться. Это было заключение врача, составленное в четырех экземплярах. Пока данные не ввели в компьютер, меня не существовало. Из этого статистического отчета я должен был заново родиться в больнице. Но родиться мне было ни к чему. Я сбросил подушку на пол, и робот остановился. Он не обращал никакого внимания на то, что я лихорадочно пишу, и не высказал никакого возмущения, когда я еще пару раз скидывал подушку. За это время я изготовил фальшивку.

Этот доктор Маквбклз – по крайней мере, именно это

можно было прочесть в его росписи – совершенно не умел составлять документы. Он оставил много пустого места между последней строчкой заключения и своей подписью. Я заполнил его, подражая почерку доктора.

«Обширное внутреннее кровоизлияние, шоковое состояние, – написал я. – Умер по пути в больницу». Это звучало достаточно убедительно. Я быстро дописал: «Все попытки реанимировать пострадавшего окончились неудачей».

У меня возникли сомнения в правильности написания слова «реанимировать», но если доктор Маквбклз пишет слово «пациент» через «о», то он вполне мог ошибиться и здесь. Последнюю фразу я написал для того, чтобы меня не тыкали всякими иголками и электродами, пытаясь вернуть к жизни.

– Тут У. П. – «умер по пути», Свенд, – произнес кто-то, шурша бумагами у меня над головой.

Я услышал, как робот покатил прочь, безразлично восприняв тот факт, что писавший и швырявший подушки больной внезапно скончался. Что мне нравится в роботах, так это отсутствие любопытства. Я стал думать о смерти, надеясь, что мое лицо примет соответствующее выражение. Кто-то схватил меня за ногу, стаскивая ботинок вместе с носком. Рука сжала ступню.

– Бедняга, – сочувственно сказал голос. – Еще теплый. Может, позвать реаниматоров?

Какой назойливый тип.

– Не-а, – послышался более рассудительный голос. – Они уже пытались это сделать по дороге сюда. Тащи его в морг.

Ужасная боль пронзила мою ногу, и я чуть не испортил все представление. Невероятным усилием воли я заставил себя не шевелиться, пока этот идиот закручивал проволоку вокруг моего большого пальца. На проволоке болталась бирка, и я от всей души пожелал, чтобы такую же бирку привесили ему на ухо. Боль перекинулась на грудь, голову и руки, когда я изображал окоченевший труп, лежа на трясущейся каталке.

Где-то позади открылась тяжелая дверь, и меня обдало холодным воздухом. Я чуть-чуть приоткрыл глаза. Если трупы на этой бойне рассовывают по индивидуальным холодильникам, я был готов внезапно воскреснуть. Я совсем не собирался отдать концы в морозильной камере с дверью, которую можно открыть только снаружи. Удача все еще сопутствовала мне, так как мой мучитель ввез меня на каталке в большой зал. Повсюду стояли мраморные столы, на которых лежали усопшие, прибывшие сюда раньше меня.

Без церемоний меня сбросили на холодную поверхность стола. Шаги постепенно стихли, тяжело хлопнула дверь, свет погас.

Тут я совсем пал духом. Слишком много событий для одного дня – меня успели ранить, контузить и покалечить. Поэтому пребывание в темной комнате, полной трупов, действовало на меня весьма угнетающе. Не обращая внимания

на боль в груди и бирку на пальце ноги, я кое-как слез со стола и отправился искать дверь. Я пережил немало неприятных минут, блуждая в потемках среди трупов, но наконец наткнулся на стену. Мои пальцы нащупали выключатель, и я зажег свет. Естественно, мое настроение сразу же улучшилось.

Дверь была лучше не придумаешь – без окошка и с ручкой изнутри. Имелся даже засов, и я долго ломал голову над тем, кто же мог им воспользоваться. Впрочем, я сам решил задвинуть его, чтобы никто не нарушил моего покоя.

В комнате было полно народу, но на меня никто не обращал внимания. Первым делом я снял проволоку с пальца и как следует растер его. На желтой бирке стояли буквы «У. П.» и от руки написанный номер, точно такой же как и на подделанном мною бланке. Я не мог упустить такую возможность. Сняв бирку с самого изуродованного трупа, я прикрепил к нему свою. Сунув его бирку себе в карман, я решил немного развлечься и поменять бирки у всех остальных. У трупа с самыми большими ногами я снял правый ботинок и натянул его на свою окоченевшую левую ногу. У всех трупов бирки висели на большом пальце левой ноги, и я громко выругался, проклиная эту ненужную педантичность. Я был голым по пояс – верхнюю часть костюма и пуленепробиваемый жилет сняли врачи. Пришлось позаимствовать теплую рубашку у одного из моих молчаливых друзей, который в ней уже не нуждался.

Только не думайте, что все было так просто, меня буквально шатало из стороны в сторону. Закончив свое дело, я выключил свет и приоткрыл дверь холодильника. Воздух в коридоре показался мне раскаленным, как в доменной печи. Вокруг не было ни души, и я побрел к ближайшей двери. За ней оказалась кладовая, где единственной полезной вещью был стул. Я уселся на него и немного передохнул, а затем снова отправился на поиски. Следующая дверь была закрыта, но третья открылась, и я оказался в темной комнате, где кто-то ровно дышал во сне. То, что мне и нужно.

Не знаю, кто это был, но поспать он любил. Я обшарил всю комнату и долго возился, натягивая на себя чужую одежду, а он так и не проснулся. Тем лучше для него, а то я не раздумывая проломил бы ему череп. Мне все уже порядком надоело, к тому же боль снова дала о себе знать. Нахлобучив на голову шляпу, я вышел из комнаты. В конце коридора снова были люди, но никто не обратил на меня внимания. Я вышел из больницы и побрел под дождем по улицам Фрейбурбада.

Глава 12

По вполне понятным причинам события той ночи и последующих нескольких дней почти не остались в моей памяти. Возвращаться в отель было опасно, но пришлось пойти на риск. Вряд ли Анжелина знала, где я живу, а если и знала, то, скорее всего, теперь это ее не интересовало. Я умер, и она потеряла ко мне всякий интерес. Судя по всему, я оказался прав, так как после возвращения в отель меня никто не беспокоил. Я попросил управляющего, чтобы вместе с едой мне каждый день приносили по две бутылки виски. Пусть меня считают запойным пьяницей. Алкоголь и еда постепенно возвращали меня к жизни. Заглатывая пригоршнями антибиотики и болеутоляющие лекарства, я считал себя счастливым.

На третье утро я почувствовал себя человеком, хотя и слабым. Рука еще ныла при каждом движении, синяки на груди приобрели золотисто-фиолетовый оттенок, но голова почти не болела. Пора было подумать о будущем. Я отхлебнул немного виски, которое годилось разве что для промывки труб, и позвонил, чтобы мне прислали газеты за последние три дня. Допотопная система доставки чихнула, и газеты вывалились на стол. Внимательно просмотрев их, я понял, что мой план сработал гораздо лучше, чем я ожидал.

Все газеты пестрели сообщениями о моем убийстве. Ни

один из этих недотеп-репортеров не удосужился взглянуть на труп, все сведения о моей смерти они почерпнули из врачебных документов. И все. Никаких Скандалов О Пропже Труса В Больнице или Искв По Поводу Того, Чтв В Гробу Не Дядя Фрим. Если даже мои проказы в морге и обнаружили, то больница не стала предавать их гласности, хотя наверняка за это кому-то влетело.

Анжелина, моя меткая красавица, теперь наверняка считала меня мертвым. Просто прекрасно. Как только я снова смогу отправиться на ее поиски, работать будет проще: ведь она уверена, что мои бранные останки сгорели в местном крематории. У меня было достаточно времени, чтобы не спеша продумать план во всех деталях. Пора внести ясность – кто охотник и за кем охотятся. Я получу от ее ареста такое же удовольствие, как и она, когда палила в меня из своей портативной гаубицы.

Неприятно, но факт – она все время опережала меня. Сначала угнала крейсер у меня из-под носа, устроила несколько разбойных нападений в космосе, а затем выскользнула у меня из рук. Но самое унижительное то, что, охотясь за ней, я сам попался в расставленную ею ловушку. Анализируя события последних дней, я был вынужден признать этот очевидный факт. Убегая с захваченного крейсера, она притворилась истеричкой. На самом же деле она внимательно изучала мою внешность, каждую интонацию моего голоса. Анжелина, запечатлев в памяти мой образ, постоянно просчи-

тывала, как я стану действовать, отправившись за ней в погоню. Выбрав самое безопасное место, она принялась ждать моего появления. Она была готова к встрече со мной, а я – нет. Все это уже в прошлом. Теперь моя очередь сдавать карты.

Я обдумал и взвесил множество самых разнообразных планов. Но прежде чем приступить к их осуществлению, мне необходимо полностью изменить свою внешность. Иначе Анжелину мне не поймать. К тому же это пригодится мне, чтобы не попасть в лапы корпуса. Нам об этом не говорили на занятиях, но я был уверен: покинуть Специальный корпус можно только ногами вперед. Хотя я еще полностью не пришел в себя, голова у меня уже соображала. Мне не хватало фактов, и я сделал небольшое пожертвование в фонд местной библиотеки в виде вступительного взноса. К счастью, там оказались фотокопии всех городских газет за многие годы. Я познакомился с ярким образчиком желтой прессы с милым названием «Жареные факты». «Жареные факты» были рассчитаны на непритязательную аудиторию – словарный запас газеты составлял не более трехсот слов; в ней смаковались различные зверства, а также трагические происшествия. Бо́льшую часть страниц занимали сообщения об авиакатастрофах, разумеется со множеством цветных фотографий. Печатались, конечно, и различные криминальные истории, доказывающие, что Фрейбуру еще далеко до развитых галактических цивилизаций. Среди этих леденящих ду-

шу историй я обнаружил то преступление, которое искал.

Человечество всегда экспериментировало с законодательством, придумывая такие термины, как «непредумышленное убийство» или «убийство при смягчающих вину обстоятельствах», как будто убитого можно было оживить. Хотя мода на преступления и наказания менялась, к некоторым из них общество всегда относилось с отвращением. Речь идет о врачебных преступлениях. Я слышал, что некоторые дикие племена убивают своих знахарей, если больной умирает. Здесь есть определенная доля здравого смысла. Эта ненависть к костоломам вполне объяснима. Заболевая, мы полностью отдаем себя в руки врача. Мы доверяем абсолютно незнакомому человеку самое дорогое, что у нас есть. Если он это доверие не оправдывает, у родственников жертвы или чудом выживших пациентов возникает естественное возмущение.

Обычного гражданина Вульфа Сифтерница раньше называли «многоуважаемый доктор Сифтерниц». «Жареные факты» рассказывали с сочными подробностями, как он совмещал жизнь хирурга и повесы, пока нож в его дрожащих руках не отрезал ТО вместо ЭТОГО и жизнь выдающегося политика не укоротилась на несколько лет, за которые он мог бы сделать столько полезных дел на благо общества. Нет оснований не верить доктору Вульфу, что он опохмелился перед операцией; значит, фатальная судорога в пальцах была вызвана не похмельным синдромом, а белой горячкой.

Его лишили права заниматься врачебной деятельностью и оштрафовали на такую сумму, что все его сбережения быстро исчезли. Ведь суд признал его виновным не только в халатности, но и в более серьезных врачебных преступлениях. Судьба жестоко обошлась с Вульфом, именно такой человек и был мне нужен. Когда я уже более-менее мог стоять на ногах, я решил нанести ему официальный визит.

Для профессионала с моими способностями отыскать в чужом городе на далекой планете человека, живущего на полуправильном положении, – пара пустяков. Дело техники, а с ней у меня все в порядке. Когда я барабанил в замызганную деревянную дверь дома, расположенного в трущобах, я собирался сделать первый шаг в осуществлении своего плана.

– У меня к тебе дело, Вульф, – сказал я мутноглазому типу, открывшему мне дверь.

– Проваливай ко всем чертям! – ответил он, пытаясь захлопнуть дверь перед моим носом.

Я помешал ему, предусмотрительно подставив ботинок, и без всяких усилий вошел в дом.

– Я не занимаюсь врачебной практикой, – проворчал он, глядя на мою забинтованную руку. – И полицейских стучащей не лечу, так что вали отсюда.

– Не надо повторяться, – сказал я ему. – Я пришел, чтобы предложить вам совершенно законную сделку с соответствующей оплатой наличными. А если она вдруг окажется незаконной, то кого это волнует. – Не обращая внимания на

его протесты, я заглянул в соседнюю комнату. – Согласно абсолютно достоверной информации, вы живете здесь в незаконной связи с девушкой по имени Зина. То, что я хочу вам сказать, совершенно не предназначается для ее прекрасных ушек. Где она?

– Ушла! – заорал он. – И ты тоже убирайся! – Схватив за горлышко бутылку, он сделал угрожающий жест.

– А как тебе это понравится? – спросил я, швырнув на стол пачку новеньких кредиток. – А вот это? И это? – Я добавил еще две пачки.

Бутылка выскользнула у него из пальцев и покатилась по полу, а глаза, казалось, готовы были вылезти из орбит. Я прибавил еще несколько пачек и этим полностью завоевал его внимание.

Уговаривать его не пришлось. Как только он понял, что я не шучу, осталось лишь согласовать детали. Вид денег отрезвил его, и, хотя его все время била дрожь, рассуждал доктор вполне здраво.

– И еще... – сказал я, поднимаясь со стула. – Ты расскажешь об этом своей ненаглядной Зине?

– Вы с ума сошли? – с неподдельным изумлением спросил Вульф.

– Я думаю, ты не расскажешь ей. Но если только мы вдвоем будем знать об этой операции, то как ты объяснишь свое отсутствие и источник внезапного богатства?

Это еще больше возмутило его.

– Объяснять?! Ей?! Да она не увидит ни меня, ни денег, как только я уйду из этого дома. Что произойдет ровно через десять минут.

– Понятно, – сказал я.

Довольно неблагородно с его стороны так относиться к несчастной девушке, которая содержала его с помощью самого древнего в мире ремесла. Я решил как-нибудь помочь бедняжке. Потом, конечно. Первым делом я должен был проследить, чтобы Джеймс Боливар ди Гриз исчез навсегда.

Не скупясь я заплатил за все хирургическое и операционное оборудование, заказанное Вульфом. По возможности я старался покупать автоматические приборы, так как ему предстояло работать одному. Загрузив все это во взятый напрокат фургон, мы вместе отправились в загородный дом. Мы оба боялись упускать друг друга из виду, и это понятно. Доверительные отношения не складывались, и труднее всего было решить финансовый вопрос. Этот доктор Вульф решил, что, как только он закончит работу, я тюкну его по черепу и заберу обратно свои деньги. Он и не подозревал, что, пока существуют банки, проблем с наличностью у меня не возникнет. В конце концов я согласился на все его условия, и мы приступили к нашей ответственной работе.

Дом находился в пустынной местности, на вершине утеса на дальнем конце озера. Еду нам привозили раз в неделю вместе с лекарствами и необходимыми медицинскими принадлежностями. Операция началась.

Современная хирургическая техника избавила меня от боли и неприятных ощущений. Я был прикован к постели и иногда накачивался таким количеством транквилизаторов, что дни проходили в сонном тумане. Между двумя периодами радикальной хирургии я решил подбросить таблетку снотворного в стакан Вульфа с безалкогольным напитком. Полнейшее воздержание от спиртных напитков на время всей операции было одним из обязательных условий нашей сделки. Когда это становилось для него невыносимым, я поддерживал его волю с помощью очередной пачки денег. Все это сильно действовало ему на нервы, и я пришел к выводу, что крепкий сон ему не повредит. Мне также хотелось провести небольшое расследование. Убедившись, что доктор заснул, я открыл дверь в его комнату и обшарил ее снизу доверху.

Полагаю, что пистолет он взял просто на всякий случай, но мало ли что может прийти в голову такой неуравновешенной личности. Мне уже надоело изображать из себя мишень. Пистолет был карманного типа, калибр 50; небольшая, но опасная штучка. Отлаженный механизм, заряженные патроны, вот только стрелять он больше не будет, после того как я спилил боек.

Найденный фотоаппарат совсем не удивил меня, потому что давно уже не верю в благородство. Вульф было недостаточно, что я финансировал его, и он на всякий случай решил подготовить материалы для шантажа. На пленках была запечатлена моя внешность до и после операции. Все пленки —

даже неотснятые – я положил под рентгеновский аппарат и как следует засветил их.

Пока в голову Вульфа не приходили горестные мысли об отсутствии горячительных напитков и пышнотелых женщин, он отлично справлялся со своими обязанностями. Изогнув и укоротив мои бедра, он изменил мой рост и походку. Руки, лицо, череп, уши – все было переделано, чтобы создать нового человека. Искусное применение определенных гормонов вызвало изменение пигментации, моя кожа и волосы потемнели, изменилась даже сама структура волосяного покрова. Вершиной мастерства доктора Вульфа была кропотливая операция на моих голосовых связках. Голос стал более низким и грубым.

Когда все закончилось, Скользкий Джим ди Гриз умер, а вместо него родился Ханс Шмит. Не совсем оригинальное имя, но я собирался пользоваться им только для общения с доктором Вульфом до того, как я приступлю к реализации моего плана.

– Хорошо, просто замечательно, – сказал я, глядя в зеркало и ощупывая руками чужое лицо.

– Господи, наконец-то я смогу выпить! – простонал Вульф, сидевший позади меня на упакованных чемоданах. В последние несколько дней он пристрастился к медицинскому спирту, пока я не добавил туда моего любимого рвотного порошка. Теперь он не мог дождаться момента, когда сможет как следует напиться. – Давайте оставшиеся деньги, которые

мне причитаются, и поехали отсюда.

– Спокойствие, доктор, – ответил я, передавая ему пачку денег.

Сорвав банковскую упаковку, он быстро принялся считать деньги, нежно дотрагиваясь до них пальцами.

– Не стоит терять время, – сказал я ему, но он не обратил на мои слова никакого внимания. – Я позволил себе написать на каждой банкноте «УКРАДЕНА» чернилами, которые начинают светиться, когда в банке их проверяют ультрафиолетом.

Его пальцы замерли, а лицо побледнело. Я предупредил его, чтобы он не волновался, – ведь это так влияет на сердце.

– Что значит «украдены»? – наконец пробормотал он.

– Это значит, что я расплатился с тобой украденными деньгами. – Его лицо стало еще бледнее. Я был уверен, что с таким кровообращением ему не дотянуть и до пятидесяти. – Не волнуйся. Остальные купюры, которые я тебе дал раньше, не помечены. Я уже расплачивался ими раньше без всяких осложнений.

– Но... зачем? – запинаясь, спросил он.

– Законный вопрос, доктор. Точно такую же сумму – с непомеченными кредитами – я отослал твоей старой подруге Зине. Она ведь столько для тебя сделала, надо уметь отдавать долги.

Он не сводил с меня глаз, пока я скидывал с утеса медицинское оборудование. Я старался не поворачиваться к нему

спиной, все остальные меры предосторожности были приняты еще раньше. Когда выражение отчаяния исчезло с его лица, а на губах заиграла скрытая усмешка, я понял, что пришло время выложить все до конца.

– Воздушное такси прибудет с минуты на минуту. Мы улетаем вместе. Вынужден тебя огорчить – в Фрейбурбаде у тебя не будет времени, чтобы отыскать Зину и встряхнуть из нее деньги, как ты задумал. – Виноватое выражение его лица лишний раз подтвердило, что он еще новичок в подобных делах. Я продолжал, надеясь, что он с благодарностью послушает, как поступают настоящие преступники. – Все рассчитано по минутам. Так получилось, что сегодня из космопорта почти одновременно вылетают два корабля. На одном полечу я, а на другом – ты. Я оплатил твой билет, хотя вряд ли дождусь от тебя благодарности. – (Он взял билет с брезгливостью старой девы, дотрагивающейся до мертвой змеи.) – Надо торопиться, чтобы скорее смыться, извиняюсь за рифму. Через несколько минут после старта твоего корабля в полицию доставят письмо, в котором описывается твоя роль в операции.

Милый доктор Вульф переваривал информацию, пока мы ждали такси, и, судя по мрачному выражению лица, не мог найти для себя никакой лазейки. В такси он отвернулся к окну и всю дорогу молчал. В космопорту он не попрощался со мной и даже не проклял меня напоследок, а сразу же сел на свой корабль. Я же просто направился к своему, но захо-

дить в него совсем не собирався. У меня не было ни малейшего желания улетать с Фрейбура и тем более сообщать полиции о незаконной операции. Эта маленькая ложь помогла мне спровадить доктора-алкоголика в полет. Его ждало одинокое путешествие к циррозу печени. Мне же было незачем улетать, наоборот, у меня были веские основания, чтобы остаться.

Анжелина все еще находилась на этой планете, и я не хотел, чтобы кто-нибудь помешал мне ее отыскать.

Возможно, это покажется хвастовством, но за это время я хорошо узнал Анжелину. Шарики в наших порочных мозгах вращались в одном направлении. Я чувствовал, что вполне могу предугадать ее дальнейшие действия. Во-первых, она счастлива, что наконец прикончила меня. Ей трупы доставляют такую же радость, как другим девушкам – новые платья. Теперь, когда она считает меня мертвым, разыскать ее не составит труда. Разумеется, она уже приняла обычные меры предосторожности против полиции и других агентов корпуса. Но ведь они не знают, что она на Фрейбуре, моя смерть никак не была связана с Анжелиной. Ей нет смысла убегать отсюда, на этой планете она легко найдет себе подходящий образ и соответствующую внешность. Нет никаких сомнений, что она захочет остаться на Фрейбуре. Такое впечатление, что эта планета специально создана для незаконных операций. Я немало шатался по Вселенной, но такой лакомый кусочек мне еще не попадался. Жуткая смесь старо-

го и нового. В старом, феодальном Фрейбуре с его замками любой незнакомец сразу бы привлек к себе внимание. Современные планеты Лиги с их компьютерами, механизацией, роботами и бдительной полицией тоже не лучшее место для незаконных операций. И только там, где эти две культуры смешиваются, появляется обширное поле деятельности для таких людей, как я.

На Фрейбуре довольно спокойно, вы можете вполне доверять заключению экспертов Лиги. Прежде чем завезти сюда антибиотики и компьютеры, они убедились, что здесь поддерживается должный порядок. Но для смекалистых людей всегда найдется возможность чем-нибудь поживиться. Главное – знать, где искать. Анжелина это знала, и я тоже.

Однако через несколько недель безуспешных поисков до меня наконец дошло, что мы ищем разные вещи. Не могу сказать, что все это время я провел без пользы, так как обнаружил массу возможностей для незаконного обогащения. Если бы не Анжелина, я бы навсегда остался в этом воровском раю. Но мысль о ее местонахождении постоянно мучила меня, как больной зуб.

Видя, что интуиция не помогает, я обратился к научным методам. Арендовав самый лучший компьютер, я загрузил в его блоки памяти целую библиотеку и поставил перед ним массу задач. Израсходовав кучу киловатт-часов энергии, я стал специалистом по экономике Фрейбура, но в поисках Анжелины не продвинулся ни на шаг. В ней бушевала неум-

ная страсть к власти и контролю, но я понятия не имел, в чем может заключаться ее деятельность. Существовало много возможностей захвата власти на Фрейбуре, но расследование показало, что Анжелина ими не воспользовалась. Король Виллельм IX держал в руках все бразды правления на планете. Полное изучение Виллельма, его семьи и близких королевских родственников вскрыло один сочный скандал, но не обнаружило Анжелину. Я зашел в тупик.

И только когда я стал искать утешение в бутылке, меня вдруг осенило. Паралич нервных клеток в моем пропитавшемся алкоголем теле и стал источником идеи. Только дурак может утверждать, что соображать лучше на трезвую голову. Впрочем, тут все обстояло совсем по-другому. Я уже не думал, а просто дал волю чувствам. Злость к Анжелине приглушила во мне все остальные чувства. Я душил подушку, представляя, что это ее шея, и вдруг воскликнул:

– Она же просто сумасшедшая! Чокнутая! – Когда я обессиленно свалился в постель, все закружилось вокруг в бешеном хороводе, и я пробормотал: – Просто психованная. Я сам должен сойти с ума, чтобы знать, что ей дальше взбредет в голову.

Тут мои глаза закрылись, и я уснул. Мысли медленно просачивались через пропитанный алкоголем мозг и постепенно складывались в стройную систему.

В голове что-то замкнуло, и я сел в постели с широко открытыми глазами, пораженный страшным открытием. Пона-

добится вся моя сила воли, чтобы сделать это.

Чтобы найти Анжелину, я должен стать сумасшедшим.

Глава 13

При свете холодной утренней зари идея не стала выглядеть более привлекательной, но и не стала менее очевидной. Я стоял перед выбором – делать это или нет. В том, что Анжелина была сумасшедшей, не было никаких сомнений. Все ее поступки отличались полным безразличием к человеческой жизни. Она презирала людей и с удовольствием убивала их. А может, и с равнодушием. Сомневаюсь, чтобы она вела счет своим преступлениям. По сравнению с ней я сопливый новичок. Я никогда не прибегал к убийству, мало того, в моей деятельности в этом не было никакой необходимости.

Да, ди Гриз никогда не убивал! Мне не стыдно признаться в этом, наоборот – я горжусь. Я всегда трепетно относился к человеческой жизни – величайшей ценности на свете. Анжелина любила только саму себя и свои желания. И больше ничего. Исследуя ее сущность, я мог бы представить образ ее мышления.

По крайней мере, теоретически это не составляло никакого труда. У меня был опыт работы с психотропными наркотиками, и я хорошо представлял себе их действие. За несколько столетий наука изобрела лекарства, которые могли создать у человека любой образ мышления. Есть желание недельку побыть в роли параноика? Достаточно одной таблетки, и вы почувствуете, что это такое. Некоторые прини-

мали эти наркотики, чтобы расслабиться, но я всегда их сторонился. Человека с таким тонким строением серого вещества, как у меня, на это могли толкнуть лишь очень серьезные причины. Например, необходимость найти Анжелину.

Главным качеством этих наркотиков было то, что их действие ограничивалось временными рамками. Стоит лекарству выйти из организма, как все галлюцинации пропадают. По крайней мере, я надеялся на это. Ни в одном рецептурном справочнике не указывалась та смесь, в которой я нуждался. Поистине титаническая работа – искать в справочнике описания всех этих милых привычек Анжилины и находить для них соответствующий препарат. Пришлось даже обратиться за профессиональной помощью, не раскрывая, разумеется, истинной цели моего любопытства. В конце концов передо мной стоял флакончик с мутноватой жидкостью и магнитофон, на котором были записаны соответствующие внушения. Их полагалось слушать в процессе действия лекарства. Оставалось только сделать последний шаг. Впрочем, прежде надо было принять кое-какие меры предосторожности. Я снял комнатку в дешевом отеле и попросил, чтобы меня не беспокоили. Я впервые отважился на такой поступок и на всякий случай оставил записку на видном месте. Приготовления заняли у меня несколько часов, и наконец я понял, что просто тяну время.

– Не так-то просто стать сумасшедшим по своей воле, – сказал я своему бледному отражению в зеркале. Отражение

согласно кивнуло, и мы оба закатали рукава и приготовили шприцы. – Будь что будет, – произнес я, введя иглу в вену, и до упора нажал на поршень шприца.

Результат поразил меня, если этими словами можно передать мое разочарование. В ушах зазвенело, в затылке появилась боль, но все это быстро исчезло, и я чувствовал себя как и прежде. Я понял, что надо чем-то заняться, и стал читать газету, пока не устал. Мне стало скучно. Я отправился спать, включив магнитофон, который нашептывал мне в уши непреложные истины: «Ты самый умный, самый лучший, и горе тому, кто в этом сомневается» – или: «Умнее тебя нет никого на свете, а все остальные – дураки».

Наушники врезались в уши, не давая заснуть, вкрадчивый голос вывел меня из терпения. Ничего не изменилось, эксперимент сорвался, и неудача разозлила меня. Я сломал наушники, и мне стало легче, потом скомкал магнитофонную ленту и совсем успокоился.

Уже несколько дней я не брился и основательно зарос щетиной. Намазав щеки кремом, я заглянул в зеркало и обомлел. Новое лицо подходило мне лучше, чем старое. Из-за родовой травмы или уродства родителей – я ненавидел их за то, что, кроме как родить меня, они ничего полезного не сделали, – лицо не соответствовало моей личности. Новое лицо было гораздо лучше. Более красивое и более мужественное. Я должен был поблагодарить за этот шедевр доктора Вульфа. Поблагодарить пулей. Чтобы он никогда не навел на ме-

ня полицию. Наверное, в тот день стояла жара и у меня был солнечный удар, раз я позволил ему уйти живым.

На столе лежал листок бумаги с одним-единственным словом, написанным моим почерком. Я никак не мог припомнить, зачем его там оставил. «Анжелина» было написано на нем. Анжелина! С каким удовольствием я сжал бы ее нежное белое горло руками и душил до тех пор, пока у нее не вылезли бы глаза. Ха! Я засмеялся, представив себе эту картину. Впрочем, нельзя подходить к такому важному делу столь легкомысленно. Я обязан найти ее, и ничто меня не остановит. Она обвела меня вокруг пальца и хотела убить. Она, безусловно, заслуживала смерти. Жаль, конечно, губить такой талант, но что поделаешь. Я разорвал листок на клочки.

Вдруг я почувствовал, что стены и потолок комнаты давят на меня, и решил поскорее выйти. Я пришел в бешенство, когда не обнаружил ключа. Я помнил, что вытащил его из двери, но куда дел – забыл. Когда дежурный портье наконец-то поднял трубку, я хотел высказать ему все, что думал об их отеле, но воздержался. С подобными типами надо разговаривать при помощи кулаков. Пневмотруба выплюнула запасной ключ, и я наконец вышел из комнаты. Мне нужно было поесть, выпить и поразмышлять в спокойной обстановке.

В ближайшей забегаловке я нашел все, что нужно, после того как выгнал оттуда всех проституток. Жалкие существа! Анжелина в своей роли выглядела в сто раз лучше, чем все

это стадо, вместе взятое. Анжелина... Я думал лишь о том, как отомстить ей. Выпивка согрела желудок, а мысли об Анжелине – душу. Неужели я действительно когда-то хотел передать ее полиции или даже убить? Как я мог? Никогда еще я не встречал такой умной женщины. А как она выглядела в том платье! Разве можно такое забыть? Приручить бы ее чуть-чуть, и мы бы составили с ней чудесную пару! От этой мысли я покраснел и залпом осушил стакан.

Я должен был отыскать ее. Она ни за что не улетит с такой планеты, как эта. Девушка с ее амбициями здесь может легко достигнуть желаемого. Это именно то место, где она должна находиться. Очевидно, она всегда жалела, что родилась женщиной. Зная, что она выше толпы, она снова и снова доказывала ЭТО себе и всем остальным. Своим появлением я оказал Анжелине неоценимую услугу. Стыдно вспомнить – я вел себя как неотесанный болван. Покончив со мной, Анжелина могла расслабиться и спокойно заняться своими делами. Кроме меня, ей больше никто не мог угрожать.

Вдруг мною овладело какое-то смутное беспокойство. Я напряг память и понял. Действие укола заканчивалось! Нужно срочно возвращаться в отель. Надо же, раньше я боялся, что это опасная штука, а на самом деле этот наркотик безвреднее аспирина. Но в то же время лучше его нет ничего во всей Галактике. Передо мной открылись безграничные возможности, мозг прояснился, а мысли стали логичными. Никогда больше не вернусь в прежнее состояние, когда в голове

царит вечная путаница.

Заплатив бармену, я нетерпеливо постукивал пальцами по стойке, пока он медленно отсчитывал сдачу.

– Умнее всех, что ли? – громко сказал я, чтобы все присутствующие меня услышали. – Если клиент спешит, значит нужно его обсчитать? Не хватает двух гильденов.

Я держал деньги на ладони, а когда он наклонился, чтобы пересчитать их, я заехал ему по физиономии. Заодно, понизив голос, чтобы слышал только он, я высказал все, что о нем думаю. Во фрейбургском сленге полно оскорбительных выражений, и я выбрал самые сочные из них. Жаль, что я торопился, а то бы преподал ему хороший урок. Повернувшись, я уже собрался уходить, продолжая следить, что творится за моей спиной, в зеркале, висящем напротив. Я поступил правильно. Бармен достал из-под стойки здоровенный обрезок трубы и занес над моей головой. Я стоял неподвижно, представляя собой замечательную мишень, но, когда его рука пошла вниз, сделал шаг в сторону, и труба прошла в миллиметре от меня.

Тогда я схватил его за руку и просто сломал ее о стойку бара. От его воплей на душе у меня полегчало. Стоило, конечно, сломать что-нибудь еще, чтобы он заорал как следует, но меня поджимало время.

– Видели, как он подло напал на меня? – спросил я у ошеломленных посетителей, продвигаясь к двери. Из-за стойки доносились приглушенные стоны бармена. – Я схожу за по-

лицией. Присмотрите, чтобы он никуда не убежал.

Разумеется, он так же хотел убежать, как и я – сообщить в полицию. Я уже был далеко, прежде чем посетители сообщили, что же произошло на самом деле.

Я не мог бежать, чтобы не привлекать к себе внимания. Направляясь в отель быстрой походкой, я весь взмок от напряжения. В комнате я первым делом посмотрел на стол, где стоял флакончик и лежал завернутый в марлю шприц. Огромным усилием воли я сдержал дрожь в руках.

Рухнув после укола в кресло, я схватил флакончик и увидел, что жидкости там осталось на донышке. Надо было срочно пополнить запасы наркотика. Я хорошо запомнил формулу и без труда мог приготовить очередную порцию. Правда, аптеки в этот час закрыты, но это лишь облегчало работу. Историки утверждают, что оружие изобрели раньше, чем деньги. В чемодане у меня лежал пистолет 75-го калибра, при помощи которого я мог приобрести гораздо больше, чем на все деньги Галактики.

Это была моя ошибка. У меня появились какие-то смутные предчувствия, но я решительно отмел их. Видимо, после укола я сильно расслабился. Я хотел поскорее раздобыть необходимые компоненты и быстро вернуться в отель. Размышляя, как получше мне это проверить, я открыл чемодан и протянул руку к лежащему поверх одежды пистолету. Внутренний голос мне что-то говорил, но я не обратил на него внимания. Что-то было не так... Я уже схватился за ру-

коятку пистолета, когда в мозгу у меня прояснилось. Но это случилось слишком поздно.

Отшвырнув пистолет, я кинулся к двери, но не успел выскочить. Позади разорвалась граната с сонным газом, которую я сам положил под пистолет. Уже проваливаясь в сон, я продолжал удивляться своей собственной глупости...

Глава 14

Придя в себя после действия газа, я испытал огромное сожаление. В самом деле, наш мозг всегда удивляет нас. Действие моего дьявольского зелья прошло. Память заработала, когда я убрал постгипнотическую блокировку. Все подробности моего сумасшествия всплыли в памяти. Хотя эти воспоминания вызывали у меня тошноту, одновременно я сожалел, что больше не вернусь в подобное состояние. Тогда я чувствовал ни с чем не сравнимую свободу, и жизнь других людей ничуть не волновала меня. Извращенное, но чрезвычайно приятное чувство. Привыкаешь, как к наркотикам. Чувствуя отвращение, я испытывал желание повторить все сначала.

Несмотря на двенадцать часов вынужденного сна, я чувствовал себя полностью разбитым. Мне пришлось собрать все силы, чтобы добраться до постели. Я налил себе стакан виски из предусмотрительно припасенной бутылки. Потягивая стимулирующую жидкость, я старался привести в порядок свои мысли, а это была задача не из легких. Я много читал о темных желаниях, лежащих в нашем подсознании, а теперь и сам столкнулся с этим. Теперь пора проанализировать кое-какие мысли, которые выплыли на поверхность.

Стоит наконец разобраться в моем отношении к Анжелине. Нужно признаться, что я испытывал к ней сильное вле-

чение. Любовь? Может, и любовь, называйте это как хотите, но только не юношеская страсть. Я не закрывал глаза на ее недостатки. Наоборот, я еще больше возненавидел их, когда узнал, как ее убийственно аморальная сущность отражается на моем сознании. Но логика и здравый смысл не имеют ничего общего с эмоциями. С одной стороны, я ее ненавидел, а с другой – никак не мог отделаться от влечения к личности, столь похожей на меня. Во мне заговорили низкие инстинкты – какая бы из нас получилась пара! Разумеется, это невозможно, но кто запретит мне мечтать об этом? Говорят, часто любовь и ненависть стоят рядом, так вот это был тот самый случай. Анжелина была чертовски привлекательной женщиной. Я сделал изрядный глоток виски.

Теперь я легко найду Анжелину. Мне даже стало не по себе от такой уверенности. За время помрачения моего ума я не узнал о ней ничего нового, однако уяснил, в какую сторону у нее сдвинуты мозги. Ее тянуло к власти, но вряд ли, действуя через короля, она могла добиться исполнения своих желаний. Теперь я это понял. Она предпочитала перевороты, убийства, заговоры и прочие беспорядки. Так случилось в старые времена, когда верховную власть на Фрейбуре захватывали силой. Корону мог получить любой представитель дворянства, и стоило королевской хватке чуть ослабнуть, как в результате дворцового переворота возникал новый монарх. Но все это происходило до того, как на Фрейбуре поработали специалисты – социологи из Лиги.

Мне стало ясно, что старые времена скоро вернуться. Чтобы удовлетворить свои амбиции, Анжелина была готова утопить этот мир в крови, посеять вражду и смерть. Теперь она готовила кого-то для этой работы. Какого-нибудь эгоистичного вельможу, который еще играл важную роль в полуфеодалном Фрейбуре и мечтал занять трон. Анжелина уже применяла подобный метод и, несомненно, воспользуется им еще раз.

Неясно было только одно. Кто этот человек?

После подобных погружений в глубины самоанализа во рту у меня стало так гадко, что даже алкоголь не помог избавиться от этого неприятного ощущения. Надо было как следует встряхнуться и разогнать застоявшуюся кровь. Выслеживая ставленника Анжелины, я как раз успокою свои нервы и подзаряжусь энергией. Подумав об этом, я сразу же воспрянул духом и, схватив газету, стал изучать светскую хронику. Через два дня должен был состояться Большой бал. Чудесное прикрытие для задуманной операции.

Эти два дня я посвятил решению кое-каких задач, чтобы довести свой план до совершенства. На каждом королевском приеме обязательно присутствует болван, который учиняет какой-нибудь скандал, коего с нетерпением ждут все присутствующие. Только человек с такими яркими талантами, как у меня, может создать такой образ. Порывшись в справочниках, я нашел себе родину – отдаленную провинцию, где единственным богатством был местный диалект, над ко-

торым потешались фрейбурские шутники. Из-за этого население Мистельдросса отличалось драчливостью и невероятным упрямством. Тамошних дворян никто не знал, и это давало мне возможность присвоить себе имя графа Бента Дибстола. На местном диалекте мое фамильное имя переводилось как «бандит» или «сборщик налогов» и давало представление о тамошней экономике и происхождении родового титула. Пока военный портной подгонял мой сшитый на заказ мундир, я заучивал свою скучную биографию, отмечая места, которые смогут развеселить присутствующих.

Затем я послал увесистую пачку денег покалеченному бармену – ведь теперь бедняга работал с загипсованной рукой. Он действительно обсчитал меня, но понес за это слишком суровое наказание. Успокоив таким образом совесть, я почувствовал себя гораздо лучше.

Полуночный визит в королевскую типографию обеспечил меня приглашением на бал.

Когда я одним из первых появился во дворце, мундир сидел на мне как влитой, а сапоги ослепительно сверкали. Королевская кухня пользовалась заслуженной репутацией, а предстоящая работа раздражила мой аппетит. Грохоча саблей и шпорами – на Фрейбуре подобным аксессуарам еще уделяли большое внимание, – я склонился в поклоне перед королем и смотрел ему в глаза, пока тот пытался произнести какую-то нечленораздельную фразу. Его стеклянные глаза тускло блестели, что подтверждало слухи о том, что на

каждый прием он приходит уже в стельку пьяным. Он ненавидел подобные сборища и предпочитал копаться со своими жуками, поскольку был энтомологом-любителем и знал в этом деле толк. Затем я подошел к королеве, которая была моложе его лет на двадцать и обладала весьма пышными формами. Ходили слухи, что ей до смерти надоели всякие жуки и она предпочитает гомо сапиенс. Я решил проверить это утверждение, пожав ей руку чуть сильнее, чем требовалось. В ответ я получил такое же пожатие и заинтересованный взгляд. После чего я направился к буфету.

Пока я ел, гости продолжали прибывать. Наблюдая за ними, я усердно поглощал яства и перепробовал все вина. Я уже насытился, когда все остальные только приступили к трапезе, и принялся ходить среди толпы. Особое внимание я обращал на женщин, которым это явно нравилось, потому что мое лицо и щегольской мундир выделяли меня среди остальных. Я, конечно, не рассчитывал сразу же обнаружить Анжелину, но решил не упускать ни малейшей возможности. Несколько женщин отдаленно напоминали ее, но стоило мне только поговорить с ними, как становилось ясно, что эти типичные представительницы голубой крови не имели ничего общего с моей космической разбойницей. Моя задача облегчалась тем, что все местные красавицы явно страдали ожирением, в то время как Анжелина была гибкой и стройной. Я снова направился к бару.

– Следуйте за мной! Именем короля! – прогнусавил мне

в ухо чей-то голос, и меня грубо схватили за рукав.

Обернувшись, я свирепо посмотрел на типа, вцепившегося в мой мундир.

– Отпусти рукав, а то я разобью твою дурацкую рожу, – выдал я на сочном мистельдроссианском диалекте.

Он отдернул руку, будто дотронулся до раскаленной плиты, и покрылся красными пятнами.

– Вот так-то лучше, – добавил я. – Кто меня хочет видеть? Король?

– Ее величество королева, – пробормотал он.

– Отлично! Я и сам хотел с ней повидаться. Показывай дорогу.

Я прокладывал себе путь через толпу, а мой новый приятель семенил позади, тщетно пытаюсь обогнать меня. Дойдя до группы придворных, окружавших королеву Хейду, я остановился, пропуская его вперед, и он, задыхаясь и вытирая лоб, представил меня королеве:

– Ваше величество, это барон...

– Граф, а не барон, – перебил я его на своем наречии. – Граф Бент Дибстол из бедного провинциального рода, чей титул несколько веков назад у нас обманом забрали негодяи и мошенники князя.

Я сурово взглянул на своего проводника, будто он был главным виновником, и он снова покраснел.

– Что это у вас за награды? – спросила королева низким голосом, напомнившим мне мычание коровы на лугу.

Она указала на мою широкую грудь, увешанную побрякушками, которые я купил сегодня утром у одного антиквара.

— Это галактические награды, ваше величество. Младший сын провинциального дворянина, обнищавшего в результате подлого заговора, не мог рассчитывать на продвижение по службе здесь, на Фрейбуре. Поэтому я решил провести лучшие годы своей жизни в Звездной гвардии, участвуя в космических битвах и сражениях. Но вот этой медалью я действительно могу гордиться... — Перебирая пальцами звякающие железяки, я наткнулся на невзрачную штучковину, украшенную блестящими кометами. — Это Галактическая Звезда, самая почетная награда в гвардии.

Я любовно посмотрел на медаль. Это действительно был гвардейский значок, выдаваемый то ли за выслугу лет, то ли за проявленное усердие на кухонных работах.

— Великолепная награда, — сказала королева.

В медалях она разбиралась не лучше, чем в нарядах, но чего можно ожидать на этой отсталой планете!

— Действительно. Мне бы не хотелось рассказывать, за что я ее получил, но если ваше величество прикажет... — застенчиво сказал я.

Я бессовестно врал им о своих подвигах, а они слушали раскрыв рты. Я надеялся, что на следующий день обо мне начнут сплетничать и кое-что может дойти до Анжелины, где бы она ни пряталась. Вспомнив о ней, я почувствовал, как

мое вдохновение иссякает, и, извинившись перед слушателями, вернулся в бар.

Остаток вечера я провел рассказывая о своих замечательных подвигах каждому, кто попадал в поле моего зрения. Большинство из них слушали с удовольствием, смеясь надо мной. Единственный, кто не получил от этого удовлетворения, был я сам. Если сначала мой план казался мне хорошим, то теперь я полностью в нем разочаровался. Я мог месяцами вращаться в дворцовых кругах без всякой надежды найти след Анжелины. Надо было ускорить этот процесс. В голове у меня засела одна мысль, но она граничила с безумием. Один неверный шаг – и меня либо убьют, либо навсегда отлучат от королевского двора. С последним я еще как-нибудь смогу смириться, хотя это затруднит поиски моей драгоценной беглянки. Чтобы избавиться от сомнений, я бросил монетку, и, конечно, выпало то, что я загадал, так как еще до броска прижал ее пальцем к ладони. Пора было приступить к активным действиям!

Еще до прихода сюда я рассовал по карманам несколько мелочей, которые могли пригодиться на приеме. Одна из них гарантировала мне великолепный предлог, чтобы приблизиться к королю. Сунув эту штуковину в карман, я наполнил вином самый большой бокал и стал слоняться по полутемным переходам в поисках своей жертвы.

Если на приеме король Виллельм уже появился пьяным, то сейчас казался полностью парализованным. Думаю, сзади

в его белую королевскую мантию был вшит стальной стержень, потому что, могу поклясться, собственный позвоночник его уже не держал. Но он продолжал пить, качаясь из стороны в сторону, а его голова, казалось, вот-вот отвалится. Его окружала куча стариков, предававшихся воспоминаниям о былых временах. Стоило мне подойти поближе, как они стали бросать на меня уничтожающие взгляды. Я был выше их ростом и ярче одет, поэтому, когда король наткнулся на меня взглядом, он стал медленно поворачивать голову в мою сторону. Один из старцев уже встречался со мной и был вынужден представить меня королю.

– Очень рад познакомиться с вашим величеством, – пьяным голосом пробормотал я. Король даже не заметил этого, но все остальные недовольно поморщились. – Я в некотором роде и сам энтомолог и, простите за выражение, хотел бы следовать по вашим королевским стопам. Полагаю, на Фрейбуре надо уделять большее внимание формениферам, лепидоптерам и другим видам. Они заслуживают большего уважения. Надо почаще использовать их изображения на флагах, в геральдике...

Я продолжал нести всякую чушь и заметил, как присутствующие стали проявлять нетерпение. Король, который едва ли улавливал одно слово из десяти, устал кивать, и его внимание стало рассеиваться. Старички не знали, как им избавиться от пьяного. Кто-то взял меня за локоть, и тогда я выложил козырную карту.

– Думаю, это заинтересует ваше величество, – пробормотал я, шаря в кармане. – Этот уникальный экземпляр я хранил долгие световые годы и хочу, чтобы он занял достойное место в вашей королевской коллекции.

Вытащив плоскую пластиковую коробочку, я сунул ее королю под нос. Он с трудом сфокусировал на ней свои водянистые глаза и тихо ахнул. Остальные тоже сгрудились вокруг меня, и я дал им возможность несколько секунд полюбоваться великолепным экземпляром.

Должен сказать, что это был великолепный жук. Правда, он не путешествовал со мной через долгие световые годы – я сделал его сегодня утром. Большинство частей было от других насекомых, а там, где природа сплеховала, я восполнил этот недостаток кусочками пластмассы. Тело жука было размером с ладонь, с тремя рядами разноцветных крыльев. Снизу крепилось множество ног, взятых по крайней мере у дюжины других насекомых. От внимания окружающих не ускользнули такие детали, как массивное жало, три глаза и хвост в виде штопора. Я специально сделал коробочку из цветного пластика, чтобы скорее скрыть, чем подчеркнуть, детали.

– Посмотрите получше, ваше величество, – сказал я, раскрывая коробочку.

Мы оба покачивались из стороны в сторону. Держа в одной руке и бокал, и коробочку, я другой рукой вытащил монстра. Я сжал его большим и указательным пальцем, а ко-

роль нагнулся, расплескивая вино из своего бокала. В этот момент я сделал неувловимое движение большим пальцем, и жук, как живой, нырнул в королевский бокал.

– Спасите его! Спасите его! – заорал я. – Это редчайший экземпляр!

Сунув пальцы в бокал короля, я принялся вылавливать жука. Вино пролилось на золоченные манжеты Виллельма. Толпа ахнула, слышались злые голоса. Кто-то грубо схватил меня за плечо.

– А ну-ка убери свои грязные лапы! – закричал я, сбрасывая руку.

Насекомое выскользнуло у меня из пальцев, шлепнулось на королевскую грудь и стало медленно сползать, теряя по пути крылья, ноги и другие части. Наверное, я пользовался клеем низкого качества. Пытаясь спасти жука, я опрокинул свой бокал с вином на королевскую мантию. Толпа загудела.

Король, однако, отнесся ко всему довольно спокойно. Раскачиваясь, как дерево в бурю, он смог пробормотать лишь: «Я говорю... Я говорю...» Он даже не проявил никакого недовольства, когда, вытирая носовым платком вино с его груди, я, как бы случайно, наступил ему на ногу. Толпа окружила меня. Кто-то схватил за руку, но я вырвался, стукнув короля Виллельма IX в его монаршую грудь, и от удара его королевская вставная челюсть выпала на пол. Тут такое началось!..

Все старички разбежались кто куда. Молодые дворяне

встали на защиту своего короля, и мне пришлось показать им пару приемчиков, которым я научился на других планетах. Недостаток техники они восполняли избытком энергии, и началось настоящее столпотворение. Женщины визжали, мужчины ругались, а короля унесли на руках. Тут мои дела пошли совсем плохо, хотя я давал не меньше, чем получал сам.

Последнее, что осталось в моей памяти, – это то, как несколько человек держали меня, а один бил изо всех сил. Я саданул ему по физиономии ногой, но меня скрутили, и в глазах у меня потемнело.

Глава 15

Несмотря на мое грубое поведение, тюремщики обращались со мной вежливо. А я по мере сил мешал им выполнять свою работу. Не для того я добровольно сел в тюрьму, чтобы стать образцовым заключенным. Я здорово рисковал, сыграв такую шутку с королем. Оскорбление королевской особы относится к тем преступлениям, которые обычно караются смертью. К счастью, темный Фрейбур уже пропитался цивилизованностью Лиги, и местные власти из кожи вон лезли, чтобы показать свою приверженность законам. Но я упрямо стоял на своем. Когда мне приносили еду, я проглатывал ее, а тарелки демонстративно разбивал, протестуя против незаконного ареста.

Крючок с наживкой был заброшен. Я хотел создать себе соответствующую рекламу, и все мои синяки были лишь малой платой за подобное удовольствие. Несомненно, обо мне говорили. Говорили как о предателе своего класса, неистовом драчуне, нарушителе спокойствия, каким-то чудом появившемся в этом тихом мире. Короче говоря, таких людей ненавидят добропорядочные жители Фрейбура, но именно таким человеком должна была заинтересоваться Анжелина.

Несмотря на кровавое прошлое Фрейбура, здесь почти не осталось настоящих мужчин. В низших сословиях их по-прежнему хватало – в портовых трактирах кишмя кишели

обезьяноподобные личности с пудовыми кулаками и мозгами размером с горошину. Анжелина могла найти там любых добровольцев. Но одни лишь штурмовые отряды не помогут ей добиться победы. Ей нужны союзники и помощники из высшего сословия, а, судя по моим наблюдениям, на Фрейбуре людей с такими талантами негусто. Поэтому я и постарался показать все свои качества, которые могли ее заинтересовать, причем сделал это так, чтобы она не заподозрила, что весь этот спектакль разыгран специально для нее. Западня была открыта, и я ждал, когда в нее попадетя птичка.

В замке загремел ключ.

– К вам посетители, граф Дибстол, – сказал охранник, открывая решетчатую дверь.

– Пусть катятся ко всем чертям! – заорал я. – Я не хочу никого видеть на вашей гнусной планете!

Не обращая внимания на мою просьбу, он впустил в камеру начальника тюрьмы и двух престарелых типов в черных одеяниях с мрачными лицами. Я демонстративно отвернулся. Они подождали, пока охранник уйдет, а затем самый худой из них открыл папку и двумя пальцами вытащил оттуда листок бумаги.

– Я не собираюсь подписывать прощальную записку самоубийцы, чтобы вы потом прихлопнули меня во сне, – грубо сказал я.

Он слегка опешил, но постарался не обращать внимания на мои слова.

– Несправедливое заявление, – торжественно произнес он. – Я королевский прокурор и никогда не прибегаю к подобным мерам.

Все трое одновременно кивнули, как будто их дернули за веревочки. Эффект был настолько поразительным, что я тоже чуть не кивнул.

– Добровольно я не расстанусь с жизнью, – быстро повторил я. – Это мое последнее слово.

Но королевского прокурора, немало повидавшего на своем веку, трудно было сбить с толку. Кашлянув, он зашелестел бумагами.

– Вас обвиняют в совершении серьезных преступлений, молодой человек, – забубнил он, изобразив на лице скорбную маску. Я безразлично зевнул. – Однако я надеюсь, что вас не предадут суду, – продолжал он, – ибо это причинит вред другим лицам. Сам король заинтересован в этом, он искренне желает закончить дело мирным путем. Я пришел сюда, чтобы исполнить его желание. Подпишите эту просьбу о прощении, и вас посадят на корабль, сегодня вечером вылетающий с Фрейбура. С вас будут сняты все обвинения.

– Хотите избавиться от меня, чтобы скрыть пьяные драки, которые происходят во дворце? – презрительно спросил я.

Лицо королевского прокурора покрылось багровыми пятнами, но он сдержал себя. Если меня вышвырнут с планеты, все мои усилия пойдут прахом.

– Ваши речи оскорбительны, сэр! – возразил он. – Не за-

бывайте, что вы и сами в этом замешаны. От чистого сердца предлагаю вам принять снисходительность его королевского величества и подписать. — Он протянул мне бумагу, но я разорвал ее на клочки.

— Чтобы я еще извинялся? Никогда! — закричал я. — Я защищал свою честь от пьяниц и воров, потомков тех, кто лишил мой славный род его законных прав!

Тогда они ушли, причем начальнику тюрьмы, как самому молодому из всех, я показал дорогу пинком в зад. Все шло по плану. Дверь с лязгом закрылась, и я — мятежный и воинствующий сын земли Фрейбургской — остался сидеть в камере. Я сделал все возможное, чтобы привлечь внимание Анжелины. Если же она не заинтересуется мною, я рискую провести остаток дней в этих мрачных стенах.

Ожидание всегда плохо действовало мне на нервы. Я могу предаваться размышлениям в спокойные моменты, но по натуре я — человек действия. Одно дело приготовить план и смело претворять его в жизнь. Совсем другое — сидеть в сырой тюремной камере и размышлять, сработает ли план и не вкралась ли какая ошибка в расчеты.

Может, сбежать отсюда? Дело нетрудное, но я решил воспользоваться этим лишь в самом крайнем случае. Выйдя на свободу, мне придется скрываться, и Анжелина не сможет вступить со мной в контакт. От нетерпения я сгрыз на руках все ногти. Следующий шаг должна сделать Анжелина, мне же оставалось терпеливо ждать. Я надеялся, что она при-

мет правильное решение, проанализировав мои неистовые выходки.

Через неделю я стал потихоньку сходить с ума. Королевский прокурор больше не показывался, и мне никто не предъявлял никаких обвинений. Они не знали, что со мной делать, и надеялись, что я сбегу из тюрьмы. Что я уже и был готов сделать. Выйти из этой убогой тюрьмы не составляло никакого труда. Но я ждал весточки от моей любимой преступницы. Я проигрывал в голове различные варианты. Может, она окажет какое-нибудь давление на нужных людей при дворе и меня освободят? Или передаст напильник, чтобы я выбрался отсюда своими силами. Эта возможность казалась мне наиболее подходящей, и каждый раз я с нетерпением разламывал хлеб, надеясь отыскать что-нибудь внутри. Однако ничего не находил.

На восьмой день Анжелина сделала свой ход в наиболее привычной для нее манере. Ночью я проснулся от какого-то странного предчувствия. Никакого шума не было слышно, и я на цыпочках подошел к двери и через решетчатое окошко увидел приятную картину. В конце коридора на полу валялся ночной охранник, а над ним стоял человек в черном, сжимая в мускулистой руке увесистую дубинку. Затем появился второй человек в таком же одеянии, и они вдвоем потащили охранника к моей камере. Один из них вытащил из кармана кусок красной ткани и вложил его в бесчувственные пальцы охранника. Когда они подошли к моей камере, я отскочил от

двери и бесшумно нырнул под одеяло.

В замке заскрежетал ключ, и в камере зажегся свет. Я сел в кровати, моргая, будто только что проснулся.

– Кто вы? Что вам надо? – спросил я.

– Быстро вставайте и одевайтесь, Дибстол. Мы освободим вас, – сказал головорез, сжимая в руке дубинку.

Я задумчиво почесал подбородок, затем спрыгнул с кровати и прижался спиной к стене.

– Убийцы! – зашипел я. – Так вот что придумал подлый король Вилли? Хотите накинуть мне на шею петлю, а потом заявить, что я сам повесился? Что ж, без боя я не сдамся!

– Не будьте идиотом! – прошептал мужчина. – И не надо орать. Мы пришли, чтобы освободить вас. Мы – друзья.

Еще двое в черном вошли в камеру, а в коридоре мелькнул четвертый.

– Друзья? – закричал я. – Убийцы, вот вы кто! Вы дорого заплатите за это преступление!

Человек из коридора что-то прошептал остальным, и они направились ко мне. Мне хотелось получше рассмотреть главаря. Это был мужчина невысокого роста, если это только был мужчина. Одежда на нем висела свободно, а на голову был натянут чулок. Анжелина как раз такого роста. Но прежде чем я успел что-нибудь рассмотреть, головорезы набросились на меня. Я врезал одному в живот и отскочил в сторону. Но в тесной камере преимущества были на их стороне. Я был бос и без оружия, а они не стеснялись исполь-

зовать свои дубинки. Я с трудом сдержал улыбку, когда они повалили меня на пол.

Я для вида сопротивлялся, когда они тащили меня туда, куда я и стремился попасть.

Глава 16

От полученных ударов в голове у меня шумело, но, когда один из них раздавил у меня под носом ампулу с каким-то зельем, я потерял сознание. Поэтому я понятия не имел, долго ли меня везли и в какой части Фрейбура нахожусь. Мне, наверное, ввели антидот, потому что первым, кого я увидел, был костлявый тип со шприцем в руке. Он поднял мне веко, и я отбросил его руку.

– Собираешься пытаться меня перед смертью, свинья! – закричал я, вспомнив свою роль.

– Не беспокойтесь, – раздался позади меня низкий голос, – вы среди друзей. Среди тех, кто так же, как и вы, выступает против существующего режима.

Голос совершенно не был похож на голос Анжелины. Как и его владелец, тучный мужчина с кислым лицом. Врач выскользнул из комнаты, оставив нас одних, и я подумал, что мой план провалился. Этот толстяк с маленькими глазками и массивной челюстью мне кого-то напоминал, – приглядевшись, я узнал в нем одного из представителей фрейбургского дворянства. Глядя на это уродливое лицо, я попытался вспомнить, кто он такой.

– Рденрандт... Граф Рденрандт, – сказал я, припоминая, что я о нем читал. – Если бы вы не были первым кузеном его величества, может, я вам бы и поверил. Трудно представить,

что вы можете украсть из королевской тюрьмы человека для своих собственных целей...

– Какая разница, что вы там себе представляете! – злобно огрызнулся он. Он легко терял контроль над собой, но все же взял себя в руки. – Хотя Виллельм и является моим кузеном, это не значит, что я считаю его достойным правителем планеты. Вы много говорили о ваших правах, которых когда-то лишили ваш род. Это действительно так или вы просто очередной придворный болтун? Подумайте, прежде чем ответить, – вам предстоит сделать важный шаг. Есть люди, которые, как и вы, жаждут перемен.

Мне надо было сыграть роль импульсивного энтузиаста, преданного друга или смертельного врага. Схватив его руку, я принялся трясти ее изо всех сил:

– Если вы говорите правду, то вы приобрели соратника, готового идти с вами до самого конца. Но если вы лжете и это очередная королевская уловка, тогда, граф, приготовьтесь сражаться!

– Незачем сражаться, – сказал он, с трудом освобождая свою руку. – По крайней мере, друг с другом. Впереди нас ждет трудная дорога, и нам надо ценить взаимное доверие. – Он хрустнул пальцами и хмуро посмотрел в окно. – Искренне надеюсь, что на вас можно положиться. Фрейбур теперь не похож на тот мир, которым правили наши предки. Лига превратила наших людей в сопляков. Не на кого положиться.

– А те головорезы, которые вытащили меня из тюрьмы?

Они ведь неплохо справились с работой.

– Они могут работать только мускулами! – Он плюнул на пол и нажал кнопку на ручке кресла. – Мозгов у них ни на грамм. Таких я могу найти сколько угодно. А мне нужны люди, которые могут помочь мне привести Фрейбур к светлому будущему.

Я не стал упоминать о человеке, который руководил головорезами прошлой ночью. О том, что стоял в коридоре. Если Рденрандт не собирался упоминать об Анжелине, мне тоже лучше молчать. Раз уж ему так хотелось удостовериться, что мозги у меня работают, я решил ему немного подыграть.

– Это вам пришло в голову сунуть в руку охранника обрывок мундира? Прекрасная мысль.

Прищурившись, он внимательно посмотрел на меня:

– А вы наблюдательны, Бент.

– Дело привычки, – ответил я, одновременно пытаюсь изобразить скромность и самодовольство. – Этот кусок материи с пуговицей в руке охранника выглядел так, будто его оторвали в драке. Материал красного цвета, а ваши люди, как я заметил, были одеты во все черное. Вы решили сбить всех с толку...

– Я не могу нарадоваться, что вы решили присоединиться к нам, – сказал он, обнажив неровные зубы. Очевидно, он считал, что именно так выглядит улыбка. – Как вы знаете, люди старого князя носят красную форму...

– А старый князь является главным помощником Вил-

лельма Девятого, – закончил я за него. – Вам совершенно не повредит, если он выйдет из доверия короля.

– Совершенно, – повторил Рденрандт, снова демонстрируя свои кривые зубы.

Мне он уже порядком надоел. Но уж если его выбрала Анжелина своим ставленником, значит лучшего нельзя было найти. Но вряд ли такой самодовольный тупица обладал достаточным воображением, чтобы по достоинству оценить все замыслы Анжелины. Хотя, думаю, ей нужны были его деньги и титул. Снова мне стало интересно, где же сама Анжелина?

Что-то загрохотало в дверях, и я подпрыгнул от неожиданности. Но это был всего лишь робот, так гремевший и скрипевший, что я удивился, как он вообще функционирует. Граф приказал монстру отправиться к стойке бара, и, когда робот повернулся, я увидел, что у него из плеча торчит труба. В воздухе чувствовался запах дыма.

– Он что... работает на угле? – удивился я.

– Именно, – ответил граф, наполняя бокалы. – Прекрасный пример, до чего довело нашу экономику правление Виллельма Безмозглого. В столице, разумеется, таких роботов не встретишь!

– Надеюсь, – сказал я, тараща глаза на клубы дыма, извергаемые механизмом. Весь корпус робота был покрыт пятнами ржавчины и угольной пыли. – Конечно, я долго отсутствовал... Все меняется...

– Не так быстро! И перестаньте тут строить из себя галак-

тического аристократа, Дибстол. Я был в Мистельдроссе и видел, как живут в вашем захолустье. У вас вообще нет роботов, даже таких. – Граф злобно пнул робота, и тот зашатался. Чтобы не упасть, он открыл свои клапаны и направил поток пара в ножные поршни. – Скоро уже двести лет, как Лига выкачивает с планеты все богатства, а нас держит на привязи, – и ради чего? Чтобы король Фрейбурбада купался в роскоши. А сюда они присылают только системы управления и мозги роботов. Остальное приходится делать самим – вот и получаются такие уродливые монстры. Станные у них понятия о прогрессе!

Он осушил свой бокал. Я не стал объяснять ему основы галактической торговли, престижа различных планет и множественных уровней межкоммуникаций. Эта затерянная планета тысячу лет развивалась вне галактической культуры, пока с ней не установили контакт после периода Распада. Приходилось медленно приобщать их к культуре, чтобы никакие катаклизмы не нарушили естественный процесс. Разумеется, сюда могли хоть завтра завезти миллиард роботов. Но улучшило бы это экономику? Уж лучше снабжать их основными блоками, из которых они сами могли собирать роботов. А если им не нравится конечный результат, пусть, вместо того чтобы жаловаться, улучшают дизайн.

Граф, конечно, думал по-другому. Анжелина тонко сыграла на его предрассудках и личных амбициях. Все еще глядя на робота, граф наклонился и постучал пальцем по шкале

прибора, установленного на боку этого ходячего механизма.

— Это же надо! — закричал он. — Давление упало до восьмидесяти фунтов! Сейчас он рухнет на пол и подожжет весь дом! Заправься, идиот, быстро!

Какие-то реле щелкнули в корпусе робота. Он нагнулся и поставил поднос с бокалами на стол. Сделав большой глоток, я с наслаждением наблюдал за происходящим. Еле передвигая ноги, робот подошел к камину. Он открыл дверцу у себя на животе, и оттуда вырвалось пламя. Поддев угольным совком приличную порцию антрацита, робот забросил ее себе в топку и закрыл дверцу на животе. Из его трубы повалил густой черный дым. По крайней мере, у робота хватило соображения не вытряхивать золу прямо здесь.

— Пошел вон, болван! — заорал граф, заходясь от кашля.

Дышать в таком дыму было невозможно. Я снова наполнил свой бокал. Граф Рденрандт начинал мне понемногу нравиться.

Он бы мне нравился гораздо больше, если бы я обнаружил здесь Анжелину. Все здесь явно указывало на ее присутствие, но самой ее видно не было. Меня провели в соседний зал, где я познакомился с некоторыми офицерами из гвардии графа. Один из них, Курт, молодой, но бедный дворянин, показал мне окрестности. Место представляло собой поместь феодального замка и маленького городка, отделенного от главного города высокой крепостной стеной. Тут не наблюдалось никакой военной активности; правда, несколь-

ко солдат лениво стреляли по мишеням. Все это выглядело слишком мирно. Но все же меня привезли с какой-то целью. Не случайно же я сюда попал. Я принялся осторожно расспрашивать Курта, и он откровенно отвечал на мои вопросы. Как и большинство провинциальных дворян, он недолюбливал центральную власть, но полностью зависел от нее. Его завербовали, и он поддерживал затею графа, хотя смутно понимал, к чему это все приведет. Сомневаюсь, что ему пришлось убивать на своем веку. Хотя он с готовностью отвечал на все мои вопросы, один раз я все же уличил его во лжи.

Мы поприветствовали проходящих мимо женщин, и Курт сказал, что это жены офицеров.

– А вы тоже женаты? – поинтересовался я.

– Нет. Все времени не хватало. А сейчас не до этого. Когда все закончится и жизнь войдет в нормальное русло, тогда и о семье можно будет подумать.

– Отличная мысль, – согласился я. – А что граф? Он женат? Когда надолго уезжаешь, всегда забываешь такие вещи, как жены, дети и тому подобное.

Услышав мой вопрос, Курт слегка вздрогнул:

– В принципе, да. В смысле, граф был женат, но с женой произошел несчастный случай, и теперь он уже не женат... – Он запнулся и быстро перевел разговор на другую тему.

Где бы ни появлялась Анжелина, там всегда присутствовала пара-тройка трупов. Нетрудно догадаться, что именно она стояла за «случайной» смертью жены графа. Если бы

смерть произошла по естественной причине, Курт не стал бы уходить от разговора. Он больше не говорил на эту тему, а я не допытывался. Я напал на след. Хотя самой Анжелины я не видел, здесь все говорило о ее присутствии. Теперь это дело времени. Надо побыстрее отвязаться от Курта и отправиться на поиски головорезов, которые вытащили меня из тюрьмы. Я угощу их выпивкой, покажу, что не в обиде за их тумаки. А затем выпытаю у них все о человеке, который руководил ночной операцией.

Но Анжелина сама сделала первый шаг. С грохотом и шипением один из угольных роботов принес мне записку. Меня хотел видеть граф. Я пригладил волосы, одернул рубашку и направился к нему в кабинет.

Я приятно удивился, что в такое раннее время граф уже пьян. К тому же в его сигарете был не только табак – в комнате витал приторный запах наркотиков. Все это означало, что граф собирается рано проститься с этим миром, но скорбных мыслей по этому поводу у меня не возникало. Вряд ли он догадался о моих чувствах, потому что я вытянулся по стойке смирно, преданно выпучив глаза.

– Пришло время действовать, сэр? Вы поэтому послали за мной? – спросил я.

– Садись, садись, – пробормотал он, указывая мне на стул. – Не торопись. Хочешь закурить? – Он подвинул ко мне коробку, и я с отвращением посмотрел на тонкие коричневые сигареты.

– Благодарю вас, сэр. Но я на время бросил эту привычку. Чтобы разить врага, нужен глазомер и твердый палец на спусковом крючке.

Мысли графа витали где-то далеко, и вряд ли до него дошли мои слова. Оглядывая меня с ног до головы, он задумчиво жевал губами. Наконец в его затуманенном мозгу возникло какое-то решение.

– Что ты знаешь о семье Радебрехен? – ошарашил он меня внезапным вопросом.

– Абсолютно ничего, – искренне ответил я. – А что?

– Пойдем со мной. – Вставая с кресла, он чуть не свалился.

Пройдя через многочисленные комнаты замка, мы остановились у двери, похожей на все остальные. Правда, перед этой дверью стоял здоровенный верзила, небрежно скрестив руки на груди. В правой руке он держал пистолет.

– Все в порядке, – почему-то недовольным тоном сказал граф. – Он со мной.

– Я должен его обыскать, – ответил охранник. – Таков приказ.

Интересная штука. Кто командует графом в его собственном замке? Чего тут непонятного? Кроме того, я узнал голос охранника – это был один из тех, кто вытащил меня из тюрьмы. Ловко обыскав меня, охранник отступил в сторону. Граф открыл дверь, и я пошел за ним, стараясь не наступать ему на пятки.

Насколько все-таки практика отличается от теории. Хотя я и ожидал увидеть здесь Анжелину, меня как током ударило. У меня даже волосы зашевелились на голове. Я так долго ждал этого момента. Большим усилием воли я напустил на себя безразличный вид. Хотя не совсем уж безразличный – ведь перед молодым здоровым парнем сидела такая красота.

Конечно, эта девушка лишь отдаленно напоминала Анжелину. Но, вне всякого сомнения, это была она. Она изменила черты лица и прическу. Но новое лицо было таким же ангельским, как и прежнее. Фигура осталась такой же, хотя и в нее Анжелина внесла некоторые изменения. В отличие от меня, она довольствовалась лишь поверхностным перевоплощением.

– Это граф Дибстол, – представил меня Рденрандт, похотливо уставившись на нее своими затуманенными глазенками. – Тот, с которым вы хотели встретиться, Энжела.

Итак, она оставалась ангельским созданием, только под другим именем. Плохая привычка, но я не стал ей об этом говорить. Я знал немало людей, которые попались на том, что их новое имя слишком было похоже на старое.

– Спасибо, Касситор. – (Ничего себе имя – Касситор! Если бы меня звали Касситор Рденрандт, я бы тоже все время ходил с кислым лицом.) – Очень любезно с вашей стороны привести сюда графа Бента, – сказала она тихим и бесцветным голосом.

Касси, очевидно, ожидал более теплого приема и теперь переминался с ноги на ногу, что-то бормоча себе под нос. Но Анжелина – Энжела опустила температуру еще на пару градусов, занявшись перекладыванием бумаг на столе. До графа наконец дошло, что его выпроваживают, и он ушел, продолжая бормотать себе под нос. На сей раз я уловил одно очень короткое и неприличное слово из местного жаргона. Мы остались одни.

– Зачем вы ввали, что служили в Звездной гвардии? – тихо спросила она, продолжая заниматься своими бумагами.

Я снисходительно улыбнулся и сдул пылинку с рукава.

– Ну не мог же я рассказать этим чудесным людям, чем я действительно занимался все это время? – с наигранным простодушием ответил я.

– И чем же вы занимались, Бент? – тем же ровным голосом продолжала она.

– Это уж мое дело, – в тон ей ответил я. – Раз мы играем в вопросы и ответы, мне бы хотелось узнать, кто вы и почему пользуетесь большей властью, чем сам граф Касситор?

Не обратив внимания на мою реплику, Анжелина вернула разговор в прежнее русло:

– Пока здесь команду я, так что отвечайте на мои вопросы. Вряд ли вы поразите меня своими ответами. Вы удивитесь, что я так много о вас знаю.

Нет, любовь моя, я совершенно не удивлюсь. Но надо было немного поартачиться.

– Это ведь вам принадлежит мысль о заговоре. – То было скорее утверждение, чем вопрос.

– Да, – ответила она, положив карты на стол и, вероятно, надеясь на такую же откровенность с моей стороны.

– Ну, если вы хотите знать, – ответил я, – то я занимался контрабандой. Интересное занятие, если знаком с конъюнктурой. Несколько лет я посвятил этому прибыльному бизнесу. Но затем некоторые правительства увидели во мне конкурента. Они считали, что право обманывать народ принадлежит только им. Пришлось мне вернуться в родное захолустье, чтобы немного передохнуть.

Мой ангелочек захотел проверить правдивость моих слов и подверг меня пристрастному допросу, проявив большую компетентность в вопросах контрабанды. Я без труда отвечал на ее вопросы, так как заработал на этом нелегальном деле астрономические суммы. Правда, я не хотел выглядеть слишком опытным жуликом и описал ей карьеру удачливого, но еще неопытного контрабандиста. Я изо всех сил старался войти в роль, чтобы мой рассказ звучал правдиво. Это был ответственный момент, ничего в моей биографии или поведении не должно было напоминать о Скользящем Джиме ди Гризе. Я хотел показаться местным мошенником, рвавшимся на покорение Вселенной.

Обратите внимание – атмосфера, в которой велся разговор, была непринужденной. Выпивка, сигареты. Она хотела, чтобы я расслабился и допустил промашку. Что я и умыш-

ленно сделал пару раз, слишком уж похваляясь своими успехами, чтобы она отнесла это на счет юношеского задора. А затем я и сам задал ей вопрос.

– А какое отношение имеет к вам местное семейство Радебрехен?

– Почему это вас интересует? – холодно спросила она.

– Ваш улыбчивый друг Касситор Рденрандт спрашивал меня о них, прежде чем привести сюда. Я сказал, что ничего не знаю. Они имеют к вам какое-то отношение?

– Они хотят меня убить, – ответила она.

– Убить вас?! Такую красавицу? – Я постарался изобразить на лице обольстительную улыбку. Но она не обратила на нее никакого внимания. – Чем я могу быть вам полезен? – спросил я деловитым тоном, раз моя мужская привлекательность не заинтересовала ее.

– Я хочу, чтобы вы стали моим телохранителем, – сказала она. А когда я улыбнулся и открыл рот, добавила: – Только избавьте меня от пошлых комплиментов по поводу моего тела, которое вы с удовольствием будете охранять. Я достаточно наслушалась подобной чепухи от Касситора.

– Просто я хотел сказать, что принимаю ваше предложение. – Это была ложь, так как именно такая фраза и крутилась у меня на языке. Я напомнил себе, что не должен расслабляться в присутствии Анжелины. – Расскажите мне о людях, которые замышляют убить вас.

– Дело в том, что граф Рденрандт был женат, – поигрывая

бокалом, произнесла Анжелина. – Его жена совершила самоубийство довольно глупым образом, бросив на меня тень. Ее семья – Радебрехены, разумеется, – считает, что это я ее убила, и хочет отомстить мне. В этой глухой провинции Фрейбура еще сохранились традиции вендетты, и эти богатые идиоты слепо придерживаются их.

Теперь мне все стало ясно. Граф Рденрандт – прирожденный приспособленец – решил увеличить свое состояние, женившись на девушке из богатой семьи. Все шло нормально, пока не появилась Анжелина. Жена оказалась лишней, и Анжелина, не зная местных традиций, связанных с вендеттой, убрала со своей дороги препятствие. Что-то сорвалось, или граф где-то ошибся, одним словом, Радебрехены решили отомстить. Теперь мой ангелочек хочет поставить меня между собой и убийцами. Очевидно, ей очень не хочется покидать эту планету. Я решил идти ва-банк.

– Это было самоубийство? – спросил я. – Или вы убили ее?

– Да, я убила ее, – ответила она.

Все карты лежали открытыми на столе. Решение было за мной.

Глава 17

А что еще мне оставалось делать? Я позволил, чтобы в меня стреляли, избивали, кидали в тюрьму не для того, чтобы просто арестовать ее. Разумеется, я арестую ее потом, ведь в замке графа сделать это просто невозможно. К тому же я хотел получше разобраться в мятежной деятельности графа, так как подобного рода вещи находятся в компетенции Специального корпуса. Уж если я собираюсь вернуться в его ряды, мне стоит прихватить с собой парочку трофеев, чтобы доказать свою лояльность.

Впрочем, я не горел желанием вернуться в корпус. Трудно забыть, как они со мной обошлись. Не все так просто. Приходилось учитывать кучу различных факторов. Например, я наслаждался общением с Анжелиной и, находясь рядом с ней, забывал о трупах, плавающих в безднах космоса. Конечно, они являлись по ночам, чтобы терзать мою совесть, но я так уставал за день, что засыпал раньше, чем они успевали сделать свое дело.

Жизнь представлялась мне постелью из роз, и я хотел наслаждаться, пока лепестки еще не завяли. Наблюдать, как Анжелина работает, было истинным удовольствием. Если бы меня прижали к стене и заставили говорить чистую правду, я бы признался, что кое-чему у нее научился. Без всякой помощи она одна организовала заговор на мирной планете, и,

судя по всему, ее ждал успех. Я помогал, чем мог. Несколько раз она обращалась ко мне за советом и всегда следовала моим рекомендациям. Конечно, раньше я никогда не участвовал в мероприятиях по свержению правительств, но преступные законы универсальны, и надо только уметь их правильно применять. Впрочем, такое случалось редко. В течение первых недель бо́льшую часть времени я выполнял обязанности простого телохранителя, защищая свою патронессу от возможных покушений. Ситуация была настолько ироничной, что вызывала у меня улыбку.

Однако в нашем маленьком мятежном раю не обошлось и без змия, имя которому – Рденрандт. Скоро я пришел к выводу, что он никакой не заговорщик. Чем меньше времени оставалось до начала восстания, тем бледнее он становился. Ко всему этому примешивались и его физические пороки. Назревал конфликт.

Леди Анжелина и граф обсуждали свои дела, а я сидел в приемной. Когда выпадала возможность, я всегда бессовестно подслушивал. И на этот раз, проводив Анжелину в комнату, я неплотно прикрыл дверь. Носком ботинка я открыл ее пошире, и до меня донеслись голоса. Они громко спорили, и мне даже не приходилось прислушиваться. Граф кричал, и я понял, что он готов шантажировать Анжелину. Затем его тон изменился, он что-то тихо бормотал, и я не мог уловить ни слова. Похоже, он что-то обещал и бессовестно льстил.

Ответ Анжелины я услышал сразу – громкое и четкое «нет». От его рева я подскочил на месте.

– Ну почему? Всегда только «нет»! С меня достаточно!

Послышался треск рвущейся одежды, и что-то тяжелое с грохотом свалилось на пол. Одним прыжком я влетел в комнату. Секунду я наблюдал за картиной сражения. Одежда Анжелины была разорвана на плече, и костистые пальцы графа вцепились в ее тело. Сжимая в руках пистолет, я кинулся ей на помощь, но Анжелина опередила меня. Схватив со стола бутылку, она ловко ударила графа по голове. Тот упал как подкошенный. Она уже поправляла свою порванную блузку, когда я подбежал к ней.

– Спрячьте пистолет, Бент. Все кончено, – спокойно произнесла она.

Я исполнил ее приказ только после того, как убедился, что граф лежит без движения. Жаль, у меня просто руки чесались врезать ему как следует. Мой ангелочек уложил его одним ударом. Когда я поднялся, Анжелина уже выходила из комнаты, и я бросился за ней. Бросив мне: «Ждите здесь», она скрылась в своей спальне.

Не нужно обладать большой фантазией, чтобы предвидеть грядущие неприятности. Очнувшись, граф наверняка изменит свое мнение об Анжелине и всяких там заговорах. Я размышлял об этом, когда дверь приоткрылась и Анжелина пригласила меня войти.

На ней было длинное платье, скрывающее синяки. Внеш-

не она выглядела спокойно, но в глазах горел неистовый огонь. Я заговорил о том, что, несомненно, волновало ее сейчас:

– Может, отправить графа в семейный склеп к его родовитым предкам?

Она покачала головой:

– Он еще пригодится. Я взяла себя в руки, возьмите и вы себя.

– За меня не беспокойтесь. Но почему вы думаете, что он не откажется от дальнейшего сотрудничества? Ему еще долго придется мучиться от головной боли.

Она отмахнулась, подобные мелочи ее не интересовали.

– Я еще могу на него влиять и заставлять делать то, что хочу. В определенных вопросах, разумеется. Он ограниченный человек. Я не знала об этом, когда выбрала графа на роль руководителя заговора. Боюсь, что надежды, которые я на него возлагала, не оправдаются. И все из-за его трусости. Мы будем использовать его только в качестве прикрытия, но вся власть будет принадлежать нам.

Я не стал спешить с ответом и обдумал ее слова со всех сторон.

– Что значит это слово «мы»? Каким образом я вписываюсь в эту картину?

Откинувшись на спинку кресла, Анжелина убрала со лба золотистый локон. Затем она лучезарно улыбнулась мне.

– Я хочу, чтобы вы участвовали в этом деле, – вкрадчиво

проворковала она. – В качестве партнера. Сначала мы держим впереди графа, а после победы убираем его. Дальше действуем только вдвоем. Согласны?

– Ну... – нерешительно произнес я. – Ну, – снова повторил я, уже усвоив смысл сказанного.

Впервые за всю свою жизнь я почувствовал, что мне не хватает слов. Я принялся мерить комнату шагами, пытаюсь собраться с мыслями.

– Конечно, дареной ракете в дюзы не смотрят, но почему я? Простой, работающий телохранитель, который спит и видит, как бы вернуть обратно свои поместья и титул. И такой скачок – от посыльного до президента. С чего бы это все?

– Зачем спрашивать, когда тебе и так все известно? – сказал она и улыбнулась так, что температура в комнате поднялась градусов на десять. – Ты в этом деле разбираешься не хуже меня, к тому же тебе это нравится. Вдвоем мы организуем такой переворот, какого еще не знали во всей Галактике. Ну как?

Пока она говорила, я расхаживал взад-вперед. Затем она встала и взяла меня за руку, прекратив мое бесполезное передвижение по комнате. Меня обожгло от этого прикосновения. Улыбнувшись, она приблизила ко мне свое лицо и произнесла так тихо, что я едва расслышал:

– Это будет прекрасно... Ты и я... вместе.

Еще бы! Случаются моменты, когда слова не нужны, и тогда говорит ваше тело. Сейчас был именно такой момент.

Мои руки сами обняли Анжелину и прижали к моему телу, а наши губы встретились.

На какое-то мгновение она крепко обняла меня и ее губы ожили. Но это закончилось так быстро, что я даже засомневался – было ли все это на самом деле или нет? Теплота куда-то исчезла, и чары пропали.

Она не сопротивлялась и не вырывалась из моих объятий, но ее губы вдруг стали безжизненными, а глаза пустыми. Так она и стояла, пока мои руки сами собой не опустились. Я отошел в сторону, а она села в кресло.

– Что-нибудь не так? – не своим голосом спросил я.

– Всем вам подавай смазливое личико... – По ее щекам катились слезы. Никогда она еще не высказывала своих искренних чувств. – Неужели все мужчины одинаковы?

– Неправда! – воскликнул я, непонятно почему разозлившись. – Ты сама хотела поцеловать меня... Не отрицай этого! Что с тобой произошло?

– А ее бы ты поцеловал? – крикнула Анжелина, охваченная чувствами, которых я не в силах был понять.

Сдернув с шеи цепочку, она швырнула ее мне. На ней висел маленький медальон, еще хранивший теплоту ее тела. Я лишь мельком успел взглянуть на фотографию внутри медальона, как Анжелина, передумав, вырвала цепочку у меня из рук. Вытолкав меня из комнаты, она захлопнула дверь и загрохотала засовами.

Охранник удивленно поднял брови, но я не обратил на

него внимания и отправился к себе. На какую-то долю секунды мои эмоции заглушили голос разума, и то же самое, очевидно, случилось с Анжелиной. Но что означала ее внезапная холодность? И что это за фотография? Зачем она носит ее с собой?

И хотя я лишь мельком взглянул на нее, этого было вполне достаточно. На фотографии была изображена молодая девушка, возможно ее сестра. Бедняжка, один из ужасных примеров того, что в природе возможны любые комбинации. Она была безобразно уродлива, другого слова и не подобрать. Дело не в горбатой спине, кривой челюсти или огромном носе. Все черты составляли единое отталкивающее целое. Мне она не понравилась. Но при чем тут...

И тут меня словно обухом по голове ударило. Какой же я был дурак! Анжелина на мгновение позволила мне заглянуть в свое темное прошлое.

Конечно, девушка на фотографии и была Анжелина.

Теперь все стало на свои места. Много раз, глядя на нее, я поражался, как за такой ангельской внешностью может скрываться такой извращенный ум. Теперь я понимал, что первоначально этот ум находился в совершенно другой оболочке. И мужчины страдают от уродства. Что уж говорить про женщин. Как жить на свете, если каждое зеркало – враг, а люди при встрече спешат отвернуться? А как быть, если к тому же природа наградила пронизательным внутренним «я», которое все видит, все сознает, делает соответствующие выводы,

замечая даже малейшие признаки отвращения?

Другая девушка могла и покончить с собой, но только не Анжелина. Я мог лишь предполагать, какой путь выбрала она. Ненавидя себя и презирая весь мир с населяющими его людьми, она без малейших угрызений совести шла на любое преступление, чтобы добыть деньги. Деньги на операцию, чтобы исправить хотя бы один физический недостаток. Потом ей понадобились деньги для последующих операций. Возможно, кто-то стал на ее пути, и она не задумываясь убила его, может быть даже получив от этого удовольствие. Медленный путь через преступления и убийства к красоте. И за время этого пути мозг, родившийся в уродливом теле, пертерпевал кошмарные изменения.

Бедная Анжелина. Я мог бы пожалеть ее, если бы забыл о трупах, которыми она усеяла весь свой путь. Какая трагическая судьба у этой бедной одинокой девушки: выигрывая одно сражение, она проигрывала другое. Деньги, которые она платила за операции, помогли придать ее телу превосходные, даже ангельские формы. Но мозг во время этого процесса деформировался и скоро стал таким же уродливым, как раньше тело.

Но если можно изменить тело, почему нельзя изменить мозг? Может быть, я смогу что-нибудь для нее сделать?

Размаху моих мыслей мешали тесные стены комнаты, и я вышел на свежий воздух. Близилась полночь, все ворота и двери были закрыты, а внизу, наверное, уже выставили охра-

ну. Не желая давать ненужные объяснения или пользоваться отмычкой, я поднялся наверх. В этот час сады, разбитые на крыше, пустынные, и я смогу побыть там в одиночестве.

На Фрейбуре нет луны, но ночь стояла ясная, а звезды освещали все вокруг. Охранник на крыше отдал мне честь, и я заметил, как в его руке мелькнул огонек сигареты. Надо бы сделать ему замечание, но голова у меня была занята другими мыслями. Завернув за угол, я облокотился на парапет и невидящим взглядом уставился на темные вершины гор.

Но что-то беспокоило меня, и через минуту меня осенило. Охранник! Он курил, хотя на посту это запрещено. Есть у меня такой недостаток, как излишняя придирчивость. Во всяком случае, меня это раздражало, и я хотел вернуться, чтобы сказать ему пару ласковых слов.

Однако на прежнем месте я его не нашел. Что ж, должно быть, он ходит по маршруту и не теряет бдительности. Я уже хотел возвратиться, как вдруг заметил сломанные цветы, свисавшие с края крыши. Я глазам не мог поверить, ведь граф так заботился о своем саде, обходя его каждый день. А когда я увидел среди цветов темное пятно, у меня появилось нехорошее предчувствие.

Это был часовой – мертвый или без сознания. Я не стал это выяснять. Только с одной целью здесь мог появиться кто-нибудь чужой. Чтобы убить Анжелину. Ее комната располагалась на самом последнем этаже, прямо подо мной. Бесшумно подбежав к краю крыши, я перегнулся через парапет.

Пятью метрами ниже белела площадка ее балкона, на котором притаилась какая-то черная бесформенная фигура.

Мой пистолет остался в комнате. Это был один из тех немногих моментов, когда меня застали врасплох. Моя забывчивость могла стоить Анжелине жизни.

Все эти мысли пронеслись в голове за те секунды, пока я ощупывал парапет. Пальцы наткнулись на блестящий шарик, из которого тянулась невидимая нить, тонкая, но прочная, как канат. Убийца спустился при помощи небольшого приспособления, выпускающего из себя нить на манер паука. Нить представляла собой мономолекулярную субстанцию, способную выдержать вес человека. Я не мог спуститься по ней, иначе мне как бритвой разрежет руки.

Оставался только один способ попасть на крохотный балкон, висевший над двухкилометровой пропастью. Решение еще не сформировалось в моей голове, когда я залез на парапет. На мгновение я остановился, пытаюсь удержать равновесие. Окно подо мной бесшумно распахнулось, и я прыгнул вниз, стараясь попасть в убийцу.

В полете меня развернуло, и, вместо того чтобы прыгнуть на него, я лишь задел его по плечу. Мы оба растянулись на балконе. От удара балкон дрогнул, но древние каменные опоры выдержали. Падение слегка оглушило меня, но я надеялся, что его плечу досталось не меньше, чем моим ногам. Некоторое время я не мог пошевелиться и только хватал ртом воздух. Падая, я выбил у него из рук длинный тонкий

кинжал. Убийца потянулся за ним. Он схватил его, и я бросился в бой. Зарывав, он нанес мне удар, разорвав ткань на рукаве. Не успел он опомниться, как я схватил его за руку и одним движением вывернул ее.

Мы боролись молча, как в каком-то кошмарном сне. Мы оба еще не пришли в себя, но дрались отчаянно, не на жизнь, а на смерть. Из-за ушиба ноги я не мог подняться, и он всем телом навалился на меня. Я изо всех сил пытался удержать его руку со смертоносным кинжалом. В тишине было слышно только наше хриплое дыхание.

Убийца стал брать верх. Лезвие ножа опускалось все ниже и ниже. Хотя пот заливал мне глаза, я заметил, что его вторая рука безжизненно висит. При падении я сломал ему кость, а он даже не издал ни звука.

Когда на кон поставлена жизнь, ни о какой честной борьбе не может быть и речи. Изловчившись, я высвободил ногу и ударил коленом по его сломанной руке. Он содрогнулся. Я ударил еще раз, сильнее. Он изогнулся, и я дернулся в сторону, чтобы он потерял равновесие. Чтобы не упасть, он согнул руку в локте, и я изо всех сил повернул его кисть в обратную сторону.

Моя затея почти удалась, но он был сильнее меня, и лезвие лишь поцарапало ему грудь. Когда я попытался повторить свой прием, он вдруг дернулся и затих.

Сначала я подумал, что он просто хитрит, но это было не так. Когда он упал на бок, я почувствовал, как в спазме у него

затвердели все мышцы. Я разжал хватку, только когда за моей спиной в окне зажегся свет. Только теперь я увидел ужасное желтое пятно на лезвии кинжала. Мгновенно действующий паралитический яд. Там, где лезвие задело рукав моей рубашки, тоже виднелась желтая полоска. Я знал, что этот яд смертелен, когда просто касается незащищенного участка кожи.

Осторожно, пытаясь сдержать дрожь в руках, я медленно снял рубашку. И только бросив ее на труп, позволил себе упасть навзничь и отдышаться.

Нога уже действовала, хотя и ужасно болела. Но раз она выдерживала мой вес, перелома не было. Повернувшись, я заковылял к окну и распахнул его. В ночном свете стал ясно видеть лежащий позади меня труп. Анжелина спокойно сидела в постели, положив руки на одеяло. Только по глазам было видно, что она поняла, в чем дело.

– Он мертв, – прохрипел я и сплюнул. – От собственного яда.

Я принялся ходить по комнате, проверяя, как действует моя нога.

– Я спала и не слышала, как он открыл окно, – сказала она. – Спасибо.

Актриса, лгунья, мошенница, убийца. Она могла сыграть сотни ролей, придать любой оттенок своему голосу. Но последнее слово она произнесла искренне. Попытка убийства произошла почти сразу же после сцены с медальоном. Ее за-

щита ослабла, и она дала волю настоящим чувствам.

Волосы рассыпались у нее по плечам, скрывая бретельки ее полупрозрачной ночной рубашки. От этого я совершенно потерял голову. Став на колени перед кроватью, я обнял Анжелину за плечи и заглянул в глаза, пытаясь найти ответы на все вопросы. Разорванная цепочка с медальоном лежала рядом на тумбочке. Я взял его.

– Неужели ты не понимаешь, что эта девушка осталась только в твоей памяти? – сказал я. Анжелина не шелохнулась. – Все прошло. Ты была ребенком, а теперь стала женщиной. Той девушки давно не существует!

Размахнувшись, я швырнул медальон в окно.

– Ты не похожа на эту девушку из прошлого, Анжелина! – почти закричал я. – Ты – это ты, и больше никто!

Я поцеловал ее, на этот раз она меня не отталкивала. Я нуждался в ней, а она – во мне.

Глава 18

Уже светало, когда я перенес тело убийцы в графские покои. Меня лишили удовольствия разбудить его – это уже сделал начальник охраны, обнаруживший убитого часового на крыше. Смерть наступила от удара отравленным кинжалом. Охранники вместе с графом столпились возле погибшего, высказывая свои догадки о причине его смерти. Они заметили меня, лишь когда я бросил тело убийцы рядом с убитым часовым. От неожиданности они вздрогнули.

– А вот и убийца, – не без гордости сообщил я.

Граф Касситор, судя по всему, узнал этого головореза, так как задрожал всем телом и выпучил глаза. Очевидно, это был какой-то родственник по линии жены – шурин, там, или кто еще. Думаю, он никогда не верил, что семейство Радебрехен исполнит свою угрозу мести.

Но нервозность начальника караула навела меня на мысль, что я ошибся. Он переводил взгляд с трупа на графа и обратно. Мне стало интересно, какие мысли роятся в его тупой башке. Дело было явно нечисто, и я задумал выяснить, в чем загвоздка. Я решил при первой же возможности по-приятельски поболтать с начальником караула. Пожевав губами и похрустев пальцами, граф приказал убрать трупы.

– А вы, Бент, оставайтесь, – сказал он, когда я собрался уйти вместе с остальными.

Я уселся в кресло и стал ждать, пока он закроет дверь на ключ. Затем он направился к бару и выпил залпом полный стакан местного пойла. Наливая себе второй, он вспомнил обо мне и предложил отведать этой отравы. Разумеется, я не стал отказываться. Потягивая отвратительную жидкость, я размышлял, чем же так обеспокоен граф.

Проверив, все ли двери закрыты, граф захлопнул единственное окошко. Открыв специальным ключом нижний ящик своего стола, он вытащил оттуда небольшой электронный прибор с кучей индикаторов и телескопической антенной.

– Ничего себе! – заметил я, когда он выдвинул антенну.

В ответ он лишь исподлобья взглянул на меня и стал настраивать прибор. Лишь когда на индикаторе загорелась зеленая лампочка, он заговорил.

– Знаете, что это такое? – спросил он, указывая на прибор.

– Конечно, – ответил я. – Правда, на Фрейбуре таких не видел. И не думал, что они здесь есть.

– А их тут и нет, – пробормотал он, добиваясь максимальной яркости зеленой лампочки. – Это единственный прибор на всей планете, и я хочу, чтобы вы никому о нем не рассказывали. Никому, – повторил он.

– Меня такие вещи вообще не интересуют, – равнодушно ответил я. – Думаю, что у каждого человека есть право на свои тайны.

Я сам любил тайны и пользовался такими определителя-

ми подслушивания не один раз. Они сразу же засекали любые электронные подслушивающие устройства и сообщали об этом условным сигналом. Можно, разумеется, обмануть такой определитель, но это нелегко. Пока никто не знал, что у графа имеется такой приборчик, он мог быть уверен, что его никто не подслушивает. Но кто мог его подслушивать? Граф находился в центре замка и прекрасно знал, что «жучки» работают только на близком расстоянии. Я смекнул, что дело здесь нечисто, и уже догадывался, кого опасается граф.

– Вы неглупый человек, граф Дибстол, – сказал он, имея в виду, что я значительно глупее его. – Вы много путешествовали, бывали на других планетах. Конечно, вы видите, в каком отсталом и угнетенном мире мы живем. Поэтому вы и согласились помочь мне сбросить это ярмо с шеи нашей планеты. Ради победы не страшны никакие жертвы.

От напряжения он даже вспотел и вернулся к своей ужасной привычке хрустеть пальцами. Там, куда Анжелина заехала ему бутылкой, голова была заклеена пластырем. Я надеялся, что она у него раскалывается от боли.

– Эта чужестранка, которую вы охраняете... – Повернувшись в сторону, граф продолжал наблюдать за мной краешком глаза. – Она, конечно, оказала нам значительную помощь, но сейчас ставит нас в затруднительное положение. Один раз на нее уже покушались, будут и другие попытки. Радебрехены – древнее и уважаемое семейство. Присутствие здесь этой женщины оскорбляет их самолюбие. – Отхлебнув

из бокала, он выложил главный козырь. – Думаю, что вы сможете выполнить ее работу. Не хуже ее, а может быть, и лучше. Что скажете?

Очевидно, я просто блистал талантами или же на этой планете не хватало заговорщиков. За последние двенадцать часов мне уже второй раз предлагали сотрудничество в установлении нового порядка. Я твердо знал, что Анжелина предлагала мне это искренне, а вот от предложения Касси Рденрандта довольно дурно пахло. Я решил подыграть, чтобы выяснить окончательные намерения графа.

– Почту за честь, великий граф, – рассыпался я в благодарностях. – Но что делать с чужестранкой? Не думаю, что она будет в восторге от вашего решения.

– Мне все равно, что она там себе думает, – проворчал он, дотрагиваясь пальцами до ушибленной головы. Справившись со своими чувствами, он продолжал, лицемерно ухмыляясь: – Мы не будем с ней суровы. Посадим ее в тюрьму. У нее есть несколько преданных охранников, но мои люди справятся с ними. А вы арестуете ее в нужное время. Просто передадите ее тюремщикам. С одной стороны, там она будет в безопасности, а с другой – не будет мозолить глаза и навлекать на нас неприятности.

– Прекрасный план, – как можно искреннее произнес я. – Жаль, конечно, сажать в тюрьму эту бедную женщину, но раз этого требуют интересы дела... Цель оправдывает средства.

– Вы правы. Мне бы тоже хотелось так четко формулиро-

вать свои мысли. У вас поразительные способности говорить цветистыми фразами. Давайте-ка я запишу ее. Значит, цель оправдывает...

Он принялся старательно царапать пером по бумаге. Вот так знал историю человек, стремившийся осуществить заговор! Я пытался припомнить еще парочку подходящих афоризмов, но меня вдруг охватила внезапная ярость. Я вскочил с кресла.

– Нам нельзя терять время, граф, – сказал я. – Арестуем ее сегодня в шесть часов вечера. У вас будет достаточно времени, чтобы обезвредить ее охрану. Я буду с ней и, как только получу от вас сигнал, тут же арестую ее.

– Молодец. Вы, как всегда, человек действия, Бент. Я согласен с вашим планом.

Мы пожали друг другу руки, и я напряг всю свою волю, чтобы не раздавить его вялую влажную ладонь. Затем я немедленно отправился к Анжелине.

– Нас здесь не подслушивают? – спросил я.

– Нет, комната экранирована.

– У твоего бывшего приятеля графа Касси имеется определитель подслушивания. Так что он вполне мог установить «жучки» в твоей комнате.

Это не произвело на Анжелину никакого впечатления. Сидя перед зеркалом, она расчесывала волосы. В другое время я бы залюбовался подобной картиной, но сейчас было не до того.

– Я знаю об этом, – спокойно ответила она, продолжая причесываться. – Это я сделала так, чтобы он попал ему в руки. Но граф, разумеется, об этом не догадывается. Не знает он и того, что на определенных частотах детектор не работает. Я внимательно слежу за его действиями.

– Значит, ты слышала, как он предложил мне перебить твою охрану, а тебя заточить в каземат?

– Нет, не слышала, – с присущими ей спокойствием и самообладанием сказала Анжелина. Она улыбнулась мне в зеркале. – Я вспоминала о том, что произошло между нами этой ночью.

Ох уж эти женщины! Все у них вперемешку. Может, им это помогает, но для тех из нас, кто считает, что логика и чувства – разные вещи, это неприемлемо. Я постарался убедить ее в серьезности положения.

– Ладно, если такие мелочи тебя не интересуют, – безразличным тоном сказал я, – возможно, тебя удивит кое-что другое. Убийцу подослали не Радебрехены. Это дело рук графа.

Наконец-то Анжелина перестала причесываться, и ее глаза расширились. Она не стала задавать глупых вопросов, а ждала, что я скажу дальше.

– Думаю, ты до конца не понимаешь, как отчаянно ненавижу тебя граф. Когда ты огрела его бутылкой, его терпение лопнуло. Это было последней каплей. Начальник охраны опознал в убийце одного из людей графа. Теперь понят-

но, как ему удалось пробраться на крышу и узнать, где твоя комната. Покушение произошло сразу же после твоей ссоры с этим сварливым Касситором.

Пока я говорил, Анжелина снова принялась расчесывать свои кудряшки. Ее безразличие уже начинало действовать мне на нервы.

– Ну? Что ты на все это скажешь? – раздражаясь, спросил я. – Что ты собираешься делать?

– А не кажется ли тебе, что меня больше интересует, что собираешься делать ты?

За этим внешне спокойным вопросом стояло очень многое. Заметив, что она наблюдает за мной в зеркало, я отошел к окну и стал смотреть на злополучный балкон и покрытые снегом вершины. Что я собираюсь делать? Да, ну и вопросик она мне подкинула.

Что я вообще собирался делать? Со всех сторон на меня сыпались предложения занять ведущую роль в заговоре, к которому я не имел ни малейшего отношения. Или имел? Зачем я вообще здесь? Чтобы арестовать Анжелину и передать ее Специальному корпусу? Похоже, я давно об этом забыл. Надо срочно принимать решение. Моя маскировка пока действовала, но надолго ли ее хватит? Не будь Анжелина уверена в моей смерти, она бы давно уже меня раскусила. Ведь я-то легко узнал ее, несмотря на пластическую операцию.

И тут меня словно обухом ударило. Существует такой тер-

мин, как «избирательная забывчивость», когда мы стараемся выбросить из головы неприятные воспоминания. Не могла же моя маскировка держаться так долго. И тут я вспомнил слова, которые произнес прошлой ночью.

«Ты не похожа на ту девушку, Анжелина, – шептал я. – Все это осталось в прошлом... Анжелина».

Она не поправила меня.

Только ее уже звали не Анжелина. Здесь ее знали как Эн-желу. Когда я к ней повернулся, то выглядел довольно растерянным. Она ничего не сказала, а лишь загадочно улыбнулась. Правда, расчесываться перестала.

– Ты знала, что я не граф Бент Дибстол, – с трудом выдавил из себя я. – Когда ты догадалась?

– Давно. Как только ты здесь появился.

– Ты знаешь, кто я?..

– Если ты имеешь в виду настоящее имя, то нет. Но я помню, как ты меня разозлил, сорвав всю мою затею с крейсером. И помню, с каким удовольствием я застрелила тебя во Фрейбурбаде. Так как же тебя зовут?

– Джим, – ответил я, не в силах отвести от нее взгляд. – Джеймс ди Гриз, по прозвищу Скользящий Джим.

– Замечательно. А мое настоящее имя – Анжела. Это отец мой так пошутил, поэтому я обрадовалась, увидев его в гробу.

– Почему ты не убила меня? – спросил я, догадываясь, кто приложил руку к смерти ее отца.

– Зачем, дорогой? – искренне спросила она. – В прошлом мы оба допускали ошибки. Понадобилось столько времени, чтобы понять, что мы с тобой – одного поля ягоды. Я ведь тоже могу спросить, почему ты меня не арестовал? Все ведь началось именно с этого?

– Да... но...

– Что «но»? Именно эта мысль привела тебя сюда, но ты не выдержал борьбы с самим собой. Поэтому я притворилась, что не узнала тебя. Ты повзрослел и выкинул из головы всякие мысли о полиции. Я не знала, чем все закончится, но надеялась на лучшее. Я не хотела тебя убивать даже в случае необходимости. С самого начала я знала, что ты меня любишь. Это отличалось от звериной похоти безмозглых мужланов, которые тоже клялись мне в любви. Им нравилась лишь оболочка – мое тело, а ты любишь меня всю, потому что мы с тобой одинаковы.

– Мы не одинаковы, – попытался возразить я, но она лишь улыбнулась. – Ты убиваешь... И тебе это нравится – в этом наше основное различие. Неужели ты не понимаешь?

– Чепуха! – возразила она, отменяя эту мысль легким движением руки. – Вчера ты тоже убил человека – отличная работа, – но никакого раскаяния я не вижу. По-моему, тебе даже понравилось.

Не знаю почему, но я чувствовал, как петля затягивается на моей шее. Все, что она говорила, было неправильно, но что конкретно – я затруднялся сказать. Как найти выход?

Какое принять решение?

– Давай улетим с Фрейбура, – наконец предложил я. – Забудем этот глупый заговор. Ведь погибнут люди, прольется кровь...

– Мы улетим, если найдем подходящее местечко, – сказала Анжелина, и в ее голосе зазвучала сталь. – Но это не главное. Прежде чем наслаждаться счастьем, в твоей голове надо кое-что подправить. Слишком много внимания ты уделяешь смерти. Неужели ты не понимаешь, как это глупо? Через двести лет ты, я и все живущие сегодня в Галактике отправимся в мир иной. Что изменится, если помочь некоторым отправиться туда чуть пораньше? При первой же возможности они сделают с тобой то же самое.

– Ошибаешься, – возразил я, понимая, что философия жизни и смерти намного сложнее.

Но в этот момент я никак не мог сформулировать свои мысли. Анжелина действовала на меня как сильный наркотик, парализуя волю и освобождая чувства. Я прижал ее к себе и стал целовать, зная, что это решит многие вопросы, но затруднит принятие основного решения.

Раздался пронзительный зуммер. Анжелина тоже услышала его. Я нехотя расслабил объятия. Плюхнувшись в кресло, я отсутствующим взглядом смотрел, как она подошла к видеофону. Отключив изображение, она подняла трубку. Я не слышал, о чем говорил ее собеседник, так как Анжелина отключила динамик. Сказав пару раз «да», она вдруг броси-

ла на меня взгляд. Я понятия не имел, с кем она говорила, – впрочем, меня это совершенно не интересовало.

Хватало других проблем.

Повесив трубку, она еще какое-то время молча стояла рядом с видеофоном. Я ждал, что она заговорит, но она молча подошла к комоду и выдвинула ящик. Там было полно всяких вещей, но она достала то, что я меньше всего ожидал увидеть.

Пистолет. Его широкое дуло смотрело на меня.

– Зачем ты это сделал, Джим? – спросила она, и в глазах у нее заблестели слезы. – Зачем ты это сделал?

Вряд ли она слышала бы мой невнятный ответ. Ее мысли витали совершенно в другом месте, хотя дуло пистолета продолжало смотреть мне прямо в лоб. Затем, стряхнув опеченение, она вытерла глаза.

– Впрочем, ты ничего не сделал, – твердым голосом сказала она. – Я сама виновата. Поверила, что ты не такой, как все остальные. Ты преподавал мне хороший урок. В благодарность за это я убью тебя сразу, а не заставлю мучиться, как мне бы этого хотелось.

– Что это все значит, черт побери! – закричал я, ничего не понимая.

– Хватит изображать из себя невинность, – сказала она, доставая из-под кровати маленький тяжелый чемоданчик. – Это звонили с радарного поста. Я сама установила там нужную аппаратуру и подкупила операторов, чтобы они сра-

зу подали мне сигнал. Как ты знаешь, здесь приземлилось несколько космических кораблей, и замок оцеплен. Твоя задача заключалась в том, чтобы отвлекать меня до последнего. Тебе это почти удалось.

Перебросив через руку плащ, она попятилась к стене.

– Если я поклянусь тебе, что не имею к этому никакого отношения, согласишься ли ты моему честному слову? Я ничего об этом не знал.

– Прямо вылитый космический бойскаут, – насмешливо сказала Анжелина. – Почему бы тебе не признаться во всем, все равно через двадцать минут ты умрешь.

– Я сказал тебе правду, – ответил я, прикидывая, смогу ли я вырвать у нее пистолет. Это было невозможно.

– Прощай, ди Гриз. Приятно было с тобой познакомиться. Напоследок хочу тебя обрадовать. Все твои старания были напрасными. За мной – дверь, ведущая в потайной ход, о котором никто не знает. Пока сюда доберется полиция, я буду уже далеко. И знай – я буду убивать, убивать и убивать. Никто меня не сможет остановить.

Продолжая целиться мне между глаз, Анжелина нажала на потайную кнопку в стене. Панель отодвинулась, открыв черный проем.

– Не надо устраивать сцен, Джим, – с усмешкой сказала она, глядя на меня через прорезь прицела. Палец на спусковом крючке напрягся. – Не ожидала от тебя таких детских уловок – смотреть через мое плечо удивленно раскрытыми

глазами, будто у меня за спиной кто-то стоит. Я все равно не повернусь. Живым тебе не уйти.

– Замечательные последние слова, – произнес я, прыгая в сторону.

Раздался звук выстрела, и пуля ударила в потолок. Стоявший за ее спиной Инскипп вывернул ей руку и забрал оружие. Анжелина с ужасом смотрела на меня, не оказывая никакого сопротивления. На ее запястьях защелкнулись наручники, а она все еще не могла пошевелиться. Я ринулся вперед, выкрикивая ее имя.

Появившиеся два здоровяка в патрульной форме увели с собой Анжелину. Инскипп быстро запер за ними дверь. Я остановился перед ней, не в силах бороться, как Анжелина минуту назад.

Глава 19

– Выпей, – предложил Инскипп, опускаясь в кресло Анжелины и доставая из кармана плоскую фляжку. – Эрзац земного бренди, гораздо лучше местного растворителя пластмассы. – Он протянул мне стаканчик.

– Чтоб ты сдох!... – И я добавил несколько крепких словечек из своего галактического лексикона.

Я попытался выбить стаканчик у него из рук, но он быстро опрокинул его в рот, ничуть не удивившись моему раздражению.

– Разве можно так разговаривать со своим начальником в Специальном корпусе? – спросил он, снова наполняя стаканчик. – В нашей организации не придерживаются строгих правил, но есть же какие-то границы дозволенного.

Он протянул мне бренди, и на этот раз я его выпил.

– Зачем вы это сделали? – спросил я, раздираемый противоречивыми чувствами.

– Потому что этого не сделал ты, вот почему. Операция закончена. Ты успешно провел ее. До сих пор у тебя был испытательный срок, но теперь ты настоящий агент.

Порывшись в кармане, он выудил оттуда звезду из золоченой бумаги. Лизнув клейкую поверхность, он прилепил мне звезду на рубашку.

– Данной мне властью, – загнусавил он, – произвожу тебя

в штатные агенты Специального корпуса.

Выругавшись, я хотел сорвать с груди эту штуковину, но вместо этого рассмеялся. Чепуха какая-то. Именно так можно охарактеризовать проделанную мною работу.

– Я думал, что вы уже исключили меня из списков.

– Я не получил твоего прошения об отставке, – ответил Инскипп. – Впрочем, это не имеет значения. Из Специального корпуса уйти нельзя.

– Да... Но вы забыли, что хотели подорвать меня на корабле, который я украл? Как видите, я вовремя успел обезвредить взрыватель.

– Ничего подобного, – ответил он, наливая себе еще бренди. – Ты так хотел поскорее увидеть Анжелину, что я подумал: а не позаимствует ли этот парень корабль еще до того, как мы сами ему его дадим? На корабле, который ты увел, был специально установлен разболтанный взрыватель. Он – а не заряд – должен был взорваться через пять секунд после вывинчивания. Полагаю, это вселяет уверенность в способных и перспективных агентов. Чтобы их не мучила совесть.

– Значит, все это было подстроено? – зарычал я.

– Разумеется. Хотя я предпочитаю использовать термин «выпускной экзамен». Таким образом мы узнаем, действительно ли наши новички решили до конца посвятить себя делу служения закону и порядку. Тогда они и сами решают для себя этот вопрос. Мы не хотим, чтобы впоследствии они раскаивались в выборе пути. Ты ведь разобрался в себе, Джим?

– Кое в чем разобрался. Но не во всем, – ответил я, не решаясь пока заговорить об Анжелине.

– Прекрасная операция. Должен заметить, ты проявил недюжинную фантазию. – Инскипп нахмурился. – Но я не могу одобрить твоё ограбление банка. Корпус располагает большими средствами, и стоило тебе только попросить...

– Одни и те же деньги, – возразил я. – Откуда берет их корпус? От правительств различных планет. А они откуда берут? Разумеется, из налогов. Вот я и взял их прямо из банка. Страховая компания возместит банку все убытки, объявит о меньшей прибыли за год и заплатит меньше налогов правительству. Результат один и тот же.

Инскиппу все это хорошо было известно, и он даже не удосужился мне ответить. Я все еще не решался спросить об Анжелине.

– Как вы меня обнаружили? – спросил я. – Ведь на корабле не было «жучков».

– Наивное дитя природы! – В притворном ужасе Инскипп взмахнул руками. – Неужели ты полагал, что у нас есть хоть один-единственный корабль, на котором не установлены «жучки»? Если не знаешь, где его искать, – никогда не найдешь. К твоему сведению, во внешней двери шлюзовой камеры, которая на вид литая, установлен мощный передатчик, излучающий сигналы на большое расстояние.

– Почему же я не слышал этих сигналов?

– Потому что он их не передавал. Дело в том, что в двери

установлен и приемник. Так что передатчик работает только тогда, когда сам получит определенный сигнал. Мы дали тебе возможность оторваться, а потом стали следить. Сначала мы потеряли тебя во Фрейбургаде, но потом напали на твой след в больнице, где ты устроил спектакль с трупами. Мы решили тебе помочь и уговорили врачей, чтобы они не поднимали шума. После этого мы взяли под пристальное наблюдение всех хирургов, так как твой следующий шаг был очевиден. Надеюсь, ты обрадуешься, узнав, что в твоей грудной клетке установлен миниатюрный передатчик.

Я посмотрел на свою грудь, но, конечно, ничего там не увидел.

– Жалко было упускать такую возможность, – продолжал Инскипп. – Однажды ночью, когда ты спал под воздействием снотворного, твой доктор наткнулся на вино, которое мы предусмотрительно вложили в один из продовольственных заказов. Конечно, он тут же оприходовал его, и один из наших хирургов сделал тебе маленькую операцию.

– Значит, с тех пор вы держали меня под наблюдением?

– Именно. Но ты все время действовал как надо.

– Так зачем вы тогда сейчас сюда принесли? – огрызнулся я. – Я ведь не трубил в рожок.

Это был единственный вопрос, который сейчас меня волновал, и Инскипп задумался, прежде чем на него ответить.

– Значит, так, – сказал он и отхлебнул бренди. – Держа новичка на привязи, я всегда отпускаю веревку, но не настоль-

ко, чтобы он на ней повесился.

Что мне оставалось ответить на это?

Голос Инскиппа стал мягче.

– Арестовал бы ты ее, если бы мы не появились?

– Не знаю, – выдавил я из себя.

– А я знал, что произойдет, – сурово произнес он. – Вся операция бы сорвалась, а убийца смылась бы с этой планеты.

– Отпустите ее! – закричал я, схватив его за грудки. – Отпустите ее немедленно!

– Чтобы она опять оказалась на свободе и принялась за старое? – спросил он.

Я не знал, что ответить. Отпустив Инскиппа, я задумался, а он принялся поправлять пиджак.

– У тебя было трудное задание, – сказал он, убирая фляжку. – Иногда нелегко определить границу между добром и злом. А когда к делу подключаются чувства, то и вообще невозможно.

– Что с ней сделают? – спросил я.

Он помедлил с ответом.

– Хоть раз скажите мне правду, – попросил я Инскиппа.

– Ладно, скажу правду. Обещать не могу, но наши психиатры постараются ей помочь. Если, конечно, найдут причину ее поведения. Но это не всегда удастся.

– Я подскажу им, в чем причина.

Он слегка удивился, доставив мне этим небольшое удовольствие.

– В этом случае у нее есть шанс. Я лично распоряжусь, чтобы испробовали все средства, прежде чем решиться на замену личности. Если это произойдет, ее тело останется прежним. А тел в Галактике много. Если ее приговорят к смерти, она станет трупом, которых в Галактике ничуть не меньше.

Я выхватил у него фляжку, прежде чем он успел спрятать ее в карман.

– Я-то вас знаю, Инскипп? – сказал я, наливая бренди. – Вы прирожденный вербовщик. Сначала ловите преступников, а потом берете их к себе на службу.

– А что еще остается делать? – сказал он. – Из нее выйдет прекрасный агент.

– У нас получится отличная команда, – ответил я, и мы подняли бокалы.

– За преступления!

Месть Стальной Крысы

Глава 1

Я стоял в унылой очереди налогоплательщиков, зажав в потной руке заполненные декларации и деньги. Наличные деньги, старомодные зеленые бумажки. Местная традиция, которая моими стараниями дорого обойдется здешним жителям. Я ожесточенно чесался, пытаюсь унять страшный зуд под накладной бородой. Стоявший впереди мужчина отошел, и я оказался перед окошком. Палец прихватило клеем; пришлось потрудиться, чтобы оторвать именно его, а не бороду.

– Давайте, давайте, и побыстрее, – нетерпеливо протянула руку кассирша – стареющая дама с унылым лицом.

– Ну уж нет, – возразил я, отбросил прочь свои бумаги и выставил свой огромный, 75-го калибра, безотказный пистолет. – Это вы давайте. Гоните денежки, которые вытянули из этих тихих олухов.

Я зловеще улыбнулся, чтобы показать, что это не шутки. Улыбочка вышла что надо: мои зубы были выкрашены в кроваво-красный цвет. Это помогло ей принять верное решение. Она подавилась собственным визгом и принялась выгребать кассу. Деньги я рассовал по карманам пальто.

– Что вы делаете?! – ужаснулся стоящий за мной человек, выпучив глаза.

– Денежки загибаю. – Я бросил ему пачку банкнот. – От чего бы и вам не взять немножко?

Он машинально поймал ее и уставился на деньги. Тут сработала сигнализация, и двери с треском захлопнулись. Кассирша умудрилась-таки нажать кнопку.

– Везет вам, – порадовался я, – однако не следует отвлекаться по мелочам, когда деньги выдаешь.

Она вскрикнула и стала было оседать, однако взмах пи-столета и кровавая улыбка вернули ее к жизни, и денежки потекли опять. Вокруг заметались люди, энергичные охранники высматривали зачинщика беспорядка; пришлось нажать на кнопку радиореле. По банку прокатилась серия оглушительных взрывов: во всех урнах бахнули газовые бомбы, заранее мною разложенные. Клиенты дружно завизжали. Пришлось ненадолго прервать возню с деньгами, чтобы надеть очки. И рот пришлось закрыть – дышать надо носом: в ноздрах установлены фильтры.

Это было потрясающее зрелище. Слепящий газ практически мгновенно парализует зрительный нерв, на некоторое время разумеется. Через пятнадцать секунд в банке ослепли все.

Кроме вашего покорного слуги – Джеймса Боливара ди Гриза, человека выдающихся и разнообразных талантов. Весе-ло похмыкивая закрытым ртом, я сгреб оставшиеся день-

ги. Из-под конторки доносилось хныканье моей «благотельницы». Вокруг царила страшная неразбериха, люди размахивали руками, падали. Удивительное ощущение – словно ты один зрячий в мире слепых. Снаружи уже собралась толпа. Удивленные зрители облепили окна и двери, наблюдая разыгравшуюся драму.

Я сделал ручкой и улыбнулся – толпа отхлынула от дверей. Оставалось прострелить замок, да так, чтобы никого не задеть. Дверь распахнулась. Прежде чем выйти на улицу, я заложил в уши затычки и бросил на тротуар визжалку.

Как только она заработала, все кинулись прочь. Вы бы тоже побежали, услышав эту штуку. Визжалка издает жуткие звуки, по мощности равные грохоту землетрясения. В слышимом диапазоне – словно нож по стеклу, а ультразвуки порождают панику и ощущение неминуемой смерти. Совершенно безвредно, но эффективно. По опустевшей улице я подошел к подъехавшей машине. Голова слегка гудела от ультразвука, просочившегося сквозь затычки. Я плюхнулся на сиденье и с удовольствием расслабился. Анжелина погнала машину по улице.

– Все прошло гладко? – не отрывая глаз от дороги, спросила она и лихо свернула за угол.

Вдали завывли сирены.

- Гладко и мягко, как касторка под хорошее пирожное...
- Твои сравнения оставляют желать лучшего.
- Извини. Что-то желудок с утра расстроился. Зато теперь

денег в карманах – девать некуда.

– Вот здорово! – От радости ее носик очаровательно сморщился.

Бесподобная улыбка. Мне страшно захотелось ее поцеловать, но пришлось сдержаться, чтобы не отвлекать от дороги. Я бросил в рот жевательную резинку – очистить зубы – и принялся снимать грим.

Машину тоже надо было преобразить. Анжелина свернула в тихий переулок, где не было ни души, припарковалась и нажала на кнопку.

О, техника может творить чудеса! Номерной знак перевернулся, но это так просто, что и говорить не стоит. Как только брызнули тонкие струйки каталитической жидкости, Анжелина включила дворники. Голубая краска превратилась в красную. А верх машины стал прозрачным – теперь мы сможем наслаждаться окружающими видами. Бесследно растворились и исчезли накладки под хромированный металл – от этого изменился тип машины. Когда процесс закончился, Анжелина медленно тронула автомобиль в ту сторону, откуда мы примчались. Ее рыжий парик и мои гримировальные принадлежности исчезли в бардачке. Мне пришлось подержать руль, пока она надевала огромные солнечные очки.

– Куда едем?

Навстречу, визжа сиренами, пролетело несколько полицейских машин.

– Я думаю, к морю. Солнце, воздух, пляж и все такое. Полезно и приятно.

– Чересчур полезно, ты не находишь? – Она с довольной улыбкой похлопала себя по округлившемуся животу. – Шесть месяцев, седьмой пошел, куда уж мне резвиться! Кстати... – Она метнула на меня быстрый взгляд и опять сосредоточилась на дороге. – Ты обещал, что у меня будет медовый месяц, как у всякой порядочной жены.

– Любовь моя, – проникновенно начал я, взяв ее руку, – при первой же возможности. Честной женщины мне из тебя не сделать – учитывая склад твоего ума, – но обещаю на тебе жениться и надеть роскошное...

– Ворованное!

– ...кольцо на этот нежный пальчик. Это я обещаю. Но как только мы попытаемся зарегистрировать свой брак, как только наши данные попадут в компьютер – игра кончена. Наш отпуск тоже.

– А ты будешь повязан на всю жизнь. Лучше уж я тебя сейчас охочу, а то потом с таким животом мне будет не с руки за тобой гоняться. Сейчас мы пообедаем на побережье и целый день будем наслаждаться свободой. А утром, сразу после завтрака, поженимся. Обещаешь мне это?

– Есть только одна проблема...

– Обещай, Скользящий Джим, я тебя знаю!

– Слово даю, вот только...

Она резко затормозила. Мне в лицо уставился мой соб-

ственный безотказный 75-го калибра пистолет. Он, оказываясь, очень большой. Анжелина держала палец на спусковом крючке.

– Обещай, скользкий, шустрый, изолгавшийся пройдоха, а не то я разнесу тебе башку.

– Дорогая, ты ведь меня любишь!

– Конечно люблю. Но если ты не станешь моим, то лучше уж тебе быть мертвым. Ну?

– Утром мы поженимся.

– До чего трудно убедить некоторых мужчин, – прошептала она, прижимаясь ко мне и засовывая пистолет обратно в мой карман.

Потом так страстно поцеловала меня, что я на секунду преисполнился оптимизма насчет завтрашнего дня.

Глава 2

– Куда собрался, Скользящий Джим? – Анжелина выглядывала из окна нашей комнаты.

Я замер у калитки.

– Хочу окунуться, любовь моя. – Я беззаботно открыл калитку.

Бахнул выстрел, разнесший калитку в щепки.

– Распахни-ка халат, – попросила она ласково и дунула в дуло пистолета.

Пожав плечами, я распахнул халат, из-под которого торчали голые ноги. На мне, конечно, была одежда, просто брюки были закатаны до колен, а туфли лежали в карманах. Анжелина понимающе кивнула:

– Поднимайся наверх. Никуда ты не пойдешь.

– Конечно не пойду. – От злости меня прямо в жар бросило. – Боюсь, ты неправильно меня поняла. Не такой я человек. Захотелось, понимаешь, пройтись по магазинам... и...

– Поднимайся!

Я потащился наверх. Божье наказание – это сказано про мою Анжелину. Медики из Специального корпуса сумели избавить ее от склонности к убийству, распутать узлы в подсознании. Казалось, им удалось подготовить ее к новой, счастливой жизни. Но легкая встряска – и Анжелина стала прежней. Тяжко вздыхая, я взбирался по лестнице на негнущ-

щихся ногах.

И ощутил себя подлым негодяем, когда увидел, что она плачет.

– Джим, ты меня не любишь!

Классический прием, старый как мир, но безотказный.

– Люблю, – искренне возразил я. – Но это просто... рефлекс. Или что-то в этом роде. Я люблю тебя, но брак мне кажется чем-то вроде тюрьмы.

– Брак – это настоящая свобода, а никакая не тюрьма. – Она легкими прикосновениями поправила макияж, подвергнувшийся разрушительному воздействию слез.

Только сейчас я заметил на ней белое платье и белоснежные кружева в волосах.

– Это как в холодную воду окунуться. – Она успокаивающе потрепала меня по щеке. – Если это делать быстро, то холода не чувствуешь. Приведи в порядок брюки и не забудь надеть туфли.

Что я и сделал, а когда выпрямился, то увидел, что дверь в соседнюю комнату открыта и там уже стоят вершитель браков и два свидетеля. Как только грянули мощные аккорды органной музыки, Анжелина мягко взяла меня под руку. И настойчиво потянула вперед. Я на секунду замер – и шагнул навстречу неизвестности. Орган промычал последние ноты, морoka рассеялась. Когда Анжелина подняла лицо для поцелуя, то я с трудом подавил стон.

Среди множества бутылок, стоявших в баре, мои пальцы

безошибочно нащупали пузатую бутылку. «Пот сирианской пантеры» – этот могучий напиток был запрещен на большинстве цивилизованных планет за производимый им мощный эффект. Большая рюмка подействовала почти сразу, я прямо ощутил ее сокрушительное воздействие. Поэтому не мешкая налил вторую.

Видимо, я долго так сидел, погруженный в хаотические мысли, потому что Анжелина – моя навеки Анжелина (тяжелый вздох) – появилась передо мной переодетая в свободные брюки и свитер, с уложенными чемоданами. И выхватила стакан из моей руки.

– Будет развлекаться, – беззлобно сказала она. – Вечером поспрадуем, а сейчас ехать надо. Брачная запись в любой момент может попасть в компьютерную сеть. Как только мелькнут наши имена – поднимется суета, как в день полочки. Последние два месяца полиция вешает все преступления на нас – так что они тут же кинутся по нашим следам.

– Помолчи! – Я, пошатываясь, встал. – Это и так ясно. Выводи машину и поехали.

Я хотел помочь ей вынести вещи, но, пока сформулировал свое предложение, она уже спустилась по лестнице. Делать нечего – поплелся к выходу. Машина нетерпеливо рычала, через открытую дверь было видно, как Анжелина столь же нетерпеливо притопывает ногой. Как и все машины в Камате, эта приводилась в движение паровым двигателем, который топился при помощи хитрого приспособления, загру-

жавшего в топку торфяные брикеты. На то, чтобы поднять пар, обычно уходило не менее получаса. Все это промелькнуло у меня в голове, как только я уселся в машину. Значит, Анжелина все продумала заранее. Мой посильный и единственный вклад в общее дело состоял в том, что я напился, – так себе помощь.

– Отрезвляющие пилюли у тебя есть? – Голос мой звучал хрипловато.

Я еще не кончил говорить, а пилюля уже была на ладони. Маленькая такая, розовая, украшенная черным черепом со скрещенными костями. Это изобретение какого-то сумасшедшего химика работало словно некий метаболический пылесос. Через несколько секунд после растворения в желудке вещество попадало в систему кровообращения и удаляло не только алкоголь, но и все его побочные продукты. Несчастную жертву оставалось только пожалеть – трезвел человек практически мгновенно.

– Без воды я проглотить это не смогу, – промямлил я, тупо уставившись на пластиковую чашку в ее руке.

Отступить было некуда. С дрожью я бросил смертоносную пилюлю в рот и осушил чашку.

Это только так говорят, что все происходит почти мгновенно, – в реальном времени, видимо, так оно и есть. Субъективно это длится часы. Представьте, что вам в глотку вставили пожарный шланг и включили воду. Кажется, что из всех отверстий тела, включая поры, начинают бить очищаю-

щие струи, – и вы промыты начисто.

– У-ух, – слабо выдохнул я, выпрямился и промокнул платком лоб.

– Надеюсь, тебе полегчало?

Анжелина выехала на кольцевую развязку, бросила быстрый взгляд на карту и свернула на нужную дорогу.

– Все уже подняты по тревоге, включая армию и флот. Я подслушала радиопереговоры.

– Оторваться сможем?

– Сомневаюсь – если только тебя не осенит гениальная идея. Они уже сомкнули кольцо и теперь потихоньку сжимают его. Прикрывают даже с воздуха.

Я еще не успел оправиться после героического приема таблетки. Мой взбудораженный мозг, видимо, пока соединялся с голосовыми связками напрямую, без всякого участия рассудка.

– Отличное начало семейной жизни. Теперь понятно, почему я избегал женитьбы все эти годы.

Машина слетела с дороги прямо на лужок под синими деревьями. Анжелина выскочила, хлопнула дверью и уже доставала чемодан. Я и опомниться не успел. Попытался показаться:

– Я осел...

– Тем более глупо было за тебя выходить! – Голос ледяной, ровный, глаза сухие. – Я тебя надула и заставила жениться только потому, что мне показалось, что и ты этого

хочешь. Но видимо, я ошиблась, поэтому лучше исправить ошибку в самом начале. Извини, Джим. Ты изменил всю мою жизнь, а мне хотелось преобразить твою. Мне было хорошо с тобой. Спасибо и до свидания!

К концу этой небольшой речи мой мозг обрел обычную форму. Я выскочил из машины и взял ее за руки:

– Анжелина, то, что ты сейчас услышишь, я говорю в первый и последний раз в жизни. Постарайся понять и запомнить то, что я тебе скажу. Когда-то я был первым мошенником во всей Вселенной, но затем был вынужден поступить в Специальный корпус и заняться ловлей преступников. Вот и тебя взял. Ты ведь была не просто мошенница, а безжалостная убийца с садистскими наклонностями. – Тут я крепче сжал ее руки, почувствовав, как она напряглась. – Ты должна знать это, потому что так оно и было. Но теперь все изменилось. Переменилась и ты, хоть и не без помощи врачей. Я люблю тебя такую. Но хочу напомнить, что любил тебя и прежде, и это объясняет многое. И если я иногда взбрыкиваю и бранюсь по утрам – не придавай этому значения. Договорились?

Договорились. Она уронила чемодан прямо мне на ногу – я и вздрогнуть не посмел, – кинулась мне на шею, осыпала поцелуями и повалила в высокую траву. Я отвечал ей горячей взаимностью. Наверное, это эффект медового месяца. Отлично...

Когда парочка махоциклов, подвывая, остановилась у на-

шей машины, мы замерли. Эти машины использовались только в полиции, потому что могли развить скорость куда большую, чем паровички на торфе. Это были трехколесные экипажи с большим тяжелым маховиком между задними колесами. Ночью маховик раскручивают до максимальной скорости, и в течение дня он снабжает электроэнергией приводные электромоторы колес. Просто и эффективно, вот только несколько опасно.

– Поддер, это та самая машина! – Полицейский старался перекрыть вой маховика.

– Надо доложить. Они не могли далеко уйти. Теперь-то мы их точно возьмем!

Ничто меня так не бесит, как наглая самоуверенность мелких слуг. Уже взяли, во дают! Один из них высунулся из-за машины и уставился на наше уютное гнездышко. Он все еще тараторил, когда я ухватил его за шею и вытащил на траву. Было интересно наблюдать, как потихоньку вываливается его язык, наливается кровью лицо, закатываются глаза, – но Анжелина все испортила. Она содрала шлем с головы полицейского, потом резко, но аккуратно ударила в висок каблуком туфли. Бедолага потерял сознание.

– А меня-то обвинял, – прошептала моя суженая. – Сам ты садист!

– Я доложил, все оповещены. Теперь им никуда не деться... – с энтузиазмом начал было оставшийся служака – и уставился на дуло служебного пистолета своего приятеля.

Анжелина вынула из сумочки капсулу снотворного и раздавила у него под носом.

– Что дальше, босс? – спросила она, с улыбкой поглядывая на две фигуры в черных мундирах, лежавшие рядышком на травке.

– Я вот что думаю... – Пришлось потеревить подбородок и нахмурить брови, чтобы выглядеть соответственно. – Наш беззаботный отпуск длится уже более четырех месяцев, но все хорошо, что хорошо кончается. Конечно, продлить его в наших силах. Но это было бы по меньшей мере неразумно – на нас могут обидеться. Кроме того, – хоть мне и нравится твоя фигура – сейчас ты не в лучшей форме для всякой беготни, погони и прочей суеты. Может, нам лучше вернуться на службу?

– Я ждала, что ты предложишь именно это. Ограбление банка и утренняя слабость как-то не вяжутся. Наверное, вернуться будет лучше всего.

– К тому же все нам будут рады. Поскольку в отпуске нам было отказано, мы просто вынуждены были угнать этот почтовый корабль.

– Не говоря уж о том, что деньги на расходы пришлось воровать, – ведь со счета мы ничего снять не могли.

– Правильно. За мной, вернемся с шиком!

Мы сняли с полицейских мундиры и бережно уложили спящих на заднее сиденье машины. У одного из них нижнее белье было розовое в горошек, а у второго – более практич-

ного черного цвета, но отделанное кружевами. У меня даже зародились определенные сомнения по части морального облика полиции на Камате, хотя вполне возможно, что здесь это обычное дело. И все-таки я был рад уехать. В мундирах, шлемах и очках мы безмятежно катили себе по дороге на махоциклах, приветствуя несущиеся навстречу машины и броневики. Не дожидаясь, когда поднимется переполох, я затормозил посреди дороги и остановил один из броневиков. Анжелина проехала чуть дальше, не желая никого шокировать видом беременного полицейского.

– Мы их засекли! – рывкнул я. – Вырубите приемник – у них есть радиоперехватчик. Следуйте за мной!

– Показывай дорогу! – встрепнулся водитель, его напарник радостно кивнул.

Видимо, они уже видели впереди славу и блеск медалей. Я поехал к лесному озеру по заброшенной дороге. Тут на берегу стоял ветхий сарай с пристанью.

Я махнул рукой и остановился. Потом побежал к машине, заговорщицки приложив к губам палец. Водитель опустил стекло и нетерпеливо высунулся наружу.

– Дышите глубже, – посоветовал я, забросив в кабину газовую гранату.

Клубы газа, судорожные вздохи – и две фигуры лежат на травке.

– Хочешь взглянуть, какое у них белье? – ехидно поинтересовалась Анжелина.

– Отнюдь нет. Мои заблуждения мне дороже, даже если они беспочвенны.

Махоциклы быстро прокатились по причалу и свалились в воду, подняв тучу брызг и пара. Кабина броневика проветрилась. Мы погрузились и поехали. Анжелина с аппетитом уплетала найденный в кабине бутерброд. Избегая главных дорог, мы направились в город, чтобы попасть в главное управление полиции. Я хотел повидаться кое с кем.

Подземный гараж управления был пуст, мы на лифте поднялись в здание. Безлюдно было и на этажах, кроме штабного помещения. Анжелина осталась ждать меня в пустом кабинете. Она развлекалась, вскрывая секретные файлы.

Опустив очки на нос, я вошел в обшарпанное пыльное помещение.

Никто даже не обернулся в мою сторону. Человек, который был мне нужен, прохаживался, посасывая потухшую трубку. Я шагнул вперед и отдал честь:

– Сэр, там кто-то вас спрашивает.

– Что? Что такое? – встревожился он.

Гарольд Питерс Инскипп, директор и мозг Специального корпуса, был сегодня явно не в духе.

Выйдя за дверь, я снял очки.

– Мы готовы вернуться, сэр, – отрапортовал я, – но только если вы сможете по-тихому вытащить нас с этой планеты. Не хочется связываться с местной полицией.

Инскипп так сжал челюсти, что перекусил мундштук

трубки. Отплевываясь на ходу, он последовал за мной в кабинет, где нас поджидала Анжелина.

Глава 3

– Гр-р-р-рм! – зарычал Инскипп, потрясая бумагами, которые трещали, как кастаньеты.

– Очень выразительно, – одобрительно заметил я, доставая из кармана сигару. – Однако маловато информации. Нельзя ли немного подробнее? – И аккуратно отрезал кончик сигары, без единой трещинки. Идеально.

– Да вы отдаёте себе отчет, во что обошлись ваши игры?! Во сколько миллионов? Экономика Каматы...

– Ничуть не пострадала. Правительство возместит убытки всем потерпевшим и вычтет эту сумму из ежегодного взноса в бюджет Специального корпуса. У которого и так денег больше чем нужно. Кроме того, здесь есть свои выгоды. Интригующее развлечение для населения, повышение газетных тиражей, хорошая тренировка для засидевшихся полицейских – это отдельная история, – полевые учения, доставившие массу удовольствия всем участникам. Вместо того чтобы попусту сердиться, власти могли бы заплатить нам за это волнующее представление.

Я раскурил сигару и выпустил колечко ароматного дыма.

– Перестань умничать, мошенник. Если мы передадим тебя и твою молодую жену властям Каматы, то вам и через шестьсот лет из тюрьмы не выбраться.

– Это невозможно, Инскипп, сами вы мошенник. У вас

не хватает оперативников. Мы вам нужны больше, чем вы нам. Давайте прекратим пустую болтовню и перейдем наконец к делу. Я уже понес наказание. – Я оторвал от мундира пуговицу и бросил ему. – Сорвите все мои награды и лишите звания. Полностью признаю свою вину. Давайте дальше.

Он напоследок рыкнул, бросил бумаги в урну и вытащил большую красную папку. Она угрожающе загудела у него в руках. Устройство безопасности опознало отпечаток большого пальца и отключилось. Папка раскрылась.

– Это очень важное, сверхсекретное задание.

– Разве я когда-нибудь получал другие?

– К тому же чрезвычайно опасное.

– Вы просто втайне завидуете моей красоте и желаете сжить меня со свету. Не томите, Инскипп. Хватит играть, рассказывайте по существу. Мы с Анжелиной в любом случае справимся лучше, чем ваши престарелые, дряхлые агенты.

– Эта работа для тебя одного. Анжелина несколько...

Лицо его стало пунцовым, и он уткнулся в бумаги.

– О-го-го! – завопил я. – Грозный, бесстрашный Инскипп, глава тайных галактических сил. Не может произнести слово «беременна»! А «крошка»? Нет, а «секс»? Ладно, быстро скажите три раза вслух: «Секс, секс, секс», – это вам поможет.

– Заткнись, ди Гриз! – проворчал он. – Хоть женился, и то ладно; видно, в тебе осталась капля порядочности. Анжели-

на останется! Эта работа для одного, и ты отправишься один. Но учти, она может остаться вдовой.

– Ей черное не к лицу, и только потому вы этого не дождетесь. Рассказывайте.

– Для начала кое-что посмотрим.

Он вынул из папки кассету и опустил в прорезь стола. Сверху опустился экран, свет погас. Начался фильм.

Съемка велась ручной камерой, цвет иногда пропадал, выглядело все очень непрофессионально. Но это был лучший любительский фильм из всех, что я видел, – материал был хорош. И несомненно, подлинный.

Кто-то с кем-то воевал. Был погожий день, в голубом небе висели белые облачка. И черные клубы разрывов зенитных снарядов. Но огонь был не очень плотным, он не мог остановить лавину военных транспортников, которые быстро снижались и заходили на посадку. Это был средних размеров космопорт, неподалеку стояло несколько грузовых кораблей. Низко над землей промчался летательный аппарат, взметнулись бомбовые разрывы – видимо, над укреплениями защитников. До меня вдруг дошла вся невероятность происходящего.

– Но ведь это космические корабли! – ахнул я. – И транспортники тоже космические. Что за ослы затеяли межпланетную войну? Неужели они надеются победить? И какое отношение все это имеет ко мне?

Фильм закончился, вспыхнул свет. Инскипп разглядывал

свои сложенные на столе руки.

— К вашему сведению, господин Всезнайка, это вторжение завершилось успешно — как и несколько других. Этот фильм был снят контрабандистом, одним из наших постоянных осведомителей. У него хороший скоростной корабль, и только поэтому ему удалось ускользнуть.

Это меня сразило. Я сделал глубокую затяжку и попытался вспомнить все, что знал о межпланетных войнах. Собственно, вспоминать-то особо было нечего. Потому что это была полная бессмыслица. Может быть, иногда в Галактике местные условия и складываются удачно: ну, скажем, есть звездная система с двумя обитаемыми планетами. Если одна из них отсталая, а другая технически развита — то первую можно захватить. Но только при условии, что нет серьезного сопротивления. Расстояние делает войну невыгодной. Приходится выводить в космос целую армию с оружием, боеприпасами, да еще и с запасом питания, — а это огромный расход энергии, стоимость транспортировки просто колоссальная. А если захватчики встретят решительное сопротивление, то вторжение теряет всякий смысл. И это в пределах одной системы, где планеты по галактическим меркам практически соприкасаются. Войну между планетами из разных звездных систем невозможно себе даже представить.

Но нет ничего невозможного, если люди берутся за дело всерьез, как мы только что видели. Такие вещи, как насилие, война, кровопролитие, до сих пор остаются привлекательны-

ми для темных сил человечества, несмотря на многовековой мир. Тревожные мысли охватили меня.

– Вы хотите сказать, что произошло успешное вторжение?

– И не одно.

При этих словах на лице Инскиппа появилась нехорошая ухмылка.

– А вы лично и Лига в целом желаете это прекратить?

– В точности так, Джим.

– И столь важное задание доверяете такому шалопаю, как я?

Он вынул из моих пальцев окурок сигары, кинул его в пепельницу – и торжественно пожал мне руку:

– Это дело как раз для тебя. Иди и возвращайся с победой.

Я выдернул руку из предательского пожатия, вытер пальцы о штаны и снова взял свой окурок.

– Сдается мне, что мои похороны будут самыми пышными за всю историю корпуса. Может быть, позвольте узнать некоторые подробности или предлагается путешествие на грузовом корабле с завязанными глазами, да еще в одну сторону?

– Терпение, мой мальчик, терпение. Ситуация выглядит следующим образом. В средствах массовой информации об этом ничего не сообщалось по политическим соображениям. На захваченных планетах к тому же очень строгая цензура. Как нам удалось узнать – между прочим, человек заплатил жизнью за эту информацию, – ответственность падет на Клианду, это третья планета в системе Эпсилон Инди. В

этой системе всего около сорока планет, но только три из них пригодны для жизни. Несколько лет назад Клианда захватила две соседние планеты, но нам тогда показалось, что тревожиться еще рано. Однако с тех пор аппетиты клиандцев выросли, а это уже настораживает. До сих пор межзвездные войны считались невозможными, но Клианда уже захватила пять планет в ближайших системах и, похоже, не собирается останавливаться. Непонятно, как это им удалось, но это факт. У нас есть агенты на захваченных планетах, но узнать удалось очень немного. Было принято решение на самом высоком уровне – поверь мне, ты бы встал и отдал честь, если бы слышал имена этих людей, – внедрить человека на Клианду, который смог бы разобраться на месте и тем самым помог бы разрубить сей гордиев узел.

– Если отбросить все ваши сложные и путанные метафоры, то и полному дураку ясно, что это просто самоубийство. Вместо этого, мы могли бы...

– Нет, Скользящий Джим, ты полетишь. Отвертеться тебе не удастся.

Однако я попытался отвертеться. Но ничто не помогло. Мне вручили копии всех отчетов, ментаграмму языка и ключ от патрульного корабля, на котором и предстояло лететь. Домой я вернулся в мрачнейшем настроении. Анжелине, видимо, надоело причесываться и красить ногти, и она развлекалась метанием ножа в цель. Получалось у нее отлично. Даже из-под руки она могла попасть в любую из мишеней по

выбору.

– Надо бы сделать мишень в виде Инскиппа, – буркнул я. – Это будет намного интереснее, да и куда приятнее.

– Неужели этот гадкий старикашка посылает моего ненаглядного на задание?

– Этот старый, вонючий козел хочет моей смерти. Задание настолько секретное, что я никому не имею права о нем рассказывать, даже тебе. Поэтому – вот бумаги и читай сама.

Пока она читала, я зарядил ментаграмму в ментограф. Эта штука запишет клиандский язык прямо мне под корку мозга, без мучительного и долгого учебного процесса. Первый сеанс займет около получаса, затем потребуются еще дюжина сеансов покороче, для закрепления материала. После чего я смогу говорить на языке вполне свободно, правда схлопочу приступ жуткой головной боли в результате электронного вмешательства в мозг. Одно хорошо: когда прибор работает, сознание полностью отключается, что мне сейчас и нужно.

Последовал миг забытья, и вот Анжелина уже осторожно снимает шлемофон с моей головы и протягивает таблетку. Пришлось полежать немного с закрытыми глазами, пока не утихла боль. Мягкие губы коснулись моего лица.

– Они хотят избавиться от тебя, но ты не сдавайся. Ты обязательно победишь и когда-нибудь займешь кресло Инскиппа.

– Со щитом иль на щите, так, что ли? Победа или смерть? А обо мне ты подумала?

– Постоянно думаю, но такова уж нелегкая женская доля. Я не хочу мешать твоей карьере...

– Спасибо, что объяснила, а то я и не знал бы, что делаю карьеру.

– ...и сделаю все, чтобы тебе помочь.

– Ты не сможешь полететь со мной по причине, которая уже вполне очевидна.

– Знаю, но мысленно я буду всегда с тобою. А как ты собираешься попасть на эту планету?

– Сяду на свой юркий патрульный кораблик, быстро подлечу и, прикрываясь радарным экраном, войду в атмосферу.

– И разлетишься на атомы. Почитай отчет того парня, что выбрался оттуда последним, и придумай что-нибудь получше.

Прочитал. Кошмар! Бросил отчет в кучу бумаг.

Все понятно. Эта планета целиком милитаризована. Похоже, там даже домашняя живность скачет в мундирчиках. Вламываться туда подобным образом – значит начинать игру по их правилам, да еще на их поле. К чему они не привыкли – так это к мягкому и хитрому подходу, к изысканному мошенничеству и искусному обману. Другими словами: пролезай, втирайся, делай свое дело и поскорей смывайся.

– Не нравится мне все это, – нахмурилась моя любимая. – Будь осторожен, Джим, береги себя. Мне сейчас вредно волноваться.

– Единственное, о чем тебе стоит волноваться, так это о

судьбе той жалкой планетки, когда на нее обрушится Скользящий Джим.

Я чмокнул ее в щеку и вышел, гордо подняв голову и расправив плечи.

Ах, если бы в душе была хотя бы десятая доля этой наигранной уверенности! Дело предстояло – хуже некуда.

Глава 4

Я тщательно продумал все приготовления к этой сложной операции. Не раз мне приходилось с каменным лицом выслушивать стенания Инскиппа по поводу дороговизны мероприятия. Но в конце концов, не ему, а мне придется лезть в петлю. Хотелось подстраховаться от любых неожиданностей, чтобы надежно обеспечить себе физическое выживание. Но даже самые сложные дела когда-нибудь кончаются. Вот наконец продуманы последние детали, сделаны последние распоряжения. И овца отправилась на бойню.

Бе-е-е! Я сидел в баре межпланетного корабля «Канне-тава» с бокалом в руке, катая в пальцах потухшую сигару, и чувствовал себя совсем голым. Посадка на Клианде была объявлена через час. Я был абсолютно голым, в переносном смысле конечно. Потребовалось огромное напряжение воли, чтобы дисциплинированно оставить все запрещенные вещи. Никаких мини-бомб, газовых капсул, микропил, подслушивающих устройств. Ничего. Даже любимая отмычка извлечена из-под ногтя большого пальца. Даже...

Тут я скрипнул зубами и осмотрелся. Посетители бара самозабвенно напивались, на меня никто не обращал внимания. Я вытащил из кармана бумажник и ковырнул один из швов. И натурально, обмер. Ах, память, память... Она не только позволяет запомнить, но и помогает забыть. Мое под-

сознание отчаянно сопротивлялось. Только разум мог согласиться с такой дикостью, как высадка на Клианду без всяких привычных приспособлений. Я отработанным жестом сжал бумажник. В руку скользнула миниатюрная, удивительно прочная отмычка. Настоящее произведение искусства. Я даже хлебнул за ее здоровье на прощание. И по пути в каюту выбросил ее в урну. Она отправится обратно, а я сойду на эту исключительно негостеприимную планету.

В каждом отчете отмечалось, что на Клианде самая свирепая таможня во всей Галактике. Контрабанда там попросту исключена. Не стоит и пытаться. Я просто должен быть тем, за кого себя выдаю. Торгашом, представителем компании «Фразолетто-Мучо, лтд», поставляющей оружие. Эта компания действительно существует, и я действительно ее представитель, тут не подкопаешься. Пусть попробуют.

Они, конечно, попробовали. Посадка на Клианду ничем не отличалась от посадки в тюрьму. Как только группа пассажиров сошла с трапа, всех сразу загнали в зловещую серую комнату. Под жесткими взглядами вооруженных до зубов охранников мы сбились в жалкую кучку. Наш багаж свалили рядом. Пока «Каннетава» не взлетела, ничего не происходило. Затем нас стали вызывать по одному.

Можно было немного понаблюдать, и я с радостью воспользовался этой возможностью. Важные военные, не обращая на нас ровно никакого внимания, слонялись туда-сюда, грохоча тяжелыми ботинками и побрякивая оружием. Мун-

диры были все одного цвета, на первый взгляд совсем не военного – смесь алого с темно-красным. Но я быстро понял, что это цвета крови, венозной и артериальной. Они вызывали навязчивое отвращение. Все охранники были здоровяки с огромными челюстями и маленькими пороссячьими глазками. Они носили шлемы из фибростали с черными козырьками и прозрачными забралами. Каждый был вооружен универсальной винтовкой Гаусса – жуткое оружие. Эти винтовки снабжены электробатареями огромной емкости. При нажатии на спусковой крючок в канале ствола создается сильное магнитное поле, которое разгоняет пулю не хуже любого метательного взрывчатого вещества. У такой винтовки есть несколько преимуществ: высокий темп стрельбы, возможность стрелять практически бесшумно и любым типом снарядов – от отравленных игл до разрывных пуль. Это оружие часто упоминается в отчетах корпуса, но до сих пор его никто не видел. Я сразу прикинул, как рассеять эту тайну.

– Пас Ратунков! – выкрикнул чей-то голос.

Вздвогнув, я вспомнил, что это мой псевдоним. И неуверенно взмахнул рукой, когда охранник направился в нашу сторону. Видимо, они специально ставят на ботинки железные подковки – так сказать, для усиления эффекта. Мне захотелось занять парочку таких башмаков. Клианда начинала мне нравиться.

– Вы Пас Ратунков?

– Это есть я, к вашим услугам. – Я тщательно коверкал

местный язык на иностранный манер.

– Возьмите багаж и следуйте за мной.

Он тут же развернулся, но я отважился его окликнуть:

– Извините, сэр, но мне не унести все сразу.

Презрительно окатив меня ледяным взглядом, он ткнул винтовкой в дальний угол тюремного покоя:

– Тележка там.

Пришлось тащиться за тележкой. Это была замызганная платформа на маленьких колесиках, снабженная электроприводом. Я быстро погрузил вещи и отыскал взглядом своего проводника. Тот уже стоял у распахнутой двери, положив палец на спусковой крючок. Электромотор взывал на предельных оборотах, и я галопом поскакал вслед за тележкой.

Досмотр начался.

Это теперь легко говорить. Все равно что сказать: «Я бросил атомную бомбу и пошел дальше». Впервые в жизни меня подвергали такому тщательному обыску. Приятно было сознавать, что свою отмычку я нашел первым.

В белой комнате с белыми стенами было десять человек. Шестеро занялись моим багажом, а четверо – непосредственно моей персоной. Для начала меня раздели и загнали во флюороскоп. С увеличительным устройством. Через несколько секунд состоялось совещание над снимками моих зубных пломб. Было решено, что одна из них необычайно велика и форма у нее несколько странная. Невесть откуда явилось жуткое зубоврачебное кресло. Операция началась

немедленно. Зуб временно залепили цементом – надо отдать им должное, – пока пломбу исследовали на спектро스코пе. Когда выяснилось, что пломба сработана из обычного сплава, они ничуть не расстроились. Досмотр продолжался.

Пока мое тело подвергалось изучающему массажу, один из инквизиторов приволок ворох бумаг. В основном это были псиграммы, полученные в ответ на запросы местных властей. Они связались с моими работодателями, Фразолетто-Мучо, и выяснили все о моей работе. На все вопросы я ответил в основном правильно, только пару раз пискнул невпопад, когда исследователи добрались до чувствительных частей тела. Все шло хорошо, наконец мое досье было закрыто.

Во время всей этой катавасии я краем глаза наблюдал за своими чемоданами. Они пострадали еще больше. Каждый из них раскрыли, вещи вывалили на белоснежные столы. Затем чемоданы разобрали на части. На мелкие части. Швы распорили, замки разобрали, ручки сняли. Потом обломки запаковали в пластиковые мешки и сдали в хранилище. Очевидно, для более детального исследования. Одежда удостоилась лишь беглого осмотра. Вскоре выяснилось почему. Потому что больше я ее не увижу до самого отъезда.

– Вам выдадут клиандскую одежду, – объяснил один из инквизиторов. – Носить ее – одно удовольствие.

В этом я сильно усомнился, но счел за благо промолчать. – Это религиозный символ? – спросил другой, держа в руках фотокарточку.

– Это портрет моей жены.

– Разрешается иметь только религиозные символы.

– Она у меня сущий ангел.

Это их убедило, с великой неохотой карточку вернули. Разумеется, не оригинал – это было бы слишком опасно. Мне выдали фотокопию. Анжелина на копии выглядела куда более сердитой, а может, мне просто показалось.

– Все личные вещи, включая документы, будут вам выданы перед отъездом, – холодно проинформировали меня. – На Клианде вы обязаны носить местную одежду и соблюдать здешние законы. Вот ваши личные вещи.

Из всего багажа мне были выданы только три предмета первой необходимости.

– Это ваше удостоверение.

Я радостно схватил его, словно некое свидетельство реальности собственного существования, да и совсем голым стоять было холодновато.

– А что в этом ящике? – скрипучим голосом спросил инспектор.

Все бросили работу и плотным кольцом окружили подозрительный ящик. Выражение лиц означало, что мне уже вынесен смертный приговор вне зависимости от ответа. Я слегка отпрянул, в испуге закатив глаза.

– Господа, я не сделал ничего плохого... – вырвалось у меня.

– Что это?

– Оружие...

Послышались негромкие возгласы, один из инспекторов даже завертелся, будто ища винтовку, чтобы прикончить меня на месте.

Я испуганно забормотал:

– Но, господа, вы должны меня понять. Я прибыл на эту планету по делам. Наша фирма «Фразолетто-Мучо, лтд» – старейший и широко известный производитель военной электроники. Это образцы нашей продукции. Некоторые из них очень хрупкие. Открывать разрешается только в присутствии специалистов.

– Я специалист по оружию!

Один из них шагнул вперед. Я его еще раньше заметил благодаря лысой голове и жуткому шраму, пересекавшему один глаз.

– Рад с вами познакомиться, сэр. Меня зовут Пас Ратунков. – (Мое имя не произвело на него ровно никакого впечатления, а своего он не назвал.) – Если мне вернут ключи, буду рад ознакомить вас с содержимым.

Прежде чем позволить мне приступить к показу, они приволокли камеру, чтобы заснять всю процедуру. Я открыл замок и откинул крышку ящика. Специалист по оружию установился на образцы, разложенные по отделениям. Я пустился в объяснения:

– Наша фирма является разработчиком и единственным производителем блоков памяти для дистанционных взрыва-

телей. Это самая компактная и универсальная модель на сегодняшний день. – С помощью пинцета я извлек взрыватель размером с булавочную головку. – Это модель для использования в стрелковом оружии. Выстрел активизирует взрыватель, который детонирует, когда снаряд попадает в цель. А вот это взрыватель для тяжелых орудий и ракет. – Все придвинулись, снедаемые любопытством, когда я вынул пластинку Мем-4 и принялся расписывать достоинства взрывателя. – Очень прочная конструкция, способная выдерживать невероятное давление, тысячекратные перегрузки, взрывы. Его можно настроить на цель определенного типа и запрограммировать на определенное время срабатывания с момента выстрела. Взрыватель к тому же снабжен системой распознавания, что исключает взрыв вблизи своих объектов. Уникальная модель.

Я положил взрыватель на место и захлопнул крышку ящика. По рядам зрителей прокатился вздох восхищения. Вот такие вещи они любят по-настоящему. Специалист по оружию уважительно приподнял ящик.

– Для демонстрации вам его выдадут.

Досмотр шел к концу. Больше ничего интересного не предвиделось. Ребята без всякого интереса выдавливали из тюбиков зубную пасту и выковыривали из баночек крем. Вконец утомившись, они свалили мои вещи в кучу, затем кинули мне новую одежду.

– На одевание четыре с половиной минуты, – объяснил

инспектор. – Возьмите эти сумки.

Одежду никак нельзя было назвать стильной. Серого, немаркого цвета белье было сшито из материала, на ощупь напоминавшего смесь дерюги с наждачной бумагой. Я вздохнул и начал одеваться. Верхняя одежда представляла собой цельный комбинезон с желтыми и черными поперечными полосами. В нем я стал похож на гигантскую осу. Что ж, если на Клианде это считается хорошим тоном, то ничего не поделаешь. Да и выбора нет. Я схватил выданные мне сумки – при этом тонкие ручки пребольно впились в ладони – и потащился к выходу.

– Машина там. – Стоявший на выходе охранник указал на беспилотный экипаж с куполообразной крышей, находившийся в огромном ангаре, выкрашенном все в тот же серый цвет.

При моем приближении дверца машины распахнулась.

– С удовольствием воспользуюсь машиной, – дружелюбно кивнул я, – знать бы еще, куда ехать.

– Машина знает. Садитесь.

Не самый блестящий собеседник в этой Галактике. Я забросил внутрь сумки и уселся. Дверь автоматически захлопнулась, на панели робошофера вспыхнули огоньки. Машина тронулась, впереди распахнулись тяжелые ворота. Потом еще одни, и еще. И все толстые да крепкие, как в банке. Наконец мы выбрались на открытое пространство. Я зажмурился от солнечного света. Затем принялся с интересом осматривать

ривать окрестности.

Клианда, если судить по этому городу, – мир модернизированный, механизированный и очень занятой. Дороги были забиты машинами и грузовиками, которые, видимо, управлялись роботами, – уж больно равномерно и с четкими интервалами они двигались. Тротуары тянулись вдоль дороги и над ней. Мелькали вывески, витрины, мундиры. Мундиры! Одним этим словом невозможно описать сверкающее многоцветное великолепие. Все были наряжены в мундиры разнообразных фасонов и расцветок. Что, видимо, обозначало принадлежность к различным ведомствам и службам. И никто не был одет в черное с желтым. Еще одна непредвиденная проблема, но я лишь пожал плечами. Утопающему дождик не помеха. Да, дело будет нелегким от начала до конца.

Машина выскочила из общего потока, нырнула в туннель и остановилась у богато украшенной двери. Над входом большими золотыми буквами было начертано: «Злато-Злато», что можно приблизительно перевести с клиандского как «роскошный». Приятная неожиданность. Увешанный лентами и значками швейцар рванул к двери, но, разглядев мое одеяние, презрительно скривил губы, отпустил ручку двери и отправился восвояси. Вместо него появился субъект в темно-сером костюме. На плечах у него были серебряные знаки отличия в виде скрещенных кинжала и топора, а вместо пуговиц – серебряные черепа. Не очень располагающая внешность.

– Паков, – буркнул жутковатый тип. – Я ваш телохранитель.

Я выбрался из машины и, подхватив – самолично, прошу заметить, – сумки, потащился за этим сторожевым псом в холл, как выяснилось, отеля. Мое удостоверение было принято исключительно нелюбезно, однако комнату мне все-таки отвели. Коридорный мальчишка с кислой миной проводил меня. Видимо, у меня был статус условно уважаемого торгового представителя инопланетной компании. Не скажу, что мне это сильно понравилось. Осиные цвета моего наряда выдавали чужака, следовательно, и обходиться со мной будут как с чужаком.

Апартаменты были роскошны: пуховой мягкости кровать, насекомых до черта. Я имею в виду «жучки» для подслушивания и подсматривания. Они были везде. Каждая вторая ручка на мебели – микрофон, лампы слегка поворачивались, отслеживая мое перемещение. Когда я отправился бриться, через полупрозрачное зеркало в ванной на меня уставился телеглаз; даже на рабочем конце зубной щетки был встроен телеобъектив – видимо, чтобы раскрыть неведомые тайны, скрытые в дуплах коренных зубов. Очень умно!

Это им так казалось. А меня очень развеселило. Я от души рассмеялся, притворившись, что кашляю, чтобы не дразнить попусту своего телохранителя. Который неотвязно таскался за мной по всему номеру. Похоже, спать он будет на полу у моей кровати.

Все это бесполезно. Как писали древние, свобода смеется над тюремщиками. Джим ди Гриз обычно тоже. Потому что он страшно много знает – извините за нескромность – о подсматривании и подслушивании. Это был тяжелый случай. Положим, установлено страшное количество «жучков». А что делать со всей этой информацией? Компьютерный анализ для подсматривания не годится, а это означает, что нужно привлечь множество людей. Но всему есть предел, иначе число персонала будет увеличиваться в геометрической прогрессии. Потребуется наблюдатели за наблюдающими и так далее. Вне всякого сомнения, за мной будет следить огромный штат, это участь иностранцев. Соответствующим образом будут оборудованы машина, обычные маршруты передвижения, а не только мое жилище.

Но весь город «жучками» не обвешаешь, да это и бессмысленно. Мне придется играть свою роль, пока не появится возможность вырваться за пределы просматриваемых зон. Пока не появится план бесследного исчезновения. Шанс у меня будет только один, который должен сработать безукоризненно, иначе одной дохлой крысой в мире станет больше.

Паков следил за каждым моим шагом. Последнее, что я видел перед сном, и первое, на что наткнулся взгляд поутру, – это маленькие острые глазки. Меня это устраивало. С Паковым придется распрощаться в первую очередь, а пока его присутствие успокаивающим образом действовало на моих наблюдателей. Пусть себе спокойно спят. Я тоже вы-

глядел спокойным – но только выглядел. А на самом деле внимательно изучал город, пытаясь отыскать крысиную лазейку.

И на третий день нашел. Это был один из многих вариантов, и, как скоро подтвердилось, самый лучший. Был разработан соответствующий план, и в назначенный вечер, довольный, я завалился спать. Улыбку, конечно, заметили в инфракрасном диапазоне – но что может рассказать улыбка?

Четвертый день начался, как обычно, с завтрака в номере.

– Что-то аппетит сегодня разгулялся, – порадовал я хмурого Пакова. – Видимо, сказывается благотворная атмосфера вашей прекрасной планеты. Придется взять добавку.

И взял. Съел еще один завтрак. Когда выпадет случай поесть, я не знал и решил заправиться впрок.

Все шло как обычно. В назначенный час мы вышли из отеля, сели в поджидавшую нас машину. Она двинулась по заложенному в бортовой компьютер маршруту – на военный полигон, где я демонстрировал эффективность взрывателей «Фразолетто-Мучо». Уже было разворочено немало мишеней, а сегодня предстояло взорвать очередную партию. Это было страшно увлекательно.

Мы промчались по автостраде, затем свернули на боковую улицу. Движение здесь было слабое – как обычно, – пешеходов не было совсем. Мелькали перекрестки, а внутри у меня все сильнее затягивался знакомый тугой узел. Ну, все или ничего – пора, Скользящий Джим.

– Апчхи! – довольно натурально чихнул я и полез в карман за носовым платком.

Паков насторожился. Он всегда был начеку.

– Пыль проклятая, черт ее подери! – пожаловался я. – Взгляните, это, случайно, не генерал Трогбар?

Натаскан Паков был отменно. Взгляд его оторвался лишь на секунду. Но мне большего и не требовалось. В платок был завернут увесистый столбик монет. Единственное оружие, которым мне удалось обзавестись под неусыпным надзором властей. Я изготовил его ночью, под простыней. Как только Паков отвел глаза, сверток врезался ему в висок. Он с тихим стоном обмяк.

Стон еще звучал, а я уже давил на кнопку аварийной остановки. Сработали тормоза, мотор затих, и машина остановилась. В двенадцати шагах от намеченной точки. Точно в яблочко. Выскочив из машины, я рванул что было сил.

Потому что, как только я обезвредил Пакова и нажал аварийную кнопку, на пульте слежения вспыхнул сигнал тревоги – салон машины был напичкан микрообъективами. Команда преследователей стартовала одновременно со мной. В запасе у меня были считанные секунды, самое большее – минута.

Хватит ли времени?

Пригнув голову, я на полной скорости нырнул в служебный проезд. Он тянулся позади зданий и выходил на соседнюю улицу. Роботы загружали в контейнеры мусор, не обра-

щая на меня никакого внимания. Это были простые машины типа М, запрограммированные на самую примитивную работу.

Другое дело погонщик. Это был человек с электрохлыстом для управления роботами. Хлыст щелкнул и обвился вокруг меня, в бок кольнул электрический разряд.

Глава 5

Довольно неприятно, мягко говоря, но я укол едва ощутил. Напряжение было небольшое, как раз такое, чтобы управлять роботами, а не разрушать блоки памяти. Я ухватился за хлыст и резко дернул.

В полном соответствии с планом. Каждый день, проезжая мимо, я видел погонщика и его стадо на одном и том же месте. Что-что, а порядок на Клианде в чести. Погонщик, детина с толстой шеей и зверской физиономией, просто обязан был кинуться на бежавшего чужака – и он не обманул моих надежд.

Когда я рванул хлыст на себя, погонщик потерял равновесие и сделал шаг вперед, разинув рот. Пришлось треснуть ему по отвисшей челюсти. Рот захлопнулся.

Верзила зарычал, тряхнул головой и, вытянув руки, бросился на меня.

А вот так мы не договаривались, это не по плану. Он должен был тут же рухнуть и дать мне возможность осуществить задуманное до подхода главных сил. Откуда мне было знать, что у него не только интеллект как у булыжника, но и прочность черепа соответствующая? Меня прошиб пот, и я едва успел увернуться. Его руки схватили воздух. Уходило время, которого и так не было. Надо обезвредить этого медведя, и как можно быстрее.

И я его обезвредил. Не очень изящно, зато надежно. Сделал боковую подсечку и вспрыгнул ему на спину, чтобы ускорить падение. Потом схватил за голову и трахнул о мостовую. Целых три раза – опасаясь, правда, что дорожное покрытие треснет раньше, чем эта башка, – только после этого он хрюкнул и затих.

Вдали завывала сирена. Я вспотел еще разок. Роботы продолжали грузить мусор, не обращая внимания на людские проблемы.

На погонщике была форма очень символичного грязно-зеленого цвета. Комбинезон застегивался одной-единственной застежкой-молнией. Я расстегнул ее и раздел неподвижное грузное тело. А сирены были все ближе и ближе. А тут пришлось еще стаскивать ботинки, чтобы снять штаны. Операция довольно утомительная, а главное – очень не ко времени.

Эхо сирены отразилось от стен проезда, взвизгнули тормоза.

В страшной спешке я натянул комбинезон поверх осинового костюма и наглухо застегнул молнию. Послышался топот бегущих ног. Схватив хлыст, я полоснул ближайшего робота.

– Погрузи тело в контейнер! – приказал я и отступил назад, следя, как он грузит бывшего хозяина.

Как только его ноги исчезли в баке, появился первый солдат в красном мундире.

– Чужак! – завопил я, указывая хлыстом вдоль проезда. –

Он туда побежал. Очень быстро. Я не смог его догнать.

Солдаты побежали тоже очень быстро. И это хорошо, потому что ботинки погонщика валялись у всех на виду. Я швырнул их в контейнер вслед за хозяином. Потом принялся охаживать хлыстом шестерых роботов.

– Переходим на следующий участок! – приказал я в надежде на то, что они запрограммированы на дежурный обход.

Так оно и было. Грузовой робот двинулся вперед, остальные гуськом потянулись за ним. Я, с хлыстом в руке, замыкал колонну. Наша маленькая процессия вышла на улицу, забитую солдатами и полицейскими. Вокруг сновали машины, водители орали на нас. Колонна роботов пробивалась через эту толчею на другую сторону улицы, мне ничего не оставалось, как поспешить за ними с застывшей улыбкой. Давать новые команды было боязно: чего доброго, эта механическая команда устроит сидячую забастовку прямо на проезжей части. Мы миновали машину, из которой вытаскивали ослабевшего Пакова. Пришлось отвернуться от него. На легкий холодок в спине я старался внимания не обращать. Если он узнает меня...

Казалось, прошло два дня, прежде чем первый робот скрылся в переулке и я оказался в относительно безопасном месте. Несмотря на прохладную погоду, пот лил с меня градом. Роботы приступили к работе, а я привалился к стене, чтобы хоть немного перевести дух. На злополучной улице

машин становилось все больше. Да, кругом действительно были всерьез озабочены моей судьбой. Над головой прогрохотало звено самолетов.

Что дальше? Хороший вопрос. Очень скоро, как только след чужака будет утерян, кто-нибудь обязательно вспомнит о единственном свидетеле его побега. И они непременно захотят потолковать с погонщиком роботов. Пока этого не произошло, мне следует где-нибудь спрятаться – но где? В средствах я был сильно ограничен: команда роботов-мусорщиков, электрохлыст и два мундира – один под другим, – каждый из которых делает меня весьма заметной персоной. Электрохлыст годился лишь на то, чтобы погонять роботов, не та сила тока, чтоб использовать его в качестве оружия. Что же делать?

Внезапно рядом послышался скрежет, я отпрыгнул в сторону. Ржавая дверь скользнула вверх, и на улицу выглянул толстый человек в белом колпаке.

– Слободан, я приготовил для тебя бочку! – крикнул он и удивленно воззрился на меня. – Да ты не Слободан...

– Точно. Я не Слободан. Его здесь нет. Он в больнице. Грыжу удаляет.

Неужели это счастливый случай? Говорил я быстро, а думал еще быстрее. На соседней улице суеты было хоть отбавляй, однако сюда, в служебный проезд, пока никто не заглядывал. Я стегнул ближайшего робота хлыстом.

– Следуй за этим человеком, – приказал я и махнул рукой

в нужном направлении.

Белый колпак скрылся, робот последовал за ним, а мне оставалось пойти следом.

Прямо на кухню. Очевидно, это ресторан – кухня была огромна. Кроме нас, тут никого не было.

– Когда вы открываетесь? – поинтересовался я. – Аппетит от работы разыгрался.

– Только вечером. Эй! Скажи этому роботу, чтобы отстал от меня. Пусть лучше заберет помои.

Повар метался по кухне, а робот преданно топал по пятам. Прекрасная пара.

– Робот! – Я щелкнул хлыстиком. – Хватит тебе бегать за этим человеком. Возьми его за руки, чтобы не дергался.

Электронные рефлексy робота сработали гораздо быстрее, чем реакция повара. Стальные руки сомкнулись. Повар жалобно раскрыл рот – пришлось закрыть его колпаком. Он сердито замычал и принялся жевать кляп. И жевал все время, пока я привязывал его к стулу. Кляп пришлось тоже обвязать. Никто пока не появлялся – вот ведь повезло!

– Вон отсюда! – Я щелкнул по металлической спине и ото-слал робота прочь.

Роботы вкалывали, а я беззаботно полеживал, пока не пришло время давать новые указания.

– Возвращайтесь! На то же самое место, откуда утром пришли. Вперед!

Они четко, по-военному, развернулись и потопали восво-

яси. Слава богу, хоть в другую сторону от улицы, на которой мы недавно были. Я вернулся на кухню. Опасаться пока нечего. Рано или поздно меня, конечно, вычислят через мусорщика, но где я покинул команду роботов – этого так сразу не узнать. Все складывалось просто прекрасно.

Связанный повар ухитрился повалить стул и теперь полз к выходу, извиваясь всем телом.

– Нехорошо, – пожурил его я, снимая со стены самый большой тесак.

Он испуганно замер, вытаращив глаза. Положив тесак и хлыст на видное место, я огляделся. Надо отдышаться и немного подумать. Хватит метаться и импровизировать. Внезапно издалека донеслись стук в дверь и резкий звонок. Пришлось опять взяться за тесак. Похоже, вся операция пройдет под лозунгом: «Выдумывай и пробуй!»

– В чем дело? – поинтересовался я у повара, вынудив на секунду кляп.

– Это у главного входа. Кто-то пришел, – хрипло выдохнул он, не отрывая глаз от занесенного над его головой тесака.

Я вставил кляп на место, прокрался к двери и чуть-чуть приоткрыл ее. Там был пустой и темный обеденный зал. Со стороны главного входа доносились звон и стук. Из ресторана на шум никто не явился, – видимо, никого тут не было, кроме нас с поваром.

– Чего надо? – попытался я изобразить манеру повара обращаться с людьми.

– Служба ремонта холодильников. Вы нас вызывали. В чем дело? Какие проблемы?

– Большие! – Сердце мое радостно екнуло. – Захватите инструменты.

Механик приволок огромный ящик. Я впустил его, аккуратно закрыл дверь, а потом плашмя съездил ему тесаком по голове. Он немедленно свалился. Мундир у него был темно-зеленый, это немного лучше, чем наряд осы или мусорщика, да и выбора нет. Я быстро раздел его, а потом привязал к стулу напротив повара. Они затеяли молчаливый разговор взглядами. Впервые преследователи отстали от меня на целый корпус. Если повезет, то обоих пленников обнаружат не раньше чем через несколько часов, и только потом полиция выйдет на мой след. Я напялил зеленую униформу, приготовил несколько бутербродов, захватив ящик с инструментами, отдал честь обоим пленникам и покинул ресторан через главный вход. Там стоял большой моторобот и тихонько гудел. В руках у него был еще один ящик с инструментами. На его железной груди, как и у меня, красовался знак фирмы.

– Прокатимся с комфортом, – порадовался я. – Держи. – И едва успел отдернуть руку, когда его рука ухватила за ящик.

В поездках по городу я часто встречал таких мотороботов, однако вблизи их видеть не приходилось. На спине у него было что-то вроде сиденья для оператора, но как туда взобраться – решительно не ясно. Может, он должен встать на

колени, или где-то есть ступенька, или еще как? По улице проносились машины и роботы, быстрым шагом приближались отряд солдат. Меня опять прошиб пот.

– Я хочу есть, и немедленно.

Ничего не произошло. Солдаты подошли еще ближе. Робот возвышался недвижимый как статуя. От него помощи не дождешься. Что-то надо делать. Я одной ногой уперся в выступ на его бедре, ухватился за сигнальный фонарь и вскарабкался в седло. Внутри загудели моторчики – робот приспособливался к моему весу. Мимо протопали солдаты. Не обращая на меня внимания.

Сиденье было удобное, обзор прекрасный. Моя голова возвышалась над землей метра на три. Вот только непонятно, что делать дальше. Хотя если смотаться отсюда, то наверняка появятся какие-то варианты. На голове робота находился небольшой пульт управления. Я нажал кнопку с надписью «Марш». Робот задрожал и принялся маршировать на месте. Для начала неплохо. Довольно быстро обнаружилась кнопка «Вперед». Мы тронулись вперед легкой рысью. Вскоре вся полицейская кутерьма осталась далеко позади.

Нужен план. Мой механический скакун мчался через центр города, а я предавался размышлениям. Опять я один против целого мира. Очень поэтично, но нелегко. Утешает только то, что мне уже приходилось бывать в такой ситуации, а мир Клианды такого еще не видел. Вся система безопасности свидетельствовала о том, что иностранцев здесь бывает

мало, а те, что появляются, находятся под строгим надзором. Вероятно, власти еще ни разу никого не упускали и мой побег – это большая неприятность. Полетят головы. Прекрасно. Лишь бы не моя. В каком-то смысле даже есть некоторое преимущество. Властям обо мне ничего не известно, кроме легенды прикрытия. Если удастся раствориться в этом жутком мире, то обнаружить меня будет невозможно. До тех пор, пока я буду лежать на дне. Активную деятельность придется ненадолго отложить. Сейчас надо спасать свою бесценную шкуру, а уж потом можно подумать о будущем.

Впереди показался выезд из города. И многочисленная охрана, которая внимательно обыскивала и осматривала всех выезжающих. Легкого нажатия на кнопку «Влево» было достаточно, чтобы мой скакун устремился в боковую улочку, унося меня от опасности. Город я покину, как только захочу. Просто еще время не пришло.

К полудню мои познания о городе расширились, равно как и мозоли на заднице. Робот двигался все медленнее, – очевидно, он нуждался в подзарядке.

Я бы тоже не отказался подзаправиться бутербродами из инструментального ящика. Нам обоим необходим отдых. Не исключено, что моих пленников уже обнаружили и охота идет по новому следу. По пустынным боковым улочкам я пробрался в район заводов, чтобы отыскать укромное местечко. Тут было несколько заброшенных заводов и складов, которые вполне подошли бы для моих целей.

Так оно и было. На окнах висела паутина, петли ворот покрыты ржавчиной. Вокруг никого, а замок такой, что можно открыть пальцем в полной темноте. Вскоре дверь распахнулась. Так и есть – ни души. Мы скользнули внутрь, засов с легким щелчком встал на место. В дальнем углу двора покоился огромный древний механизм, словно заброшенный в джунглях идол. Валявшиеся у его подножия листы картона напоминали жертвенные подношения. Прекрасно. Перекусив, я успокоился. Осмотрел здание и отыскал пустую комнату без окон. Притащил туда фонарик, карандаш и чистый лист жертвенного картона. Пора предпринять следующий шаг.

Зажав в руке карандаш, я уставился на освещенный чистый лист картона и заговорил вслух:

– Слушай внимательно. Память начинает работать. Отсчет начнется с десяти. Моя усталость будет нарастать, и на счет «ноль» я усну. Ключевое слово для памяти – Занаду!¹ Десять, – бодро произнес я. – Девять... – Напала зевота.

На счет «пять» глаза сомкнулись. Не помню, дошел ли я до нуля.

---

¹ *Занаду* – переименованное название Шанду – летней резиденции монгольского императора Хубилая. Популярность получило после появления поэмы С. Т. Кольриджа «Кубла Хан» (1797). Встречается также неправильная транскрипция этого слова кириллицей как Ксанаду, однако буква «х» в начале слова произносится как русское «з».

Глава 6

Когда я проснулся, пальцы мои не гнулись, руку свело, глаза жгло нестерпимо. Большой лист картона был сплошь покрыт сложной, запутанной схемой. Подсознание – это отличное место, где можно прятать самые разные вещи. Я не только получил схему, но и понял, как ею пользоваться. План был потрясающе прост. Я даже позавидовал разработчику. Потребуется немного времени и куча электроники. Ее предстоит украсть. Я потянулся, размял онемевшие мускулы. День выдался тяжелый, а гипнотический транс – это вам не обычный сон. Завтра будет полегче, да и погоня немного поутихнет.

Следующие два дня были заполнены хлопотами. Стальная Крыса обрела нору, теперь нужно поработать. Город жил своей обычной жизнью. Поиски наверняка шли не ослабевая, но где-то вдали от моего убежища. Я паял, клепал, беззаботно воровал еду и необходимые предметы. Похоже, на Клианде преступности практически не было, как не было и никаких предосторожностей против воровства, которым я занимался довольно активно. Либо преступники были уничтожены как класс, либо они правят этой планетой. Последнее очень похоже на правду. Период моего уединения скоро подойдет к концу. Придется выйти из укрытия и заняться активным шпионажем, то есть своей непосредственной ра-

ботой.

Удрать из города оказалось намного легче, чем я думал. Ненавязчиво отираясь у ворот, я выяснил, что проверкой занимаются военные, и занимаются с присущими им простотой и прямодушием. Обмен четкими приветствиями, проверка бумаг, беглый осмотр, шлепок печати – и проваливай. Надеюсь, что у меня тоже не будет особых трудностей. Пришлось захватить военный грузовик, чтобы придать операции военный вид. Это было вечером. Я поставил робота на дороге. Грузовик с визгом затормозил. Из окна, осыпая меня проклятиями, высунулся водитель. Многие ругательства я слышал впервые и постарался их запомнить на будущее. К счастью, он оказался один.

– Тебя тем же самым и по тому же месту, – огрызнулся я. – Нехорошо так со штатскими разговаривать. Положение чрезвычайное.

– Какое положение? – спросил он подозрительно.

– Чрезвычайное! – с воодушевлением ответил я.

Он сразу обмяк, как только игла впиалась ему в шею. Не зря же я сделал набег на склад медицинских препаратов. Я отодвинул его в сторону, загнал робота в кузов и понесся к своему убежищу за вещами. Мои пожитки прекрасно разместились среди ящиков с провизией, банок с ваксой и прочими военными припасами. Переодевшись в красный солдатский мундир, я уложил воина спать в своей зеленой униформе, сердечно распрощался с роботом – единственным своим

приятелем на этой недружелюбной планете. Он в ответ промолчал, но я на него не в обиде. Поехали.

Военные с обычной для них сдержанностью приняли мои бумаги, проверили, отметили, и вот она – свобода. Я весело помчался навстречу ночи и второй фазе своего плана. Чтобы запутать следы, пришлось долго петлять, менять машины. Потом был длинный перегон через центральную пустыню к намеченной цели. Это была огромная скала, одиноко торчавшая среди песчаного моря. Формой она сильно напоминала горшок и по-клиандски называлась Лунак. Что на местном языке означает «горшок». Судите сами о богатстве воображения местных жителей. Машина скрылась под маскировочной сеткой. Мне пришлось потратить целых семь дней, чтобы сделать все необходимое. Своими руками, правда не без помощи землеройного робота, я выстроил ни много ни мало полностью автономное подземное убежище в ста метрах от Горшка.

На этом подготовка к третьей части операции была закончена. Она начнется этой ночью. Мой маленький самодельный радиопередатчик был настроен и готов к работе. Его антенна указывала точно в зенит. Ровно в полночь я отправил в космос узкий, направленный радиосигнал. Передатчик работал только тридцать секунд.

Вот и все. Кости брошены, следующий ход теперь за ними. Они – это отдел Специального корпуса, который готовил эту часть операции. Надеюсь, что подготовились они на совесть,

но это выяснится только вечером следующего дня. Если все правильно (на слове «если» я закусил губу), то они – и только они – примут мой сигнал. Очень узкий и очень направленный. Такой сигнал невозможно засечь. Клиандцы ничего не должны узнать. В движение придут огромные силы. Мощные компьютеры сделают расчеты, полыхнут пламенем дюзы гигантских ракет. Выбранный метеорит придет в движение. Далеко в космосе, вне радиуса действия локаторов Клианды. Он двинется сюда, точно нацеленный на одинокую скалу под названием Горшок. Ждать его придется целый день и еще ночь.

Чтобы не трепать нервы томительным ожиданием, я устроил себе маленький праздник. С хорошей едой, если консервированную пищу можно назвать хорошей, и доброй выпивкой – тут выбор был побольше. Обед с вином, затем крепкие напитки. На десерт я выкурил сигару и посмотрел на портативном проекторе пару непристойных фильмов из армейской фильмотеки, довольно крутых. Для солдат. Но сейчас, в пустыне, они смотрелись вполне прилично. А потом меня сморил сон.

Так прошла ночь, затем день, и снова наступила ночь. Как только стемнело, я выбрался наружу и принялся рассматривать через бинокль черное небо. Квадрат за квадратом. Ничего. До условленного часа было еще далеко, а я уже сгорал от нетерпения. Теперь весь план представлялся мне совершенно абсурдным. Вдобавок ко всему я чувствовал се-

бя совершенно одиноким и заброшенным на чужой планете, за многие световые годы от цивилизации. Очень неприятное ощущение. Пришлось хорошенько хлебнуть из фляжки.

Если все идет нормально, то сейчас огромный каменный монолит несется к Клианде, курсом на столкновение. Когда его засекут локаторы системы обороны, то примут за обычный космический мусор. Он войдет в атмосферу и вспыхнет. Это исключит всякие подозрения, если они возникнут. Ни одно живое существо не в состоянии вынести такого сочетания перегрузки и температуры. Траекторию падения проследить будет практически невозможно из-за большого количества сопутствующих обломков. Метеорит пронзит атмосферу и с сокрушительным ударом врежется в землю. Расследование будет неспешным, и до прибытия исследовательской партии много чего должно произойти. Я надеюсь. Это все выглядит очень неплохо в теории, а на практике представляется полным сумасшествием.

Ровно в полночь на небе вспыхнула звезда. Я со вздохом облегчения отложил в сторону фляжку. Все шло точно по расписанию. Звезда загоралась все ярче, еще ярче и еще. И летела прямо на меня. Расчеты делали первоклассные астрономы и компьютеры, это было известно – но не до такой же степени! Может, эта штука рухнет прямо мне на голову?

Не прямо. Метеорит слегка отклонился в сторону. Понесся жуткий рев, будто вскипел огромный чайник. Как только горящий болид скрылся за Горшком, раздался рас-

катистый взрыв, пламя на миг осветило окрестности. Я не мешкая вскочил в машину. Вперед!

Фары выхватили из темноты свежую воронку, над которой висели тучи дыма и пыли. На дне ее дымился обломок метеорита. Точно в десятку! Я отогнал машину за ближайший пригорок и нажал на кнопку передатчика. Раздался второй взрыв, куда более слабый. Над головой просвистели осколки. При помощи зарядов метеорит был расколот надвое. Амортизирующая жидкость, предохранявшая груз, быстро впиталась в землю.

Тут послышался быстро нараставший рев реактивных двигателей. Пришлось потушить фары. Черные треугольники мелькнули над головой и заложили вираж. Тут уж я в полной мере оценил как степень подозрительности клиандцев, так и четкость работы радарно-компьютерной службы. Времени оказалось не так уж много. Стараясь не обращать внимания на жар, исходящий от метеорита, я спрыгнул в кратер.

Оборудование, запакованное в плоские контейнеры, было цело. При тусклом свете звезд я перетащил их в машину. Над головой кружили самолеты, пытаюсь обнаружить точное место падения болида. Не много же они могли рассмотреть на такой скорости, да еще ночью. Наверняка уже выслан менее скоростной самолет. Специально оборудованный для поисковых работ. При этой мысли у меня в голове раздался шум воображаемых пропеллеров. Это меня подстегнуло. Тяжело отдуваясь, я загрузил в машину последний ящик, дождал-

ся, когда самолеты проскочат мимо, и поехал к своей норе. Ехать пришлось на максимальной скорости, объезжая ямы и валуны, подпрыгивая на ухабах. Самолеты легли на обратный курс, пришлось остановиться и ждать, пока они опять не пролетят, стараясь самому себе казаться меньше малого. Еще один бросок – и я у входа в убежище. Как только первые контейнеры скрылись под землей, послышался шум двигателей. Вдали блеснули огни фар. Я как попало побросал контейнеры вниз и уже собрался нырнуть вслед за ними, но тут над головой мелькнули огромные крылья, и меня накрыл слепящий свет.

В глазах еще плясали блики, но я на ощупь включил зажигание, передачу и выскочил из рванувшейся вперед машины. Опять накатила волна света, я как подкошенный рухнул на бок и замер.

Свет проникал даже сквозь закрытые веки. Мне показалось, что прошла вечность, а не несколько секунд. Я кубарем скатился вниз, в кровь побив колени об острые углы контейнеров. Потом, словно крот, в крошечной тьме толкал и пихал ящики сквозь тесный ход. Сверху доносился рев самолетов, затем послышалась стрельба, загремели взрывы.

– Отлично, – выдохнул я. – Оружие делается для того, чтобы из него стрелять, вот они и стреляют. Я так и думал, что эти ребята любят пострелять, и рад, что не ошибся.

Громкий взрыв возвестил, что моей машине пришел конец. Лучше и быть не может. Я на ощупь отыскал передат-

чик и не спеша взобрался по лестнице.

Удобно расположившись на верхушке лестницы, упершись локтями в землю, я наблюдал за представлением. В небе были реактивные самолеты, трещали пропеллеры. Гремели разрывы бомб, посвистывали пули. Красиво горела моя машина, выбрасывая языки пламени каждый раз, когда в нее попадал шальной снаряд или пуля. Треск выстрелов и грохот разрывов понемногу стихали. Чтобы оживить бой, я нажал на кнопку передатчика.

С вершины Горшка ударили скорострельные орудия, время от времени взлетали ракеты. Каждый второй снаряд был трассирующим, так что шоу удалось на славу. Самолеты перестроились и снова бросились в атаку. Вершина Горшка и земля вокруг него потонули в пламени. Для этой шутки я использовал исключительно клиандское оружие. Было забавно наблюдать, как армия воюет, по сути дела, сама с собой. Метрах в тридцати от меня взорвалась бомба, за шиворот посыпался песок. Эта часть спектакля подошла к концу. Пора играть финал.

Я торопливо полез назад в нору, обрушивая за собой тучи песка, втащил лестницу и провода. Песок, вынутый при строительстве, удерживался над входом при помощи досок, и, когда я их выбил, он обвалился вниз с неожиданной скоростью. Я едва успел закрыть дверь. Потом сосчитал до десяти, чтобы обвал наглухо запечатал входную шахту, и нажал на кнопку.

Ничего не произошло.

А это была важная часть всей операции. Пока наверху рвутся бомбы и содрогается земля, лишнего взрыва никто не заметит. Того самого взрыва, который должен уничтожить все следы моей деятельности. Если заряд сейчас не взорвется, то найти меня и выкурить из норы будет очень и очень просто.

Тут меня осенило – нельзя быть таким глупым. Это очевидно – сигнал моего маломощного передатчика не может пробиться сквозь толщу песка. Я включил фонарь и сразу увидел торчавший из стены провод, на нем даже бирка висела с номером 2. Если бы не спешка проклятая...

Но спешить все-таки надо. Грохот наверху затихал. Видимо, автоматический противник на вершине Горшка был окончательно и полностью разбит. Если мой маскирующий взрыв не грянет прямо сейчас, то позже он будет выглядеть, мягко говоря, подозрительно. Я прикрутил провод номер 1 к антенне и опять нажал на кнопку. Повисла мертвая тишина.

Пока не грохнуло прямо над головой. Взрыв, казалось, перетряхнул все мои кости. Бетонная пещера загудела, как барабан, с потолка посыпались осколки и пыль. Теперь я в безопасности. Как таракан за печкой. Включив свет, я осмотрел убежище, в котором мне предстояло прожить пару недель. Автономный энергоблок, пища, вода, регенератор атмосферы – все, что нужно человеку для жизни. Кристаллические схемы, приборы, прибывшие в метеорите. Надо немного по-

работать, чтобы привести в порядок свою экипировку, и я буду готов сразиться с целым миром. Тем временем пустыню тщательно прочешут, погоня утихнет. Никогда им не додуматься до того, чтобы копнуть у себя под носом, никогда! С довольной улыбкой я откупорил бутылку за свое здоровье.

Глава 7

Уже не вор и не беглец. На тринадцатый день я открыл дверь и снова выбрался на поверхность. Этот символический акт означал окончание моего затворничества и начало новой жизни на Клианде. Имея всевозможные удостоверения и разнообразные мундиры, было легко играть любые роли в этом жутком обществе. Я старался держаться поближе к военным и копил силы для главной атаки.

Чтобы подготовить ее, мне понадобилось вылететь в Досадинглуп, небольшой провинциальный городок, расположенный по соседству с военной базой Глупост. Насколько мне было известно, там же находился главный космопорт, откуда стартовали межпланетные экспедиции. Вот почему я отирался около стойки регистрации мест – хотелось узнать, кто и где будет сидеть. В результате мое место оказалось рядом с очень интересной персоной.

Интересной только для меня, позвольте уточнить. С точки зрения любого нормального человека, пилот-майор был не очень привлекателен. У него была огромная, зловеще выдающаяся вперед челюсть, а ямочка на подбородке казалась трещиной. Из-под мощных обезьяньих надбровных дуг подозрительно смотрели черные глазки, огромные ноздри заросли шерстью. Но меня не это волновало. Я рассматривал черную форму Космической Армады, многочисленные на-

грады за отличную службу, значок старшего пилота в форме ракеты с крылышками. Такой-то мне и нужен.

– Добрый вечер, сэр, очень рад. – Я опустился в соседнее кресло. – Приятно путешествовать с хорошим попутчиком.

В ответ он навел на меня свой нос-двустволку и презрительно фыркнул, что означало конец приятного разговора. Улыбнувшись, я пристегнул ремень. Самолет рванулся в ночное небо, тело мягко вжалось в кресло. На крейсерской скорости крылья почти полностью спрятались в фюзеляж. Я достал фляжку и две рюмки.

– Осмелюсь предложить вам, капитан-майор, выпить немного в знак признательности за вашу многотрудную службу во славу нашей Клианды.

На этот раз он не фыркнул, а нечистым ногтем ковырнул в зубах и вытащил на свет божий остаток обеда. Внимательное изучение показало, что остаток слишком велик, чтобы им бросаться, и майор с удовольствием его проглотил. Да, у простого человека и удовольствия нехитрые. Я предложил ему кое-что получше.

– Ничего сто`ящего крепкому парню тут не подадут. А это – нарколет. – Я причмокнул от удовольствия.

Он в упор глянул на меня, и его губы сложились в непривычную для клиандца улыбку.

– Хлебну, пожалуй, – произнес он грубым голосом.

Еще бы, маленькая фляжка такого напитка обошлась бы ему в месячное жалованье. Нарколет – самый дивный на-

питок из всех известных человечеству, изготавливается из редкого растения на маленькой планетке где-то на окраине Галактики, в очень ограниченном количестве. Успокаивающий, нежный, обворожительный, пьянящий, бодрящий, возбуждающий, стимулирующий. Он вобрал в себя лучшие качества всех напитков, к тому же не дает никаких побочных эффектов и не вызывает никакого похмелья. Майор взял предложенную рюмку, втянул аромат устрашающими ноздрями и проглотил напиток одним духом.

– Недурно, – похвалил он.

В ответ на столь простодушный комплимент я улыбнулся и назвал свое новое имя. Он немного подумал и довольно быстро сообразил, что от него ждут того же.

– Пилот-майор Васька Хулья.

– Очень приятно, сэр, очень приятно. За ваше здоровье я выпью прямо из горлышка: рюмки для такого случая слишком малы.

Наш остроносый самолет еще не успел добраться до звукового барьера, а я уже почти полюбил майора. Это была здоровая, цельная человеческая глыба, без единой трещинки сомнения, без малой оспинки неудовлетворенности. Как паук не может быть плохим пауком, а пиявка не может быть плохой пиявкой, так и майор был совершеннейшим идиотом. Дух его разыграл, язык развязался, и пилот-майора понесло:

– На двоих у нас было двенадцать бутылок, пачка забитых

косяков, нормально на пару дней, мы сняли двух телок, одну про запас, ну так, на всякий случай, и давай их...

Или о представителях иных миров:

– Просто животные. С ними приличному человеку путаться никак нельзя. Конечно, Клианда – это центр по-настоящему разумной жизни во всей Вселенной, единственная цивилизованная планета...

И так далее в том же духе. Мне оставалось только кивать головой, изображая восхищенное внимание. Великолепный экземпляр, как я уже отметил. Сильно он меня порадовал, когда сообщил, что его только что перевели на базу Глупост после переподготовки. Это было его первое назначение на такую крупную базу после долгих лет службы на передовой. Да, судьба играет человеком.

Надо было решаться на очень рискованный шаг – но упускать такой шанс нельзя. После долгих недель изучения общественного устройства Клианды я знал этот мир в совершенстве. Так мне казалось. Пришло время проверить свои познания на практике. Большей частью я вращался на задворках светского общества, а не среди военной элиты, а военные здесь – высшая каста. Они правили этим миром, и не только этим. Вопреки всем законам логики, истории и мирового порядка. Надо собраться с силами и преодолеть последнюю преграду.

Я поступлю в армию. В чине капитан-майора. Самолет зашел на посадку, и я приступил к активным действиям.

– Васька, а тебе что, сразу надо прибыть на базу? – После крепкого мы перешли на «ты».

Он отрицательно мотнул головой:

– Завтра явлюсь.

– Отлично! Не собираешься же ты провести последний вечер в холодной постели офицерской гостиницы?

Я принялся описывать все прелести теплой постельки. Упомянул и хорошую еду, и добрую выпивку, так, на всякий случай. Фляжка поднялась еще раз, и мой друг с энтузиазмом одобрил мой план.

Мы получили багаж и не мешкая отправились на роботакси в «Досадинглуп роботник». Сеть таких отелей, полностью роботизированных, механизированных и компьютеризированных, покрывала всю планету. Люди из обслуживающего персонала появлялись там лишь изредка, чтобы проверить автоматику и забрать выручку из кассовых аппаратов. Мне довольно часто приходилось пользоваться отелями такого типа по вполне понятным причинам, но людей встречать не приходилось. Случалось иногда сталкиваться только с другими постояльцами. Гостиницы «Роботник» – это настоящие островки уединения в океане всеобщего любопытства. Там, конечно, были свои неудобства, но я научился их не замечать. Вот в «Роботник» мы и отправились.

Когда мы подошли к двери, она гостеприимно распахнулась. Навстречу нам из ниши выкатился робот и запел:

Мы известны в целом мире.
Добро пожаловать в «Досадинглуп роботник»!
О багаже я позабочусь.
Прикажите – все исполню!

Все это было исполнено мягким контральто в сопровождении оркестра духовых инструментов. «Дежурное блюдо» всех «Роботник»-отелей. Я это просто ненавидел. Поэтому пнул робота, чтобы не путался под ногами, и показал на роботах:

– Багаж там. Пять мест. Тащи.

Тот откатился к машине, засунул внутрь цепкие манипуляторы. А мы вошли в холл.

– Разве у нас не четыре места? – Васька задумчиво нахмурил бровь.

– Ты прав. Наверное, я ошибся. – Но робот уже тащил наши четыре чемодана плюс заднее сиденье, выдранное с мясом из салона такси. – Теперь уже пять.

– Добрый вечер... джентльмены. – Робот-портье слегка запнулся, считая нас и определяя наш пол. – Чем могу служить?

– Нам нужен самый лучший номер. – Я назвал вымышленное имя и адрес, опуская банкноты по сто богинье в прорезь конторки.

В «Роботнике» было принято платить вперед, сдача выдавалась при отъезде. Коридорный робот, вооружившись ключом, проводил нас до номера, распахнул дверь, и вновь гря-

нула торжественная музыка, словно возглашая второе пришествие.

– Спасибо и проваливай!

Я нажал кнопку на его груди с надписью «Чаевые». Два богинье автоматически были поставлены мне в счет.

– Закажи еду и выпивку, – предложил я пилот-майору, показав на меню, висевшее на стене. – Все, что пожелаешь, но бифштексы и шампанское – обязательно.

Ваське эта идея понравилась. Пока я разбирал чемоданы, он хлопотливо нажимал на кнопки. С помощью наручного детектора мне удалось выяснить, что в номере стоит только один оптико-акустический «жучок», в том же самом месте, что и в других отелях. Издержки стандартизации. Перед тем как открыть чемодан, я заслонил его креслом.

Дверца буфета распахнулась – прибыло шампанское и охлажденные фужеры. Васька с упоением жал на кнопки. Мой кредит, высвеченный на табло большими цифрами, стремительно таял. Чтобы отвлечь его от этого занятия, я выстрелил пробкой в стену прямо над его головой и наполнил бокалы.

– Выпьем за Космическую Армаду! – Я протянул ему бокал, незаметно бросив туда зеленую пилюлю.

– За Космическую Армаду!

Он разом осушил бокал и затащил воинственную песню о сверкающих ружьях, бравых солдатах, пылающем солнце. Мне она не понравилась с первых слов. А ведь придется вы-

учить.

– Ты выглядишь усталым, – оборвал я его. – Не хочешь ли поспать?

– Поспать?.. – Голова его сонно качнулась.

– Мне кажется, тебе вздремнуть не помешает.

– Вздремнуть...

Бокал выпал из его рук на ковер. Васька с трудом поднялся, дотащился до ближайшей кровати и обессиленно рухнул.

– Да ты совсем замотался. Спи спокойно, к обеду я тебя разбужу.

Гипнопилюля сделала свое дело. Васька послушно закрыл глаза и сразу захрапел. Если нас кто-то и подслушивал, то ничего подозрительного не услышал. Подали роскошный обед – его хватило бы на целый взвод. Старина Васька моих денег не пожалел. Я слегка перекусил перед работой. Потом открыл чемодан, приготовил необходимые инструменты и материалы.

Первым делом обезболивающая инъекция, чтобы «заморозить» лицо. Как только препарат подействовал, я усадил храпящего пилот-майора лицом к свету. Это будет совсем не трудно. Сложение у нас примерно одинаковое, а полного сходства и не требуется. Лишь бы было похоже на карточку в его удостоверении. На плохоньком фото был изображен некто, более напоминавший обриту наголо обезьяну, чем нормального человека. С подбородком пришлось повозиться изрядно. Обильные инъекции желеобразного пла-

стика придали ему героические Васькины пропорции. Пока пластик не затвердел, я вылепил мелкие детали и занялся бровями. Немного пластика и искусственные черные волосы обеспечили желаемое сходство. Контактные линзы изменили цвет глаз, а распорные кольца увеличили ноздри. Оставалось только перенести отпечатки пальцев на слой прозрачного пластика, покрывающего мои подушечки. Но это уж совсем чепуха.

Пока я подгонял по фигуре парадный Васькин мундир, Васька успел перекусить. А потом заснул опять, но на этот раз в другой комнате, чтобы не храпеть у меня над ухом.

Я выпил и тоже завалился спать. Завтра будет тяжелый день – предстоит вживаться в новый образ. Начнется служба в Космической Армаде.

Если повезет, то я раскрою тайну выдающихся военных успехов Клианды.

Глава 8

– Извините, сэр, но я не могу вас пропустить, – произнес охранник.

Ворота были стальные, тяжелые. Поверху высокой каменной стены тянулись ряды колючей проволоки.

– Что значит «не могу»? Мне приказано явиться на Глу-пост! – заорал я. – Давай жми на кнопку, или что там у тебя, и открывай ворота!

– Я не могу их открыть, сэр, база закрыта изнутри, здесь просто наружный караульный пост.

– Позови своего командира.

– Я уже здесь, – раздался голос рядом. – В чем дело?

Я обернулся и впился глазами в лейтенантский значок, а офицер, в свою очередь, уставился на мой знак пилот-майора. Этот раунд остался за мной. Он отвел меня в караульное помещение, где принялся названивать по видеофону. Наконец с экрана на меня сурово глянул полковник со стальными глазами.

– Пилот-майор, база закрыта! – отчеканил он.

– Но у меня приказ, сэр.

– Вы обязаны были явиться вчера, а не сегодня.

– Извините, сэр, тут, видимо, какая-то ошибка. У меня в приказе указано сегодняшнее число.

Я достал бумаги и сразу увидел, что явиться надо было

действительно вчера. Здорово меня Васька подставил. Полковник зловеще улыбнулся, как удав лягушке.

– Если бы ошибка была в бумагах, пилот-майор, то исправить ее было бы проще простого. Но поскольку ошибка лежит на вашей совести, лейтенант, то это сильно меняет дело. Ступайте на пропускной пункт.

Экран погас. Ухмыляющийся лейтенант выдал мне новенький комплект лейтенантских значков. Пришлось своими руками понизить себя в чине. Надеюсь, в Космической Армаде повышение получить так же просто. Постовой проводил меня к другой двери. Проверка бумаг и отпечатков пальцев заняла всего несколько минут. Наконец распахнулась последняя дверь, и я оказался на базе Глупост.

Появилась машина, солдат погрузил в нее мои чемоданы. Мы поехали к офицерским казармам, где мне отвели комнату. Всю дорогу я глазел по сторонам. Но ничего интересного не увидел. Кто видел хоть одну военную базу в своей жизни – тот видел все базы. Здания, палатки, марширующие солдаты, машины – всегда одного цвета и везде одинаковы. Однако мне нужно узнать кое-что поважнее. Солдат доставил мои чемоданы в комнату, откозырял и исчез. Тут со второй кровати раздался хриплый голос:

– У вас, случайно, выпить не найдется?

Присмотревшись, я разглядел в куче одеял тощего субъекта в темных очках. Видимо, эта фраза отняла последние его силы. Он застонал идохнул перегаром.

– Случайно найдется. – Я открыл окно. – Меня зовут Васька. Что вы предпочитаете?

– Остров.

Напиток с таким названием был мне неизвестен. Может быть, так зовут моего соседа. Я вытащил из своих запасов бутылку самого крепкого и налил полстакана. Он схватил его трясущимися пальцами и, весь дрожа, выпил. После этого ему полегчало настолько, что он даже смог сесть и протянуть стакан за следующей порцией.

– Вылетаем через два дня, – поведал сосед, осторожно приюхиваясь к напитку. – Это, случайно, не растворитель?

– Нет. Запах сделан специально для военной полиции. Куда летим?

– Шутить с утра изволите? Всем известно, что никто и никогда не знает – куда. Вы, случайно, не из службы безопасности?

Он заговорщицки подмигнул. С вопросами мне надо бы пока повременить. Я с улыбкой налил и себе.

– Шутка и вправду неудачная. По правде сказать, я и сам неважно себя чувствую. С утра проснулся пилот-майором...

– И уже лейтенант. Быстро получил – легко потерял.

– Не так-то легко даются звания.

– Извините. Просто болтаю. Сам я вечный лейтенант, и другие ощущения мне неведомы. Будьте любезны, плесните еще чуток. Тогда я смогу одеться и мы пойдем в клуб и выпьем по-человечески. Нам предстоят жуткие сухие недели

без единой капли, до самого возвращения.

Час от часу не легче. Стало быть, перед боем клиандские воины укрепляют свой дух простой водицей? Что же делать? Сделав приличный глоток, я погрузился в мрачные размышления.

Настоящий Васька Хуля будет обнаружен очень скоро. Как это предотвратить – ведь база закрыта?

Следующий глоток попал мне не в то горло. Я закашлялся. Остров участливо хлопнул меня по спине.

– Нет, это все-таки растворитель, – мрачно пошутил он, натягивая мундир.

В офицерский клуб я отправился в мрачайшем настроении. Остров отнес мою неразговорчивость на счет недавнего понижения в чине и не приставал. Что же делать? Надо бы выпить. Сейчас полдень, а бежать с базы лучше поздно вечером. Всему свое время. А сейчас надо хорошенько выпить с новыми товарищами по оружию да заодно заняться сбором информации. Для этого, собственно, я здесь и нахожусь. Перед уходом я сунул в карман пачку проалка. Если принимать по пилюле каждые два часа, то алкоголь полностью нейтрализуется; правда, появится жуткая изжога, но что делать? Буду пить и слушать. Первую таблетку я принял уже в дверях клуба.

Это было очень нелегко. Надо учесть, что пить мне пришлось непрерывно, да еще и других угощать, оставаясь при этом трезвым. Время перевалило за полдень, в клуб тяну-

лись томимые благородной жаждой офицеры. У нашего гостеприимного стола собралось не меньше дюжины бойцов. Все охотно пили, но интересного рассказывали мало.

– Пейте, ребята, пейте, – щедро угощал я, – там ведь этого не будет.

Разговоров, понятное дело, было много. Я кое-что узнал о боевых кораблях. Офицеры громко хвастались атаками, бомбардировками и славными боевыми победами. Единственное, что удалось выудить из этой болтовни, так это полный список побед. Мне было известно, что на Клианде сильная армия, но, глядя на это сборище пьяниц, невозможно было поверить, что она так сильна. Однако это факт. После бесконечных хвастливых историй о сокрушительных победах я начинал во все верить. Ребята здесь – настоящие орлы, а Космическая Армада – непобедима. Это было невыносимо. Орлы валились под стол, но их места занимали другие. Павших уносила прислуга. Я заметил, что остался последним из самых стойких, и решил оставить стол традиционным способом. Закрыв глаза, я откинулся на спинку стула в надежде, что этого будет вполне достаточно. Падать на грязный, заплеванный пол страшно не хотелось. В конце концов они заметили, что я отключился. Сильные руки ухватили меня под мышки, потащили и свалили на что-то.

Когда шаги прислуги затихли, я приоткрыл глаза. Вдоль стен полутемной комнаты стояли койки. Рядом безмятежно похрапывал Остров, трогательно сложив губы наподобие

буквы «О». Остальные были заняты тем же. Я натянул перчатки и, никем не замеченный, вышел на улицу через заднюю дверь. Уже почти стемнело. Пора выбираться с базы, только неясно, каким образом.

Ворота исключались. Стальные, закрытые на все засовы, с полным комплектом охраны. Пришлось пройти мимо. Вдоль стены через каждые сто шагов стояли часовые, а электронные устройства и того чаще. Темнота сгустилась, за стеной зажглись прожекторы. Их свет заиграл на колючках проволоки, протянутой сверху. Все это надежно предотвращало любое проникновение извне, равно как и побег изнутри. Я медленно шел, стараясь перебороть надвигающуюся депрессию. Миновал небольшой аэродром с двумя взлетными полосами и несколькими ангарами. Тут же стояли самолеты. Мне страстно захотелось угнать один из них, но – взлететь-то не проблема, вопрос – где садиться? Мне нужно попасть в город, а не к черту на кулички. Высокий металлический забор отделял аэропорт от космопорта. Можно запросто туда пробраться – однако что это даст? Вдали высилась все та же стена. Вспыхнули посадочные огни, воздух разорвал страшный рев. Обернувшись, я угрюмо наблюдал, как на посадку заходит штурмовик. Очень похожий на те, что бомбили мои позиции в битве при Горшке. Он коснулся полосы, завизжали тормоза, турбины взревели в тормозном режиме – а я уже мчался назад, обгоняя свои мысли.

Безумие? Возможно. Но я давно привык полагаться на ин-

туицию и отточенные рефлексy в своей работе. В нелегкой работе мошенника и вора. Ноги несли меня вперед, а в голове уже сложился четкий план. Стало понятно: это то. То, что надо. Быстро, красиво, четко и рискованно. Я на бегу достал из кармана накладные усы и прилепил их.

Самолет уже заруливал на стоянку, я едва успевал. К штурмовику подкатила машина, прибежали механики. Один из них приставил к фюзеляжу легкий трап. Фонарь кабины раскрылся, словно пасть аллигатора. Я поднажал, догоняя пилота, который направился к машине. Когда я подбежал, тот уже сидел внутри. Здоровенный такой детина в тяжелом летном костюме с золотыми майорскими значками в петлицах.

– Извините, сэр, – выдохнул я, – но командующий приказал, чтобы вы срочно доставили ему пакет.

– Что за чертовщина? – зарычал он.

Выглядел майор усталым. Я мигом забрался на заднее сиденье.

– Вы что же, ничего не знаете?! О боже! Водитель! Гоните, и побыстрее!

Водитель, как ему и положено, погнал. Я вытащил трубку из кармана и поднес ее к губам, тихонько позвав:

– Майор...

Недовольно ворча, он повернул голову. Я дунул.

Майор удивленно хрюкнул, дотронувшись рукой до иголки, вонзившейся в его щеку, – и резко повалился вперед.

Пришлось его подхватить.

– Водитель, стой! С майором что-то!

Водитель, человек явно без большого воображения, бросил быстрый взгляд и нажал на тормоз. Как только мы остановились, он тоже получил наркоиглу и вслед за майором погрузился в сон. Я уложил их рядышком на землю, снял с майора летный костюм и шлем. Затем натянул костюм поверх мундира, застегнул шлем и опустил на глаза защитные очки. Вся операция заняла не больше минуты. Оставив парочку досыпать, я погнал машину обратно к самолету. Пока все идет хорошо, но основные трудности впереди. У стоянки самолетов я лихо затормозил.

– Внимание! – заорал я, подбегая к трапу. – Срочно подготовить самолет к взлету!

Вместо того чтобы отсоединять провода и шланги, механики обалдело уставились на меня. Пришлось дать доброго пинка самому ближайшему из них. Тот сразу все понял. Остальные тоже взялись за дело. Все, кроме седого сержанта с очень подозрительной миной. Он подошел поближе и смерил меня подозрительным взглядом:

– Это персональный самолет майора Лопта, сэр. Вы, случаем, не ошиблись?

– Что за дурацкие вопросы? Давно не служили рядовым?!

Он на секунду задумался, затем без лишних слов удалился прочь. А я направился к самолету. Взобравшись по трапу, я увидел, что он сидит в машине и возится с передатчиком.

Это была моя ошибка. Радио надо было вывести из строя. Как только я занес ногу в кабину, он бросил микрофон и заорал:

– Задержать его! Приказа на вылет не было!

Механик, державший трап, ухватил меня за ногу, пришлось ударить его в грудь. Усевшись в кресло, я отправил трап вслед за ним.

Ситуация быстро развивалась в нежелательном направлении. Я думал, что у меня будет больше времени, чтобы ознакомиться с системой управления. Летный стаж у меня был порядочный, но в кабине клиандского самолета мне сидеть еще не доводилось. Поэтому я не только не знал, где находится стартер, но даже освещение приборной доски смог включить далеко не сразу. А когда наконец включил, трап опять со стуком уперся в борт самолета. Мне всегда не нравились старые сержанты, военная косточка, основа армии, пропади они пропадом! Пришлось терять время – расстегивать костюм, лезть в карман.

Несколько гранат с веселящим и сонным газом на время вывели механиков из игры. Кто-то сразу заснул, кто-то принялся истерически хохотать. Но сержант держался на безопасном расстоянии и опять что-то кричал в микрофон. Ну наконец! Я нажал небольшую черную ручку с надписью: «PALJENJE». И сразу ожили, заревели двигатели. Пуля пробила открытый фонарь прямо над головой. Пригнувшись, я нажал на газ и заметил, что сержант тщательно прицелива-

ется. Самолет медленно двинулся вперед.

Винтовка плюнула огнем, и пуля с треском зарылась в спинку кресла. Иногда мне везет, ничего не скажешь. Я развернул самолет хвостом к стрелку и пустил ему в лицо добрую струю реактивного выхлопа. Самолет задрожал и рванулся вперед. В воздух взметнулся заправочный шланг, разбрызгивая топливо во все стороны. Его так и не успели отсоединить. Одному Богу известно, где находилась кнопка управления заправочным клапаном, а искать времени не было. Логика подсказывала, что насосы закачивают топливо гораздо быстрее, чем оно выливается самотеком, – но логика утешает далеко не всегда. Мысленно я уже увидел, как самолет замирает на взлетной полосе, а вокруг медленно сжимается вражеское кольцо. В висках бешено застучала кровь.

Мой приятель-сержант, видимо, много успел наболтать по радио. Когда я вырулил на полосу, то увидел, что тягачи успели ее заблокировать. Сзади выползло нечто напоминающее бронемашину. Сбросив скорость почти до нуля, я принялся изучать приборы.

И никак не мог найти то, что нужно! Но тут заметил сбоку еще одну группу переключателей. В тусклом свете разобрать надписи было совсем не просто. ISBACIVANJE. Вот она!

Когда я поднял глаза, первый тягач был прямо перед носом. Люди разбегались во все стороны. Нашаривая ногой педаль тормоза, я круто переложил руль. Нажал на правый тормоз и заложил резкий разворот. При этом снес примерно

полметра крыла о кабину тягача. Блеснула вспышка выстрела. Но самолет уже развернулся. Я нажал на газ и на полной скорости рванул в противоположную сторону.

Посадочные огни мелькали все быстрее и быстрее, пока не слились в непрерывную полосу. Одной рукой я держал штурвал, а другой пристегивал ремни. Одной застежки не хватало. Уже приближался конец полосы, когда меня вдруг осенило, что я попросту сижу на ней. Пристегнул ее, схватил штурвал обеими руками и съехал с полосы.

Нужную скорость самолет, конечно, не набрал. Когда я взял штурвал на себя, даже нос не оторвался. Самолет запрыгал по кочкам к той самой стене, на которую я весь вечер любовался.

Все быстрее и быстрее, навстречу неизбежному столкновению.

Глава 9

Всегда важно рассчитать время. Чуть раньше и чуть позже, чем надо, – равно губительно. Когда стена нависла над самолетом так, что уже можно было разглядеть швы между блоками, – только тогда я нажал кнопку катапульты.

Бам! Все произошло очень быстро – но вовремя. Фонарь кабины исчез, отстреленный пиропатронами. Кресло так рвануло вверх, что мой бедный позвоночник, казалось, укоротился наполовину.словно в замедленном кино, за одну бесконечную долю секунды я вылетел из самолета. И прямо перед собой увидел каменную стену. Поднялся над ней и взмыл в черное небо.

В высшей точке траектории за спиной раздался резкий хлопок. Вверх взметнулся белый султан парашюта. Я падал прямо на крыши домов.

Парашют раскрылся, и меня резко тряхнуло, а еще через несколько мгновений кресло ударилось о землю. Мягкая ткань медленно осела, накрыв меня легкими складками.

Должен с сожалением отметить, что я на миг растерялся. События разворачивались слишком стремительно, а последний эпизод меня просто ошеломил. Мотая головой, я отчаянно хватал ртом воздух, пока наконец не пришел в себя и не догадался отстегнуть ремни. Потом ползком выбрался из-под парашюта.

С противоположной стороны улицы на меня глазели мужчина и женщина. Больше никого не было видно. Только сзади, за высокой черной стеной, языки пламени лизали темное небо, вверх вздымались клубы дыма, слышались глухие взрывы. Прекрасно.

– Идут испытания, – пояснил я зрителям и скрылся за углом.

В темном подъезде я снял летный костюм. Шлем аккуратно положил сверху. И неторопливой походкой направился в «Роботник».

– Прекрасно исполнено, Джим, – похвалил я сам себя и хлопнул по плечу – себя же.

И тут же понял, что придется вернуться на базу еще до рассвета, но до поры отогнал эту мысль. В первую очередь то, что в первую очередь. Надо надежно нейтрализовать настоящего Ваську Хулю, чтобы полностью принять его образ.

Когда я вошел в номер, мой приятель беспокойно ворочался на койке, мотая головой из стороны в сторону и пытаюсь вырваться из ослабевших объятий гипнотического транса. Да еще и робот-уборщик добавлял суеты. Он уже пропылесосил комнату и теперь пытался заправить койку, на которой маялся Васька. Ногой я двинул ему по кнопке «Зайди позже», затем заказал обед на две персоны. Чтобы дать передышку Васькиному подсознанию, пришлось ему внушить, что он не ел два дня и что это лучший обед в его жизни. Сопя, рыча и чавкая, он набросился на еду. Я тоже немного

перекусил и, чтобы привести мысли в порядок, приказал себе крепенького.

Что же делать с моим приятелем, который столь безмятежно поглощает пищу? Сам факт его существования есть постоянная угроза моей безопасности. В этой жизни есть место только для одного Васьки Хули. Убить его? Это проще простого. Потом разрезать на части и сжечь в печи. И останется от него лишь горстка безымянного праха. Сильное искушение, тем более что за свою недолгую, но неправильную жизнь он сгубил немало безвинных душ. Это будет справедливое возмездие. Искушение, конечно, сильное, но не до такой же степени! Хладнокровное убийство для меня не выход. Убивать мне приходилось, но только для самозащиты. Надо признаться, что я глубоко почитаю жизнь в любых ее формах. Теперь, когда мы знаем, что выше неба есть только небо, всякие представления о загробной жизни безвозвратно осели в книгах по истории, равно как и странные, полузабытые религиозные идеи. Исчезли и рай и ад. Мы встали перед необходимостью устраивать рай и ад здесь и сейчас и сильно в этом преуспели при помощи метатехнологии и прикладных наук. Теперь жизнь в цивилизованном мире несравненно лучше, чем в мрачную эпоху религиозных предрассудков.

Но вместе с улучшением жизни пришло ясное понимание того, что здесь и сейчас – это все, что мы имеем. Каждый из нас лишь на краткий миг получает в дар яркую искру сознания посреди жуткой тьмы вечности, и каждый должен распо-

рядиться этим мигом сам. Это означает, что необходимо глубоко и свято чтить жизнь любого существа и что самым тяжким преступлением является уничтожение любой жизни. Но клиандцам такой образ мысли совершенно чужд. Вот почему мне доставляло огромное наслаждение вставлять палки в колеса их нехитрого военного механизма. Что я с удовольствием и делал. Вот почему я не могу разложить негодяя Ваську на молекулы, хотя это был бы самый простой выход. Опустить до этого означало бы уподобиться клиандцам и принять за истину варварское рассуждение, что цель оправдывает средства. Я вздохнул, отхлебнул из стакана, и все мечты о печке вылетели у меня из головы.

Но что же делать? Хорошо бы посадить его на цепь в глубокой пещере с запасами еды, но для этого как минимум нужна пещера. Не годится. Было бы времени побольше, можно было бы изменить его внешность и память и месяцев на шесть упрятать в тюрьму или психушку. Но на такую сложную затею времени совсем нет. Времени в обрез, до утра, – в противном случае придется отказаться от мысли использовать Васькин образ. На базе, наверное, уже вовсю идет перекличка, надо бы подумать, как туда вернуться, а не ломать голову над судьбой этого негодяя. Тут я заметил, что его живот раздулся до опасных размеров, и быстренько укоротил ему аппетит. Васька сытно рыгнул, отвалившись на спинку кресла. С тихим шорохом в стене открылась панель. Из ниши выкатился робот-уборщик.

– Можно сделать у вас уборку? – спросил он.

Я в двух словах объяснил ему, что он может сделать, но таких команд в его программе не было. Он растерянно жужжал и щелкал, пока не получил долгожданное разрешение. Я угрюмо наблюдал, как он суетился, заправлял кровати, – и тут в кромешной тьме забрезжил проблеск идеи.

Васька без всяких проблем прожил в «Роботнике» целый день. А сколько, в принципе, он может здесь прожить? Теоретически – бесконечно, если положить на его счет достаточно денег. Но без дополнительного внушения он через день-два выйдет из гипнотического транса. Или не выйдет? Прежде чем делать окончательные выводы, надо побывать в центральном пункте управления отелем. Идея может оказаться правильной.

Внушив Ваське, что перед ним самое восхитительное зрелище в его жизни, я усадил его смотреть историко-космическую оперу по стереовизору. Затем нагрузился инструментами и отправился. В стенах, конечно, есть служебные ходы для роботов, но они узкие, темные и пыльные. Это на крайний случай. Несмотря на то что отель полностью механизирован, построили его все-таки люди, и они же его должны ремонтировать при необходимости. Замаскированная дверь сравнительно быстро отыскалась в коридоре недалеко от холла. Она была выкрашена в цвет стены, видимо, для того, чтобы создать впечатление, что «Роботник» роботизирован целиком. Убедившись в отсутствии сигнализа-

ции, я вскрыл дверь. Замок был прост, как фермерская шутка. Никем не замеченный, я быстро проскользнул внутрь.

Видимо, таракан внутри радиоприемника чувствует себя точно так же. Кругом торчали разные электронные устройства, кабели и провода висели словно электроспагетти. В компьютерах шуршали бобины с лентами, щелкали реле, трещали приводы. Я осторожно пробирался вперед, обходя всевозможные люки, внимательно глядя по сторонам, пока наконец не попал в центральный пункт управления. Перед пультом стояло кресло, в которое я и уселся. Внимательно изучил ручки да кнопки и сразу приступил к работе.

В первую очередь – электронные «жучки» в Васькином номере. Совсем не нужно, чтобы его видели и слышали. Нужную сеть найти было нетрудно, тут же был и контрольный монитор. Для проверки я его включил. Ясное дело, просматривался каждый номер. Там происходило немало интересного, но лично я предпочитаю участие зрелищу, к тому же я человек женатый. Да и времени нет. Все цепи прослушивания соединялись в толстый кабель, который сквозь стену уходил, видимо, в полицейский участок или специальное бюро. Это навело меня на мысль. Жаль, нет времени на установку устройства подачи ложного сигнала. Придется импровизировать. Я просто отключил Васькин номер, а вместо него включил в сеть другой. Схема была построена так, что номера можно было просматривать только поочередно. Поэтому невелик был шанс, что кто-то заметит, что из двух

номеров идет одинаковый сигнал. Один из десяти тысяч. К тому же половина номеров пустовала, что сильно повышало шансы на успех.

Теперь Ваську никто не увидит и не услышит. Номер и услуги я могу оплатить хоть на год вперед, деньги есть.

Остается только придумать, как его задержать в номере на достаточно долгий срок. Но эту проблему – воображение у меня богатое – я решил довольно быстро. Вмонтировал в цепь Васькиного номера маленький магнитофон с таймером и спрятал его среди многочисленных электронных устройств. Затем поспешил в номер, чтобы проверить дело рук своих.

Васька взволнованно следил за битвой могучих космических крейсеров. Сверкали лазерные пушки, гремели взрывы, и тут раздался записанный на пленку голос. Мой голос.

– Васька, слушай внимательно. У тебя был тяжелый день, ты хочешь спать. Ты зеваешь. Выключай свет и ложись. Спи спокойно, утро вечера мудренее.

Но это была ложь. Для Васьки утро не будет мудренее вечера. Это каждый раз будет одно и то же утро. Мой голос убаюкает его и загонит в еще более глубокий транс. Он на чистую забудет прошедший день и проснется в последнее утро своего отпуска. Проснется с легким похмельем, захочет отдохнуть. Полежит, почитает, немного поест, посмотрит стереовизор и пойдет спать. Как говорится, в свое удовольствие. И так каждый день, пока не сломается магнитофон.

План был прост и эффективен. Половину оставшихся денег я потратил на оплату счета вперед, так что кредит вышел вполне приличный, затем с чувством огромного удовлетворения вывесил за дверью табличку: «Не беспокоить».

Наконец-то с Васькой улажено. Ощувив приближение депрессии, я включил свет, чтобы отыскать бутылку с напитком, вселяющим мужество и бодрость.

Как же все-таки проникнуть на базу? Там, вероятно, удвоили охрану и утроили бдительность.

Мозг окружала стена тяжелой депрессии, стена не хуже настоящей. Той самой, которую я совсем недавно перепрыгнул, с немалым, правда, шумом. Теперь хорошо бы вернуться, да так, чтобы этого никто не заметил. Хоть под стеной пролезай. Но это исключено – за пару часов туннель незаметно не выроешь. Угнать самолет? Прыгнуть с парашютом? Еще в воздухе пристрелят. Самое поганое дело возвращаться на базу именно сейчас. Когда выставлена усиленная охрана и повсюду рыскают солдаты. И тут я понял, что и как надо делать. Основной принцип дзюдо гласит: используй силу противника против него самого, на его же погибель. Но вот как это реализовать?

Ответ пришел быстро. Вот что значит правильно сформулировать задачу! Я быстро запихнул в чемодан все необходимое, прихватил и взрывное устройство. Теперь можно заняться маскировкой. Ничего сложного не потребуется, так, лицо прикрыть. Боже, до чего приходится опускаться! Мун-

дир исчез под длинным пальто, фуражку сменила широкополая шляпа, лицо скрыла моя старая добрая седая длинная борода. Вот я и готов. Тут я глубоко вздохнул, опрокинул маленькую на посошок и зашагал прочь от отеля. Отойдя на приличное расстояние, остановил роботаки, бросил чемодан на сиденье.

– База Глупост, главный вход, – приказал я, и такси рванулось вперед.

Глупо? Возможно. Но это единственный путь. В груди у меня испуганной бабочкой трепетал страх. Оно и понятно: впереди показалась толпа угрюмых, вооруженных до зубов охранников.

Занимался рассвет.

– База закрыта! – заорал подбежавший лейтенант, рывком распахнув дверь машины. – Что вам тут надо?!

– База? – проскрипел я в ответ, скверно изобразив старческий фальцет. – Разве это не центр оздоровления морковным соком? Видимо, такси ошиблось...

Лейтенант негодуяще фыркнул, отвернулся – а я кинул парочку газовых гранат между его ног. И сразу еще пяток. Как только первые две взорвались, я опустил из-под шляпы на лицо противогазовую маску.

Что тут началось! Гранаты были заряжены отличной смесью: ослепляющий и веселящий газы плюс камуфляжный дым. Ослепшие, весело кашляющие люди смешались, слышались первые выстрелы. Я пробрался сквозь толпу суе-

тящихся солдат прямо к воротам. Опустил чемодан на землю, открыл крышку. Донышки кумулятивных мин были прикрыты специальным составом, который намертво прилипал к стальным листам. В ворота ударила пуля и рикошетом прошила полу моего пальто. Я упал на землю, вытащил еще две гранаты и, не оглядываясь, швырнул их назад. Повалил дым. В полной темноте присоединил к головкам мин провод дистанционного взрывателя.

Время летело слишком быстро. За воротами меня уже наверняка ждали. Но отступить поздно, да и некуда. Я подобрал чемодан, потихоньку отошел в сторону и нажал на кнопку.

В темноте грохнул взрыв, тяжело ухнуло железо. Надеюсь, дыра получилась подходящая.

Спотыкаясь в темноте, я пробирался к воротам сквозь этот хаос.

Глава 10

Дыра получилась что надо. Клубы дыма медленно распространялись по ту сторону ворот. Войска были тут как тут: по железным листам щелкали пули, иногда проскакивая в брешь. Сзади донесся крик раненого. Суматоха усиливалась. Я принялся швырять в дыру гранату за гранатой, стараясь не попасть под пули. Когда дым сгустился, быстро нырнул в пролом.

Шум на базе стоял невероятный. Выли сирены, трещали выстрелы, вопили люди – ад кошмарный. Чтобы расширить зону действия, мне пришлось бросать гранаты во все стороны, как можно дальше. Оставшиеся я на всякий случай раскидал по карманам – еще пригодятся. Включил на чемодане устройство самоуничтожения и отбросил его в сторону – он взорвался ровно через пять секунд. Держась за стену, в полной темноте я побрел в сторону караулки. Еще до того, как все началось, я заметил там несколько машин. Остается надеяться, что хоть одна из них еще стоит там. Когда дым поредел, я рванул со всех ног. Кто-то налетел на меня и с воплем рухнул. Однако я удержался на ногах. И тут же зацепился за бордюр и упал, перекувырнулся, вскочил и продолжал бежать. Лишившись, однако, шляпы. Звук мотора стал громче. Сквозь дымовую завесу показались очертания фургона. Он как раз трогался с места. Я не мешкая швырнул

еще четыре гранаты. Как только взметнулись черные султаны разрывов, водитель резко затормозил. Я рывком распахнул дверь кабины. Водитель был в белом поварском наряде и колпаке. Я резко дернул его на себя и ударил в челюсть. Забрался на сиденье и рванул машину вперед. Дым рассеялся. Занимался день.

— Отлично исполнено, — похвалил я сам себя и, чтобы не привлекать внимания, снизил скорость.

Навстречу в колонну по два бежали солдаты. Пригнувшись, я принялся сдирать бороду. Пора опять становиться Васькой.

Неожиданный удар опрокинул меня на бок. Я чуть было не выпустил из рук баранку. Фургон вильнул и полетел прямо на солдат, те разбежались кто куда. Краем глаза я успел заметить, что сзади что-то блеснуло. Второй удар пришелся в плечо. Из окошка кузова торчала рука, сжимавшая увесистый котелок. Я резко нажал на газ, рука исчезла. В суете мне и в голову не пришло, что в кузове могут оказаться люди.

Прямо перед носом машины по стене распластался на смерть перепуганный офицер. Навалившись всем телом на баранку, я с трудом вывернул, чудом избежав столкновения. Несколько долгих мгновений мы смотрели друг на друга. Он наверняка успел разглядеть меня и теперь сможет точно описать мои приметы по рации. Может, оно и к лучшему. Время, казалось, ускорило свой бег. Когда снова появилась рука, я рубанул по ней ребром ладони и выбил котелок. Под-

нял его с пола и вернул обратно, но на этот раз с гранатой внутри. Надеюсь, это хоть немного успокоит хозяина. Следующий поворот пришлось пройти на полной скорости. Я выровнял вихляющий фургон и потрогал растущую шишку. Впереди показались бронемшины. Нажав на тормоз, я свернул в ближайший переулок. Пора избавляться от фургона.

Но что дальше? Находиться на улице небезопасно – можно навлечь на себя ненужные подозрения, а до офицерской казармы еще довольно далеко. Зато клуб совсем рядом. Но можно ли туда проехать? Вдруг там все еще спят мои вчерашние собутыльники? Такой шанс упускать нельзя. Если мне удастся пробраться на свою койку, то я буду вне всяких подозрений.

Клуб действительно оказался рядом. Я свернул в узкий переулок, остановил фургон и дальше отправился бегом. Срывая на ходу бороду, маску, пальто. Последнюю гранату я засунул в карман мундира, нахлобучил фуражку и свернул за угол. Из казармы по тревоге выбегали солдаты, но на меня никто не обратил внимания. Один поворот, другой, вот и клуб. Парадный вход был на замке, но задняя дверь наверняка открыта.

За углом слышались голоса:

– Это все?

– Не совсем, сэр. Двоих никак не разбудить, а один не хочет вставать.

– Я с ним сам поговорю.

Я быстро выглянул из-за угла. Похоже, опоздал. Офицер уже вошел в клуб, а на улице сустились солдаты, загружая хмельное офицерство в стоявший рядом фургон. Один из офицеров сидел на земле, обхватив руками голову, вяло отбиваясь от солдат, пытавшихся увлечь его в машину. Другой потихоньку блевал на стенку.

Шевели мозгами, ди Гриз, время не ждет. Я зажал в кулаке последнюю гранату и вышел из-за угла. Убедившись, что в мою сторону никто не смотрит, швырнул ее в сторону грузовика.

Она рванула, выбросив клубы дыма. Солдаты испуганно заверещали. Все глазели на взрыв. Всего восемь быстрых шагов – и я оказался у сидевшего на земле офицера, который, ни на что не отвлекаясь, тихонько постанывал. Сочувственно бормоча, я помог ему встать на ноги.

Тут на помощь нам пришли солдаты и потащили нас обоих в машину. Я споткнулся, но не упал – солдатские руки бережно подхватили меня. Все в порядке, оставалось сыграть только последний акт. Повар из фургона, конечно же, доложит о том, что героически треснул шпиона котелком по голове. Надо полагать, все головы будут проверены на предмет обнаружения ран. От шишки избавиться мне не удастся, но вот замаскировать ее можно. Это будет больно, но ничего не поделаешь.

Солдаты подсадили меня наверх. Как только они отпустили руки, я рухнул вниз и пребольно треснулся головой о зем-

лю.

Удар получился несколько сильнее, чем мне того хотелось, на голову словно расплавленного свинца плеснули. Я потерял сознание.

А когда очнулся, то уже сидел, по лицу стекала кровь. Тут же появился солдат с перевязочным пакетом. После перевязки меня осторожно погрузили в кузов. Чувствовал я себя очень скверно, и это было хорошо. Меня окликнул знакомый голос:

– Васька!..

Это был мой сосед Остров, весь помятый и несчастный.

– У тебя выпить нету? – задал он свой утренний вопрос.

Выпивки не было. Пришлось ему удовольствоваться моей сочувствующей улыбкой.

Когда после недолгой поездки наш пьяный экипаж разгрузился, послышались негодующие крики – офицеры увидели, что их привезли не домой, а во двор административного корпуса. Хоть для меня это и не было полной неожиданностью, но пришлось немного поорать за компанию. Ясное дело: прошлой ночью кто-то сбежал с базы, а утром, наоборот, – кто-то на базу проник. Теперь всех будут пересчитывать по головам, пока отсутствующий или лишний человек не будет обнаружен. Нас по одному стали вызывать на проверку. Ожидание несколько затянулось, офицеры то и дело бегали в сортир. Сбегал туда и я. Для того чтобы вымыть руки, а заодно натереть глаза мылом. Оно жутко щипало, но я

мужественно терпел несколько секунд, прежде чем промыть глаза водой. В зеркале отразились два горящих угля. Отлично.

Наконец я предстал перед усталым дежурным. Он бегло проверил документы и отметил мою фамилию галочкой. Все надеялись, что нас скоро отпустят. В ожидании многие уснули прямо на скамейках. Я тоже решил вздремнуть. Ночь выдалась тяжелая, а безмятежный сон в стане врага – лучшая маскировка для агента.

Меня разбудила внезапная тишина. Засыпал я под гул голосов, шарканье ног, стрекотанье конторских машин. Теперь все звуки потонули в бездонной тишине. Издалека донесся звук шагов, он становился все громче и громче. Шаги медленно приближались. Прямо ко мне и – слава богу – мимо. Глаз я не открывал, старался дышать ровно. И только когда шаги удалились, осмелился немного приоткрыть веки.

Поразительная все-таки тишина. Я увидел чью-то спину в сером мундире и фуражку того же цвета. Такой формы мне еще встречать не приходилось. Интересно, что происходит? Я, зевая, выпрямился, поскреб под повязкой голову. Человек тем временем дошел до конца комнаты, обернулся и окинул нас тяжелым взглядом. Спереди он оказался столь же безликим, как и сзади. Жидковатые светлые волосы, полный подбородок, незапоминающееся, гладко выбритое лицо. Он говорил тоном строгого школьного учителя. Офицеры хранили гробовое молчание.

– Господа офицеры, вероятно, вы, а точнее, самые трезвые из вас слышали взрыв и заметили клубы дыма неподалеку от грузовика. Этот взрыв устроил человек, который проник на территорию базы и который находится среди нас. Мы практически ничего о нем не знаем, но есть подозрение, что это инопланетный шпион...

Это утверждение вызвало удивленный ропот. Человек в сером выдержал паузу.

– Предпринимаются энергичные усилия по его задержанию. Поскольку вы волею случая оказались здесь, я побеседую с каждым из вас в отдельности и выясню, что вы можете сообщить в помощь следствию. Может, мне посчастливится обнаружить среди вас... того самого шпиона.

Последняя фраза повисла в невыносимой тишине. Закончив психологическую подготовку, серый человек скрылся в кабинете и стал по очереди вызывать офицеров. Я сильно порадовался, что мне в голову пришла удачная мысль упасть с грузовика.

Похоже, меня не случайно вызвали третьим. Почему? Может, я фигурой походил на бежавшего шпиона – Паса Ратункова? Или повязка? И может, мое опоздание на Глупост? Какое-то основание для подозрений наверняка есть. Я вошел в кабинет и отдал честь. Человек в сером молча указал на стул.

– Подержите в руке эту вещицу, пока мы будем разговаривать, – звучным голосом произнес он, передавая мне серебристый полиграф-передатчик размером с яйцо.

Настоящий Васька никогда бы не догадался, что это такое, поэтому и я не подал виду. Просто глянул с интересом – будто не подозревая о том, что эта штука передает сигналы на детектор лжи, стоявший на столе, – и сжал в ладони. В голове у меня роились совсем не спокойные мысли:

«Я пропал! Он вычислил меня! Он прекрасно знает, кто я на самом деле, и просто играет со мной!»

Человек пристально взгляделся в мои покрасневшие глаза и презрительно скривил губы.

– По вам видно, что ночью вы повеселились на славу, лейтенант Хуля, – ровным голосом произнес он, устремив взгляд на шкалу детектора лжи.

– Так точно, сэр, понимаете... опрокинули с ребятами по паре рюмок напоследок.

Это я произнес вслух.

Про себя же вопил что было мочи: «Они пристрелят меня сразу, прямо в сердце!»

Я даже мысленно представил, как из дырявого моего сердца кровь толчками выплескивается на пыльный пол.

– Я вижу, вас недавно понизили в звании. Где вы храните шпионские принадлежности? Отвечайте, Пас Ратунков!

«Как я устал... в гамаке бы сейчас покачаться», – думал я.

– Принадлежности, сэр?

Я мигнул распухшими веками и потянулся, чтобы почесать голову, но, коснувшись повязки, передумал.

Его глаза впились в меня. Серые такие глаза, почти под

цвет формы. В спокойном взгляде читались сила и уверенность.

— Где это вы голову поранили? Странно, по описанию у шпиона точно такая же рана.

— Упал, сэр. С грузовика. Кто-то меня толкнул. Спасибо, солдаты перевязали. Вот! Можете сами у них спросить...

— Уже спросили. Напился как свинья, упал. Уронил честь и достоинство офицера. Идите и приведите себя в порядок, смотреть противно. Следующего позовите.

Я с трудом поднялся, стараясь не смотреть в холодные серые глаза, и поплелся прочь. Якобы забыв про зажатый в руке серебристый аппарат. Потом, спохватившись, вернулся и положил его на стол. Человек в сером даже не поднял головы от своих бумаг. Сквозь жидкие волосы на голове виднелся тонкий шрам. Я вышел.

Чтобы надуть полиграф, необходимо долго и упорно тренироваться. В свое время я такую тренировку прошел. Правда, необходимы некоторые дополнительные условия. А они сегодня были налицо. Допрос проводился без всяких предварительных тестов. Поэтому я в самом начале искусно разыграл панику — еще до того, как были заданы настоящие вопросы. Детектор все добросовестно записал. Всю мою дутую паническую реакцию. Я боялся. Действительно боялся этого человека, боялся детектора, всего боялся. Но когда он задал настоящий вопрос, на раскрытие шпиона, я уже был к этому готов и постарался максимально расслабиться. Детек-

тор и это записал. Для обычного человека такой вопрос не имел никакого смысла, потому что предназначался исключительно для шпиона. Как только человек в сером увидел мою реакцию, то сразу прекратил допрос. Работы у него и так было невпроворот.

Когда я вернулся, Остров сидел вытянувшись в струнку. От страха глаза его были как блюдца. Трезвый как стеклышко.

– Чего он от тебя хотел? – испуганным шепотом спросил он.

– Понятия не имею. Спрашивал что-то, спрашивал – я даже и не понял о чем, а потом отстал.

– Хоть бы меня не потянули.

– А кто он такой?

– Ты что, не знаешь? – Изумлению Острова не было предела.

Я устало пожал плечами, чтобы скрыть неловкость.

– Ты же знаешь, я здесь недавно...

– Все знают, кто такой Край.

– Так это он? – притворно изумился я, пытаюсь изобразить испуг.

Мне это, похоже, удалось – Остров быстро и нервно оглянулся по сторонам. Чтобы прервать этот тяжелый и непонятный для меня разговор, я встал и кинулся в сортир. Сами понимаете, шутка ли – с самим Краем говорил.

А и вправду интересно, что это за Край такой?

Глава 11

Погрузка всем принесла облегчение: лучше уж добрая лихая война, чем подозрения и ползучие страхи, захлестнувшие Глупост в последние дни. Бесконечные допросы, проверки, а по ночам зловеющий грохот сапог марширующего патруля. Я был бы по-настоящему горд, что учинил такой переполох, если бы сам не оказался жертвой режима. Машина уже слишком раскрутилась, менять планы было поздно, поэтому все шло по заранее утвержденному расписанию. Все бары закрылись на двое суток до наступления дня «В», чтобы воины успели протрезветь. Несколько упрямцев, включая и меня с Островом, конечно, имели кое-что про черный день, но вскоре истощились и эти запасы. Наши чемоданы были отправлены на склад, для временного хранения. Взамен мы получили стандартные вещкомплекты военного образца. У меня была небольшая баночка порошкового алкоголя, замаскированная под зубной порошок, так, на всякий случай. Такой случай возникал всякий раз при одной только мысли о предстоящих сухих неделях. В общем, мы с Островом прикончили и этот порошок за сутки до наступления дня «В». Наконец после очередной полночной переключки нас построили и повели на стартовую площадку. Черные ряды громадных кораблей в ожидании старта высились за воротами. Нас опять вызывали по одному и рассылали по ме-

стам.

Мне сначала это показалось страшно глупым – так начинать вторжение. Никаких тебе планов, никаких карт, ни учений, ни маневров – совсем ничего. Но потом до меня дошло – ведь это идеальный способ сохранить секретность операции. Пилоты все опытные. Войска рвутся в бой. Боеприпасы получены. Где-то наверху, в секретных сейфах, лежат готовые планы, маршрутные карты и ленты. Нам их не покажут, пока не выйдем в подпространство, а там связь с внешним миром принципиально невозможна.

Я с особенным удовольствием узнал, что назначен старшим пилотом на транспортный корабль, и надеялся с честью исполнить свой долг. Видимо, меня не случайно поселили вместе с Островом, потому что он появился в рубке буквально через несколько минут после меня и сообщил, что назначен вторым пилотом.

– Прекрасно, – обрадовался я. – Сколько ты налетал на таком типе кораблей?

Он виновато сообщил, что очень немного, но я ободряюще похлопал его по плечу:

– Тебе повезло. Старина Васька не такой, как другие, у меня нет большого самолюбия. Для старого собутыльника мне ничего не жаль. Я, пожалуй, доверю тебе взлет, а если все пойдет нормально, то и посадку доверю. А теперь подай мне бортовое расписание.

Остров так расчувствовался, что в знак благодарности вы-

ташил наливную ручку, заправленную чистым двухсотградусным спиртом, и мы с удовольствием выпили. С чувством огромного удовлетворения и с обожженными глотками мы наблюдали за погрузкой войск. Спустя несколько минут в рубке появился седой бородатый полковник в полевой форме.

– Пассажирам вход воспрещен! – грозно рявкнул я.

– Заткнитесь, лейтенант! Я принес пленки с записью курса.

– Так давайте их.

– Или вы с ума сошли, или просто шутки у вас дурацкие. Да я вас под расстрел отдам!

– Извините, полковник, я сейчас плохо соображаю. Не выспался, знаете ли.

– Вижу. – Он слегка смягчился. – Некоторые послабления необходимы. Я так думаю. Но все уже позади. Слава Клианде!

– Слава Клианде! – дружно рявкнули мы в ответ.

Да, последние два дня были не из легких. Полковник озабоченно взглянул на часы.

– Время. Включить систему управления! – приказал он.

Я сделал знак Острову, он быстро нажал нужную кнопку. На экране появилась надпись: «ЖДИТЕ». Мы подождали. Экран мигнул, и выскочила следующая команда: «ЗАДАЙТЕ КУРС». Полковник вынул из сумки кассету с лентой. Нам пришлось расписаться в том, что кассету мы полу-

чили целой, в упаковке и с печатью. Остров вставил ее в бортовой компьютер. Покончив с делами, полковник удовлетворенно хмыкнул и вышел. Напоследок рывкнул вместо прощания:

– И смотрите у меня: если на старте перегрузка дойдет до десяти g – отдам под трибунал!

– Пошел к черту! – дерзко парировал я, когда дверь за ним закрылась.

Но даже эта жалкая выходка сильно подняла мой авторитет в глазах Острова.

Бестолковая спешка и томительное ожидание – вещи вполне обычные в любой армии. Теперь пришла очередь ожидания.

Наконец проверка готовности закончилась, и мы увидели, как корабли один за другим уходят ввысь. Транспортники всегда стартуют последними. И вот на экране вспыхнула зеленая надпись: «СТАРТ». Мы отправились в путь. К безымянной планете, у неизвестной звезды, – вот и все, что нам было известно. Компьютер сам считывал курс с ленты, информировать нас у него приказа не было.

Вся операция была тщательно засекречена, вплоть до момента высадки. Кораблем правил компьютер, выпивки не было никакой, мороженые продукты надоели до тошноты. Выяснилось, что в долгом путешествии, да еще без живительного алкоголя, Остров попутчик никудышный. О чем бы ни заходил разговор, заканчивался он неизменно рассказа-

ми о его школьных проделках. Спал я хорошо, особенно под эти рассказы, но Острова это несколько не смущало. Чтобы держать его в форме, я часто устраивал ему проверки по технике пилотирования, заодно и сам прилично освоил управление кораблем.

Управление было полностью автоматизировано. Экипаж состоял из меня да Острова. Дверь в пассажирский отсек была закрыта. Ключ хранился у нашего приятеля-полковника. Он заглянул к нам пару раз за все время, чем не сильно нас порадовал. На седьмой день он встал у меня за спиной, чтобы посмотреть, как мы будем выходить из подпространства.

– Получите, прочитайте и распишитесь.

Мы молча подчинились. Исполнив формальности, он вскрыл пакет. Мы увидели надпись: «ВТОРЖЕНИЕ». Похоже, наступают горячие деньки. Инструкции были достаточно просты: мне предписывалось переключить управление на флагманский корабль. С одной стороны обзорного экрана светило желтоватое солнце, с другой – голубой сферой нависала планета. Полковник жадно уставился на планету, словно хотел тут же оттяпать от нее кусок. Дальнейший ход событий сомнений не вызывал.

Вторжение началось. Бо́льшая часть флота шла впереди нас. Корабли были скрыты космической тьмой, только изредка россыпью звезд вспыхивали дюзы, когда менялся курс. Транспортный отряд двигался плотной группой, повинаясь командам флагмана. Изображение планеты наползало

на экран. Она выглядела вполне мирно, хотя, по моим расчетам, передовой отряд уже начал штурм.

Предстоящее вторжение меня не радовало – радоваться надвигающейся войне может только сумасшедший, – но я надеялся найти ответ на вопрос, ради которого оказался здесь.

До сих пор я был убежден, что межпланетные войны невозможны, однако сейчас сам участвовал в одной из них. Словно посетитель зоопарка, который разглядывает диковинного зверя и приговаривает: «Таких зверей не бывает».

Межпланетные войны принципиально невозможны.

Но войска наступали, могучая армада сокрушала мои убеждения. Безымянная планета приближалась, заполняя собой экран. Уже были заметны первые признаки войны – крохотные вспышки света на фоне ночного полушария. Мои худшие подозрения полностью подтвердились. Остров тоже заметил вспышки и азартно потряс кулаком.

– Всыпьте им как следует, ребята! – заорал он.

– Заткнись! Твое дело за приборами следить! – рявкнул я, охваченный внезапным приступом ненависти. И тут же раскаялся.

Остров просто продукт системы. Если родители свиньи – то дети у них поросята. А Остров с малых лет воспитывался в военном училище и, как ни странно, вспоминал об этом с удовольствием, хотя все истории, которыми он меня потчевал в дороге, носили явно садистский характер. Лишних вопросов он себе не задавал и свято верил в то, что клиандцы –

богоизбранный народ, призванный нести свет цивилизации отсталым мирам. Удивительные вещи можно вбить человеку в голову, если колотить по ней с малолетства.

Нам разрешили взять управление на себя. Каждый транспортник должен был сесть в указанной ему точке. Настраивая радио, я мысленно проклинал маниакальную тягу клиандцев к секретности. Надо посадить набитый солдатами корабль – и неизвестно куда! Ясное дело, что на эту планету – этот факт они засекретить не могли, – но на какой континент? У какого города? Известно было только одно: корабли разведки установили радиомаяки. Мне сообщили частоту и позывные, и как только они прозвучат – надо заходить на посадку. Еще было известно, что точка посадки – космопорт. Вместе с последними инструкциями я получил большие, четкие снимки – клиандские шпионы работали четко – космопорта, сделанные с воздуха и с земли. Место посадки было обозначено красным крестом. Прекрасно.

– Есть сигнал!

Он звучал часто и громко: да-да-ди-да.

– Всем пристегнуться – посадка! – объявил я и ввел данные в компьютер.

Он мгновенно рассчитал траекторию приземления. Низко загудел ходовой генератор.

– Предупреди полковника и держи с ним постоянную связь до самой посадки.

Сквозь утренний туман мы падали навстречу своей судь-

бе. Бортовой компьютер, следуя за указующим лучом радиомаяка, вел корабль по плавной дугообразной траектории. Первые признаки сопротивления я заметил, когда мы пробиты слой облаков и открылась поверхность планеты. Вокруг корабля показались черные султанчики разрывов.

– Они стреляют?! – поразился Остров.

– А ты что думал? На то и война.

Я очень удивился, что опытный офицер испугался жиденького огня. Затем отключил компьютерное управление и выключил ходовой генератор. Мы вошли в режим свободного падения. Теперь разрывы появлялись сзади и выше корабля: изменение скорости сбило прицел орудий.

Когда внизу показался космопорт, я включил маневровые двигатели, чтобы откорректировать курс. Мы быстро падали. Компьютер обсчитывал данные высотомера и высвечивал на экране красные сигналы тревоги. Я поспешно ввел программу посадки в режиме свободного падения с перегрузкой в 10 g на нулевой отметке. Теперь корабль быстро проскочит зону обстрела: посадка пройдет на максимальной скорости, а торможение займет минимум времени.

Двигатели включились на высоте в три корпуса корабля от поверхности. Перегрузка вдавила нас в кресла. Я с трудом улыбнулся, представив на секунду перекошенную физиономию полковника. Компьютер отлично закончил посадку, двигатели отключились, как только опоры коснулись земли. Когда рев двигателей стих, я нажал кнопку выгрузки. С

грохотом откинулись пандусы.

– Ну, теперь наше дело сторона, – сказал я, потянувшись всем телом.

Потом мы с Островом стояли и глазели через иллюмина-тор на высадку нашего воинства. И что самое удивительное – высадка проходила без всяких потерь с нашей стороны. Неподалеку виднелись воронки, на бреющем полете кружили штурмовики. Трудно было поверить, что сопротивление подавлено так быстро. Должно быть, на этой планете нет приличной армии. Только так и можно объяснить успешное наступление клиандцев: они захватывают планеты, которые не в состоянии обороняться. Это стоит проверить. После того как войска выгрузились, появился полковник на командирской машине. Надеюсь, он не сильно пострадал от перегрузок.

– Хорошо бы выпивки достать, – произнес Остров, обли-зывая пересохшие губы.

– Ты останешься здесь. Присмотришь за кораблем и подежуришь на связи, – распорядился я, пристегивая кобуру.

– Все старшие пилоты одинаковы, – заныл он.

Похоже, на этот раз я попал в точку.

– Звание обязывает. Придет день – и ты тоже станешь первым. Я скоро вернусь.

– Выпивка обычно бывает в баре космопорта! – крикнул он вслед.

– Не учи ученого, – усмехнулся я, – а то я без тебя не знаю,

где искать.

После посадки все внутренние двери открывались автоматически. Я по трапу спустился в пассажирский отсек и выбрался наружу. Свежий утренний ветер нес с собою запах пыли и взрывчатки. Дары клиандской цивилизации.

Вдалеке слышались выстрелы, с ревом пролетел самолет, но в остальном все было спокойно. Наступление прокатилось через космопорт, оставив после себя островок тишины. Вокруг не было видно ни души.

Я прошел таможенную зону и, повинувшись безошибочно-му инстинкту, быстро отыскал бар. Для начала выпил бутылку пива, а потом антареанского ладевандета. На стойке бара дружелюбно поблескивали ряды бутылок. Тут были и старые знакомые, и новые друзья. Я отобрал неплохую коллекцию. Хорошо бы найти какой-нибудь ящик или сумку – я открыл стеной шкаф и увидел там юношу, который с ужасом смотрел на меня.

– Не убивайте меня! – выкрикнул он на эсперанто.

Поскольку на эсперанто я говорил свободно, то сразу ответил на понятном ему языке:

– Мы принесли свободу на вашу планету, тебе нечего бояться. – Я хотел подстраховаться на тот случай, если об этом разговоре станет известно моему командованию. – Как тебя зовут?

– Пир.

– А как называется эта планета?

Не очень подходящий вопрос для офицера оккупационной армии, но парень был слишком напуган, чтобы удивляться.

– Бурада.

– Прекрасно. Приятно услышать правдивый ответ. Расскажи-ка мне что-нибудь о Бураде.

Парень несколько растерялся. Видимо, такого вопроса он не ожидал. Он на минуту замешкался, потом выбрался из шкафа, пошарил внутри и молча протянул мне рекламный буклет. На объемной картинке был изображен океанский берег с пальмами. От прикосновения моей руки картинка ожила: волны бесшумно обрушивались на золотой пляж, деревья раскачивались в упругих струях свежего бриза. Плывущие по небу облака превратились в буквы. «ПРЕКРАСНАЯ БУРАДА – ЭТО БЕСКОНЕЧНЫЙ ПРАЗДНИК», – прочитал я.

– Так, болтаем с врагом и мародерствуем, – раздался противный, до боли знакомый голос.

Я медленно обернулся и увидел своего недавнего приятеля – полковник стоял в дверях, поигрывая винтовкой. На его лице блуждала, что называется, зловещая улыбка.

– И посадка на десяти g, – добавил он, припомнив свою тайную обиду. – Это, конечно, не повод для расстрела, но первых двух причин вполне достаточно.

Глава 12

Пир с воплем отпрянул к стене. Слов полковника он не понял, но быстро сообразил, что к чему. Заметив, что мои руки скрыты стойкой бара, я холодно улыбнулся. Обернулся к парню и жестом указал ему на дальний угол комнаты. Он послушно бросился туда. Во время этого отвлекающего маневра я спрятал буклет в карман и вытащил из кобуры пистолет. Когда я поднял глаза, полковник уже медленно поднимал винтовку.

– Вы ошиблись, – возразил я, – и тем самым нанесли оскорбление офицеру, который еще недавно носил звание пилот-майора. Я захватил бар по военным соображениям, чтобы солдаты, чего доброго, не перепились. Да еще и пленника взял. Вот что здесь происходит, полковник, и нечего на меня бочку катить.

Он все-таки поднял винтовку.

– Мне поверят на слово, что я пристрелил тебя, пытаюсь прекратить мародерство, да еще при попытке оказать сопротивление.

– Меня пристрелить не так уж просто, – процедил я сквозь зубы, положил ствол пистолета на стойку бара и прицелился точнехонько в полковничий лоб. – Стреляю я неплохо, и пули у меня разрывные. Так что обещаю снести сразу полголовы.

Такого решительного отпора от простого пилота он никак не ожидал и на секунду растерялся. Пир вскрикнул, послышался глухой удар. Похоже, он упал в обморок, но проверять было некогда. Неприятная сцена затянулась. Трудно сказать, чем бы все закончилось, если бы не появился солдат с полевым передатчиком. Полковник схватил микрофон и принялся командовать, а я запихнул за пояс пару бутылок и нырнул в служебную дверь, перешагнув по дороге через Пира, который все еще не пришел в себя. Полковник даже не заметил моего исчезновения. Я спокойно добрался до корабля и послал бутылки в служебном лифте наверх, Острову.

– Можешь выпить без меня, но только одну, – приказал я ему по бортовой связи.

В ответ раздался счастливый вопль.

Теперь я был свободен. Не худо было бы воспользоваться таким случаем. Пока идет штурм, мне не мешает осмотреться. Конечно, можно нарваться на шальную пулю, но это, как говорится, издержки профессии. Как только штурм окончится, всякие передвижения будут строго ограничены. К тому же нет гарантии, что меня не отошлют обратно на Клианду. Буклет лежал в кармане мундира. Под воздействием тепла картинки ожили. Картинок было много, а карты и схемы практически отсутствовали. Это было настоящее чудо рекламного искусства: живые картинки звучали, издавали пленительные запахи неведомых цветов.

Была там и карта города, но слишком схематичная. Из нее

удалось узнать, что космопорт называется Сукук и расположен он неподалеку от Сукук-сити. Я выбросил буклет и отправился на разведку.

Жуткое зрелище. Да, не скоро на солнечных пляжах Бурады снова появятся туристы. Проходя по разрушенным улицам, мимо почерневших от огня зданий, я размышлял, кому и зачем это нужно.

Война – занятие, безусловно, бессмысленное, но сейчас она казалась попросту отвратительной. Точнее сказать, ужасной: я увидел первые трупы. Послышалось шарканье ног – впереди показалась колонна пленных под охраной клиандских вояк. Раненых среди пленных было довольно много, но только некоторые из них были перевязаны. Проходивший мимо сержант отдал мне честь, вскинув руку в победном жесте. Я с трудом улыбнулся в ответ. Надо разыскать кого-нибудь из местных жителей, кто пока еще жив и на свободе, и попытаться хоть что-нибудь выяснить.

Но они нашли меня сами. Я свернул в боковую улочку с трудным названием Матбаацилик-сасуртмек. На улице с таким названием трудно ожидать чего-нибудь хорошего. Мои предчувствия полностью подтвердились. И довольно быстро. За следующим углом я увидел молодую женщину, которая целилась в меня из огромного охотничьего ружья. Она не успела и рта раскрыть, как мои руки уже взметнулись вверх.

– Руки вверх или я стреляю!

– Уже вверх – разве не видно? Да здравствует Бурада!

Ура-ура!..

– Кончай шутить, солдафон вонючий, а то я тебя пристрелю!

– Поверьте, я на вашей стороне и искренне желаю мира Бураде и благополучия ее гражданам. Без различия пола и возраста.

Она презрительно фыркнула и указала ружьем на темную дверь. Даже в гневе она была прекрасна: пылающие глаза, разбуренившиеся щеки. Черные волосы волной спадали на ее плечи. Несмотря на то что на ней был зеленый мундир и высокие армейские ботинки – она была очень женственна: никакая форма не могла скрыть такую роскошную фигуру. Я покорно направился к двери, как и было приказано. Она ловко вытащила мой пистолет. Я мог бы легко отнять оба ствола, но сдержался. В роли хозяйки положения она будет более разговорчива. Мы поднялись в полутемную комнату с небольшим окном. Здесь на столе лежала вторая девушка в форме. Глаза ее были закрыты, одна штанина отрезана начисто. На голый ногу виднелась неумело наложенная повязка. Кровь пропитала ее и растекалась лужей по столу.

– У тебя есть аптечка? – спросила моя конвоирша.

– Есть. – Я отстегнул аптечку от пояса. – Но сомневаюсь, что это ей поможет. Надо сделать переливание – она потеряла слишком много крови.

– Где? В лазарете оккупантов?

– Хотя бы. – Я проверил пульс, снял бинты, обработал

рану антисептиками и наложил тугую повязку. – Пульс очень слабый. Не знаю, выживет ли она.

– Если не выживет – отвечать будешь ты! – В глазах девушки стояли слезы, а ружье упрямо смотрело мне в живот.

– Я сделал все, что мог, разве ты не видишь? Меня зовут Васька.

– Тазе, – машинально ответила она, – до переворота – гвардии сержант.

– До переворота? – растерялся я. – Ты имеешь в виду вторжение нашей армии?

– Да нет. Что-то я разболталась, пора тебя пристрелить...

– Не надо. погоди стрелять. Ты что, не веришь, что я на вашей стороне?

– Нет.

– Уверяю тебя – я агент и работаю против Клианды. Для того и внедрился в Космическую Армаду!

– Чтобы спасти свою шкуру, ты наплетешь что угодно.

– И тем не менее это правда.

Я понял, что на слово мне не поверят.

– Тазе... – слабо простонала девушка на столе, мы разом обернулись. – Тазе... – простонала она еще раз, и голова ее откинулась.

Я понял, что погибну тоже. Тазе вскинула винтовку, костяшки ее пальцев побелели. Действовать надо было быстро. Я нырнул под винтовку и подкатился к девушке. Бабахнул выстрел, но меня не задело. Я перехватил винтовку за

ствол и ударил ребром ладони по руке. Потом провел еще несколько приемов, которые обычно к женщинам не применяют, но ситуация была исключительная. Я отобрал винтовку и пистолет. Тазе лежала у стены и рыдала, ведь я едва не сломал ей руку.

– Послушай, извини, – примиряюще сказал я, – мне больше ничего не оставалось делать. Ты ж меня чуть не пристрелила.

Я разрядил винтовку, проверил затвор.

– То, что я тебе сказал, – правда. Я хочу вам помочь. Но сначала вы должны помочь мне.

Она растерялась, но слушала внимательно. Только изумленно заморгала, когда получила обратно винтовку и патроны.

– Будет лучше, если ты пока не будешь ее заряжать. А теперь постарайся мне поверить. Некую организацию очень беспокоят военные планы Клианды. А именно – захват чужих планет. Бурада – шестая в этом списке, и, судя по всему, оккупация закончится успешно.

– Но зачем они воюют?

Она явно заинтересовалась, можно было продолжать.

– Не столь важно – почему, по крайней мере сейчас. Агрессия свойственна некоторым общественным формациям. Меня скорее интересует вопрос – как? Как им удалось захватить планету, несмотря на то что здесь есть система обороны?

– Во всем виноват Консолослук! – с жаром ответила она, потрясая ружьем. – Я не хочу сказать, что Женская партия не делает ошибок, но, по крайней мере, они не такие глупые.

– Объясни, будь так любезна. Боюсь, что я тебя не вполне понимаю.

– Я тебе и объясняю. Мужики! – Она сплюнула, в глазах вспыхнула ярость. – Женская партия несколько веков подряд благополучно правила планетой. Мы процветали, успешно развивали туризм, все были довольны. Конечно, мужчины получали право голоса на несколько лет позже, чем женщины, и не могли иметь престижную работу. Ну так что? На других планетах женщины поставлены в такие же и даже худшие условия. Но они бунтов не устраивают. Люди из партии Консолослук шныряли повсюду и распространяли лживые слухи. Права мужчин, дискриминация и все такое. Взбудоражили людей, получили несколько мест в парламенте, взбаламутили всю страну. Потом устроили однодневную революцию и захватили власть. Понадавали глупых обещаний. Очень им хотелось поиграть в государственных деятелей. Ничего себе деятели! Никакого понятия ни об управлении, ни об обороне. Когда еще и ваши высадились, то большинство из так называемых мужчин просто сбежали. Сдались без всякой борьбы, как трусы. Я, например, сдаваться не собираюсь.

– А может, они вынуждены были сдаться?

– Нет, они просто слабаки.

Я лихорадочно обдумывал услышанное. Неясные подозрения сменились предчувствием разгадки. Отдельные сведения стали складываться в моем сознании в единое целое, но радоваться было преждевременно. Идея еще не вполне оформилась, но если все сойдется – то все получится!

Я смогу выяснить, как клиандцам удастся покорять другие планеты. План был прост, как все гениальное.

– Мне понадобится твоя помощь, – сказал я Тазе. – Мне надо кое-что разузнать, поэтому я пока останусь в Космической Армаде. Но Бураду я покидать не намерен. Клиандцы еще слабы здесь, здесь они и будут разбиты. Ты когда-нибудь слышала о Специальном корпусе?

– Нет.

– Сейчас услышишь. В общем, эта организация собирается оказать вам помощь. Они, конечно, засекли старт флота с Клианды и наверняка проследили за ним. Так все и планировалось. Сейчас на орбите Бурады, наверное, уже летает спутник связи. Он передаст наше сообщение прямо в корпус, и сюда придет помощь. Ты можешь найти передатчик средней мощности?

– Да, но зачем? Почему я должна тебе верить? Может быть, ты лжешь.

– Может быть, но ты не имеешь права упускать такой шанс. – Я лихорадочно нацарапал записку. – Мне надо спешить. Я должен вернуться на корабль, пока меня не хватились. Сообщение ты передашь на этой вот частоте. Это очень

просто. К тому же ты ничем не рискуешь, но можешь спасти свою планету.

Она с сомнением посмотрела на бумажку:

– Трудно поверить, что ты агент и хочешь нам помочь.

– Можете не сомневаться, он действительно агент, даю честное слово, – раздался голос за моей спиной.

Я медленно обернулся, и сердце у меня замерло.

В дверях стоял Край, весь в сером. И еще двое, тоже в серой форме, стояли рядом, направив на меня ружья. Край выставил свой палец, словно пистолет:

– Мы давно за тобой следили, все ждали удобного случая, чтобы получить максимум информации. Теперь пришло время приступить к операции по уничтожению этого вашего Специального корпуса.

Глава 13

– Похоже, становится модным входить без стука. Ха-ха-ха... – надсадно пошутил я, хотя мне было совсем не до шуток.

Край холодно улыбнулся:

– Вы имеете в виду полковника? Да, это я его приставил присматривать за вами. Может, хватит ломать комедию, Пас Ратунков или как там вас?..

– Васька Хулья, лейтенант Космической Армады, если угодно.

– Пилот-майор Хулья был обнаружен в отеле «Досадинг-групп роботник». Так мы вышли на ваш след. Ваш замечательный план мог бы сработать, если бы не перегорела сеть оптической слежки. Монтер обнаружил Ваську, а когда выяснилось, что он путается в датах, то об этом доложили мне... А вот это я заберу.

Край выдернул записку из онемевших пальцев Тазе. Он чувствовал себя очень уверенно. Я схватился за грудь, закатил глаза и покачнулся.

– Это слишком... – забормотал я. – Что-то с сердцем... не стреляйте... это конец.

Край и его парни холодно взирали на мое представление. Они и пальцем не шевельнули, когда я вскрикнул, весь изогнулся и выпал из окна.

Трюк был исполнен прекрасно. В туче брызг битого стекла я вылетел в окно, приземлился на плечо, сделал кувырок и вскочил на ноги, готовый бежать.

И увидел перед собой винтовку. Неулыбчивый человек в сером держал меня на прицеле. Он спокойно молчал, не торопясь начинать разговор, да и я не сразу нашелся что сказать. Из разбитого окна послышался холодный голос Края:

— Девушку отправим в лагерь для военнопленных, а шпиона заберем с собой. Глаз с него не спускать, вы видели, на что он способен.

Нехорошо, мрачно подумал я. Очень нехорошо. Так удачно внедрился, узнал все, что нужно, а информацию передать не сумел, что лишает ее всякого смысла. Хуже того, Край может использовать ее в своих грязных целях. В таком мрачном настроении меня и затолкнули в машину. Бежать было решительно невозможно: люди в сером ни на секунду не опускали винтовок.

Поездка была короткой и на редкость неприятной. Похоже, что трофейный грузовик, на котором мы ехали, на Бурате использовали для перевозки мусора или даже чего-нибудь похуже. Но жуткий запах беспокоил как будто только меня. Серые парни этой вони не чувствовали и не сводили с меня глаз. Машина шла плавно и бесшумно. Двигатель работал на газе. Газогенератор вырабатывал электроэнергию, которая приводила в движение ходовые электродвигатели, расположенные в каждом колесе. Я лихорадочно строил планы:

выпрыгнуть из кузова на ходу; порвать питающий кабель, проходивший по полу. Но все они казались нехороши, так мы и доехали без всяких осложнений. Под дулами ружей меня проводили в здание командного пункта, отвели в пустую комнату и приказали раздеться. Затем с помощью портативного флюороскопа тщательно и бесцеремонно обследовали, извлекая из укромных уголков моего тела все микроприборы и микроприспособления, и только после этого выдали новую одежду.

Костюм был необычный. Цельный, сплошной комбинезон из мягкого эластичного пластика, который одновременно защищал и согревал тело. Идеальная тюремная роба – пластик был совершенно прозрачным. Такая одежда производила настолько сильный психологический эффект, что я поневоле проникся уважением к людям в сером. Вся процедура прошла в полной тишине, несмотря на мои попытки завязать разговор. Мой наряд венчал металлический ошейник. Он тонким шнуром соединялся с небольшой коробочкой, которую держал один из серых парней. Все это выглядело довольно неприятно. Мои подозрения подтвердились довольно быстро. Все вышли, и мы остались вдвоем с парнем, что держал пульт.

– Я могу сделать вот так, – произнес он бесцветным, как и его форма, голосом и нажал на кнопку.

То, что я испытал, было очень неожиданно и очень больно. Свет невиданной силы ослепил меня. В ушах, казалось,

загремел гром. Кожа горела огнем, словно облитая кислотой.

Когда зрение и слух вернулись, я лежал на полу. Чуть саднила разбитая голова. Лежать было так хорошо. Коробочка, видимо, генерировала нейротоксины определенной частоты. Нет нужды пытаться тело, можно просто подавать болевые импульсы непосредственно в нервную систему.

– Встать! – приказал мучитель, и я быстро повиновался.

– Приказывайте все, что вам угодно и когда только заблагорассудится. Вы хотели, чтобы я все понял, так вот – я все понял и готов повиноваться. Честное слово, я буду хорошо себя вести.

Пока, во всяком случае. Пока не найду лазейки из этой западни. Я покорно поплелся в другую комнату, где меня поджидал Край за огромным металлическим столом. Комната была очень пыльная. От мебели и картин остались только светлые пятна на стенах. Единственным предметом, не считая стола, был большой сверкающий крюк, вделанный в потолок. Неудивительно, что кольцо, болтавшееся на конце пульта, точно наделось на крюк. Я стоял перед своими тюремщиками, посаженный на цепь.

Край смерил меня изучающим взглядом. Это удалось ему без особого труда – ведь мой костюм был совершенно прозрачным. Меня это мало смущало – к наготы я относился совершенно равнодушно. Куда более неприятным был его холодный, бездушный взгляд. Выражаясь возвышенно, в данный момент я был в полной его власти. Неизвестно, что за

пакость он задумал. Надо попытаться хоть что-нибудь выяснить.

– Что вы хотите узнать? – поинтересовался я.

– Совсем немного, но об этом позже.

– А почему не сейчас? Принимая во внимание современную технику гипноза, обработку наркотиками, добрые старые пытки – вроде вашего нейроустройства, – утаить что-либо от добросовестного следователя практически невозможно. Поэтому спрашивайте – а я буду отвечать.

И с превеликим удовольствием поведаю то немногое, что мне известно о Специальном корпусе. Расположение баз хранилось в секрете даже от нас, агентов, на случай вроде этого.

Я очень удивился, когда он отрицательно покачал головой:

– Рассказывать ты будешь позже. Сначала я хочу убедить тебя в серьезности моих намерений. Прежде всего я задам тебе несколько вопросов, а потом завербую. И ты будешь на нас работать. Совершенно добровольно. И чтобы ты поверил мне, начну с того, что тебя не убьют. Сильные люди смело встречают смерть. Для них это самый простой выход. У тебя не будет такого выхода.

От таких речей мне всегда становилось скучно. Я ожидал обычного интенсивного допроса, но у него были более обширные планы. Пришлось оставить шуточный тон и говорить начистоту.

– Увольте. Я ненавижу вас и вашу организацию, не разделяю ваших целей и не намерен менять свои взгляды. Даже если я соглашусь работать на вас, вы никогда не сможете полностью мне доверять – давайте не будем обманывать друг друга с самого начала.

– Напротив, – произнес он и нажал кнопку на столе. Коробочка наверху загудела, наматываясь на шнур. Чтобы не задохнуться, мне пришлось встать на цыпочки. Ошейник пре-
большо впился в горло. – Скоро ты сам будешь меня умолять, чтобы тебе позволили сотрудничать с нами, и будешь пла-
кать от отчаяния, когда я тебе откажу. Пока наконец твое заветное желание не исполнится. Это будет самый счастли-
вый день в твоей жизни. А сейчас я продемонстрирую очень простое, но эффективное средство убеждения.

Ноги мои дрожали от усталости, но, чтобы не задохнуться, мне приходилось стоять на пальцах. Край поднялся, обошел меня сзади – потом вдруг схватил мои руки и прижал к краю стола. Из стола выскочили браслеты и намертво зажали мои кисти. Точнее говоря, предплечья, сами кисти как раз оста-
лись свободными. Мне оставалось только шевелить пальца-
ми. Передо мной появился Край. Он нагнулся и вынул что-
то из ящика стола.

Это был топор. Металлический топор с длинной ручкой – такими в древности валили деревья. Край обеими руками ухватился за ручку и занес топор над головой.

– Что вы делаете? Остановитесь! – завопил я, уставившись

на топор и извиваясь.

Он с силой ударил.

Возможно, я закричал, и даже наверняка. Слишком уж сильна была боль.

Жутко было видеть свою отрубленную правую кисть, неподвижно лежавшую на крышке стола, на бившую из разорванных сосудов кровь. Топор опять взметнулся вверх. На этот раз я точно закричал и вопил до тех пор, пока он не опустился и не отхватил левую кисть. Кровь залила весь стол и медленно стекала на пол.

Сквозь боль и ужас, охватившие меня, я ясно видел лицо Края. Он улыбался. Впервые улыбался.

Тут я потерял сознание. А может, умер, не знаю. Весь мир провалился в черный колодец. Осталась только боль, но и она вскоре исчезла.

...Я открыл глаза и понял, что лежу на полу. Одному Богу известно, сколько прошло времени. Мысли путались в голове. Пришлось напрячь память, чтобы вспомнить недавние события. Вдруг ясно вспомнились отрубленные руки. Я резко сел и нервно потер ладони. Кисти были в полном порядке. Что происходит?

– Встать! – раздался голос Края.

Тут я понял, что сижу около стола, ошейник был по-прежнему на шее, и от него к потолку тянулся шнур. Я поднялся и посмотрел на стол. Крови не было.

– Готов поклясться... – начал было я и осекся, увидев на

крышке стола две глубокие царапины, оставленные топором. Поднял руки и уставился на запястья.

Красные рубцы опоясывали мои руки, по краям шли точки от снятых швов. Но кисти были в полном порядке. Что же все-таки произошло?

– Теперь ты понимаешь, что я имел в виду? – бесцветным голосом произнес Край.

– Что вы сделали со мной? Не могли же вы сначала отрубить мне руки, а потом пришить их обратно?! Невозможно так быстро... – Тут я понял, что совсем запутался, и умолк.

– Ты не веришь, что это было на самом деле? Мне что, повторить?

– Нет! – почти выкрикнул я, испуганно шарахнувшись от стола.

Край довольно кивнул:

– Итак, обучение началось. Ты утратил чувство реальности. Ты не знаешь, что произошло, но не хочешь, чтобы это повторилось. Все идет нормально. В конце концов ты полностью утратишь связь с прежней реальностью, со своей прежней личностью. Когда это произойдет, ты станешь одним из нас. И только после этого мы займемся Специальным корпусом. Ты не просто все расскажешь, но и примешь самое активное участие в разработке плана по его уничтожению.

– Ничего у вас не выйдет, – убежденно возразил я, хотя в душе такой уверенности не было. – Я ведь не единственный. Корпус активно работает против вас. Ваш крах – это только

вопрос времени.

– Совсем наоборот, – возразил Край, сцепил руки и опустил их на стол перед собой, совсем как школьный учитель. – Мы уже давно следим за деятельностью корпуса, и до сих пор нам удавалось держаться чуть впереди. Для того чтобы получить необходимую информацию, нам пришлось захватить и подвергнуть пыткам нескольких агентов корпуса. Так мы узнали, что готовится операция, которую возглавит оперативник. В данном случае – ты. После этого нам оставалось только ждать. И как только ты появился, мы тебя взяли. Все очень просто. А теперь с твоей помощью мы разгромим корпус.

Он почти убедил меня. Предложенный им план выглядел вполне разумным, но я сразу отогнал эту предательскую мысль. Хватит с ним соглашаться, надо атаковать, это всегда лучше, чем защищаться.

– Грандиозный замысел. Надеюсь, вы сумеете проглотить такой огромный кусок, не подавившись. А вы не забыли, что Лигу поддерживают сотни планет? Вы отдаете себе отчет в том, что они могут с вами сделать?

– Сотни планет вместе – это только теоретически, на практике – это сотни отдельно взятых планет. Мы будем захватывать их одну за другой, по очереди, и рано или поздно они покорятся. Остановить нас невозможно. Наступление развивается по нарастающей. По мере расширения империи скорость наступления будет увеличиваться.

– Но у всякой скорости есть свой естественный предел, – вставил я, пытаясь взять ироническую ноту. – Ваша тактика мне понятна. Вы нападаете только на те планеты, которые в данный момент не способны оказать сопротивление. Правильно?

– Совершенно верно.

Он согласно кивнул, и я продолжил:

– Вы выбираете планету, среди населения которой существует определенный слой диссидентов. Недовольные, как известно, были даже в раю, так что с диссидентами у вас проблем нет. Здесь, на Бураде, это были мужчины из партии Консолослук. Они жаждали прийти к власти. Вы дали им все необходимое. Ваши подпольные резиденты снабдили их деньгами, оружием, помогли организовать пропаганду, то есть подготовили переворот – и переворот свершился. Вы ничего взамен не просили, прекрасно понимая, что в случае оккупации сопротивление будет чисто символическим. Ваши агенты проследили за тем, чтобы армия сложила оружие в самом начале войны. Сражение было выиграно задолго до начала! Неудивительно, что ваши вояки не привыкли к поражениям.

– Ты очень наблюдателен, именно так мы и действуем. Твой анализ проницателен и точен, в смысле описания нашей тактики.

– Как видите, я вас раскусил, – радостно брякнул я.

– Совсем наоборот. Это мы тебя раскусили. Ты единствен-

ный, кто смог понять нашу тактику, но рассказать об этом никому уже не сможешь.

– Ну, это еще неизвестно, – храбрился я.

– Тебе, может быть, и неизвестно, зато нам известно точно. Мы перехватили твое сообщение; стало быть, отправлено оно не будет. Пока в корпусе будут дожидаться твоего рапорта, время будет упущено. Они просто не успеют ничего предпринять, потому что мы приступим ко второму этапу операции. У нас много союзников. Ведь на оккупированных планетах теперь у власти дружественные нам правительства. Мы в состоянии собрать огромную армию. Разумеется, из наемников. Они составят ударные части... Многие из них, конечно, погибнут, но мы будем побеждать всегда – за счет огромного резерва живой силы. Интересный план, как ты считаешь?

– Ничего у вас не выйдет! – воскликнул я, пытаюсь заглушить гадкое чувство обреченности. – Рано или поздно, но корпус разобьет вас!

Интересно, каким образом, если единственный агент в стане врага уже схвачен? Себя-то я убедил в неминуемой победе светлых сил, но на противника сил уже не осталось.

Край поднялся из-за стола и направился ко мне:

– Что же, пора приступать к обучению.

Не могу передать тот ужас, который охватил меня при этих словах.

Глава 14

Меня отвели в камеру. Это была пустая, без единого окна комната, из мебели – только параша в углу. В потолке торчал крюк, к которому человек в сером прикрепил шнур от моего ошейника.

– Вряд ли я помру от голода, – сказал я, – потому что раньше подохну от жажды.

Он ничего не ответил и ушел, но вскоре вернулся с пластиковой бутылкой воды и стандартным пайком клиандской армии. Еда не самая роскошная, но все лучше, чем ничего, жить можно.

Все время, пока я ел и пил, последняя мысль вертелась у меня в голове. Жить можно. Как бы там ни было, меня не убьют. Я им нужен, действительно нужен. Они понимают, что Специальный корпус уже наступает им на пятки. Им придется приложить все силы, чтобы его остановить. Край наполовину убедил меня. Ничего не скажешь – убеждать он умеет. Я глянул на свои руки и содрогнулся. Да уж, убедил. Но зачем ему это нужно?

Затем, что я не просто пешка в его игре. Я могу переломить ход событий в любую сторону. Сейчас Клианда успешно расширяет свои владения – но все может рухнуть. Если Специальный корпус получит мою информацию, то сможет нейтрализовать агентов Клианды и предотвратить оккупацию.

цию других планет. Возможно, клиандская армия будет разбита здесь, на Бураре. Даже если я перейду на сторону противника, корпус им все равно не одолеть. Хотя это сильно осложнит ситуацию, потому что операция Края вступит во вторую стадию.

Но это означает, что серые люди допустили ошибку. Им следовало убить меня сразу, как только стало ясно, кто я такой. Конечно, если при помощи пыток им удастся меня сломить, то в их руках я буду представлять серьезную угрозу. Но тут есть одно «но». Они упустили из виду важный факт: пока я жив, я буду представлять собой смертельную угрозу для Клианды.

Они допустили ошибку. Ухватившись за эту мысль, я пережевывал ее так же тщательно, как свой паек. Конечно, я у них в плену. В плену? Ха! В плену только мое тело. А ум – конечно, нет. Посредством нейропыток и бесед они чуть было не подчинили себе мой интеллект. При одном только воспоминании об учиненной казни мой желудок спазматически сжался и я потерял всякий аппетит. Надо выбросить эти мысли из головы. Мне же будет лучше.

Хотя нет: помнить об этом надо и думать надо. Но совсем не так, как им этого хочется. Это был трюк, не что иное, как трюк. Так это и следует понимать. Дожевывая остатки малоаппетитного обеда, я усиленно себя убеждал. Послушай, ди Гриз, ты достаточно много знаешь о законах реальности, чтобы безошибочно определить чужое вмешательство. Ты ведь

и сам постоянно изменяешь реальность к своей собственной выгоде и к неудовольствию окружающих. А вот теперь и с тобой сыграли такую же штуку. Кровь хлещет из отрубленных кистей! Спокойно, спокойно. Воспоминаниями займешься позже. Сейчас надо заняться вещами вполне реальными.

Реальность. Никакими самыми расчудесными лекарствами отрубленные руки не залечишь ни за два часа, ни за два дня.

Где-то на подсознательном уровне я чувствовал, что между пыткой и выздоровлением прошло совсем немного времени. У каждого из нас в глубине мозга есть часы, которые постоянно отсчитывают суточные ритмы, не останавливаясь ни на секунду. Эти-то часы мне и подсказывали, что с момента моего ареста прошло совсем немного времени. Но что реально могло подтвердить это ощущение? Я провел рукой по лицу, затем по волосам. Щетина есть, но вполне терпимая, волосы в полном порядке. Но меня запросто могли постричь-побрить; нет, тут не зацепишься.

А ногти? Я всегда их подстригаю коротко, а коротко подстриженные ногти особых примет не имеют. Хотя погоди, подумай. Ну же, вспоминай. Ведь что-то было. Что-то незначительное, мелкое. Да! Во время посадки, в суете, я сломал ноготь на левом мизинце. Нет, не торопись смотреть, постарайся вспомнить точно. Сломался ноготь... не отвлекайся... совсем маленький кусочек. Воспоминание не очень приятное, но что поделаешь. Я оторвал надломленный кусочек, по-

явилась крохотная капелька крови. Потом в суете все это забылось.

Я осторожно поднял левую руку и поднес к глазам. Так, мизинец, ноготь – и крохотная ранка.

Попался Край, старый ты плут!

Судя по ранке, я торчу здесь день или два, никак не дольше. Красные шрамы на руках – ну и что, шрамы как шрамы. Сделать такие – пара пустяков. А как же пытка? Край просто вмешался в мое сознание – возможно, при помощи гипноза, но это не важно.

Край и его команда совсем не такие умные, как кажется. Они наверняка проделывали такие штуки и раньше и, видимо, полностью убедили себя в безотказности этого метода. Возможно, точно так же они вербовали агентов на других планетах для подготовки вторжения. Вполне возможно. Но Край и его головорезы привыкли работать с обычными людьми, у которых практически отсутствует воображение, которые привыкли считать свое убогое существование истинной реальностью. Такие люди обычно считают, что их мир – единственно реальный мир, а город, в котором они живут, – лучший город в этом мире. Если выдернуть их из привычной обстановки и слегка нажать на мозги, то серое вещество сразу из ушей полезет. Такие слизняки – легкая добыча для серых.

Но только не благородный, гордый, гибкий, бесчестный и переменчивый Джим ди Гриз Скользящий. Человек с тысячей

лиц, знаток многих культур, квалифицированный лингвист. И они хотели сломать мою реальность? Просто смешно. Ха-ха!

Но я не просто хохотал – я скакал и прыгал. Носился и радостно вопил: «Ура! Победа!» Однако из-за шнура с ошейником бегать можно было только кругами. Пришлось разнообразить удовольствие и поиграть в гигантские шаги. Шнур был настолько тонок, что висеть на нем было практически невозможно. Но можно сделать петлю – качайся себе на здоровье. Такую петлю я и сделал. Ухватился за нее, оттолкнулся ногой и полетел. Потом оттолкнулся сильнее – взлетел еще выше. Отличное развлечение. Тут рука моя соскользнула, петля развернулась.

На этом все могло и закончиться – мое тело всем своим весом обрушилось на металлический ошейник. Именно так производится казнь через повешение. Человек погибает не от удушья, а от разрыва ствола спинного мозга, когда тело, так сказать, вздергивают.

Все это мгновенно пронеслось в моем мозгу, пока я пытался ухватиться за шнур и смягчить рывок. Слава богу, удар ошейника пришелся спереди шеи, не сбоку, а то вполне мог раздаться резкий хруст – и конец. Было очень больно, перед глазами все кружилось. Облегченное «уф!» получилось довольно сильным, потому что горло перехватило.

Я присел, отхлебнул воды и почувствовал себя несколько лучше – и только теперь удивился, что никто не пришел

взглянуть на мое бесчинство. Камера наверняка прослушивается и просматривается, но, может быть, акробатика их не интересует? А может быть, все настолько заняты войной, что присматривать за мной некому? Если это в самом деле так, то грех не использовать такую возможность.

Из пустых пакетов и смятой бутылки получилась прекрасная подкладка для рук. Затем я свернул двойную петлю рядом с ошейником, крепко ухватился за нее, подпрыгнул что было сил и всем весом обрушился на шнур.

А заодно и на собственные руки. На десятом прыжке уже казалось, что руки выскакивают из суставов, чего нельзя было сказать о моей привязи. Задумано неплохо. Пульт, шнур, кольцо, крюк – деталей достаточно много, и поломка любой из них могла принести мне свободу. Но похоже, мой скелет развалится еще быстрее. Я отдышался, стер со лба пот и предпринял тринадцатую попытку.

Счастливая чертова дюжина! Что-то щелкнуло, и металлическая коробка пульта больно треснула меня по голове.

Я был свободен. Надолго ли – неясно; возможно, всего на несколько секунд. Теперь надо встать. «Беги, – билась в голове мысль, – беги отсюда, пока за тобой не пришли». Но сначала надо повредить пульт, потому что эта штука может управляться дистанционно, по радио. Я внимательно осмотрел пульт и заметил, что лопнуло кольцо, за которое он подвешивался на крюк. На пульте было с полсотни красных кнопок. Одна только мысль о том, чтобы нажать одну из них,

повергла меня в дрожь. Сверху были две кнопки побольше: красная и черная. Красная была нажата. Логически рассуждая, теперь надо нажать на черную, чтобы пульт отключился. Но воспоминание о боли мешало логически мыслить. Собравшись с духом, я нажал на черную кнопку.

Ничего не случилось. Это я почувствовал. Немного осмелев, нажал одну маленькую кнопку, потом другую. Опять ничего. Пульт превратился в безжизненный кусок металла. Надеюсь, что навсегда. Я намотал на руку шнур. Потом подошел к двери – не заперто. Либо охрана плохая, либо она слишком доверяет нейроприборам. Слегка приоткрыв дверь, я приткнулся к щели. По коридору к моей камере шли два человека в сером. Они тащили жуткий на вид аппарат. Деталей мне разглядеть не удалось, но общее впечатление было не из приятных. Я бесшумно закрыл дверь. Новый этап в программе укрощения ди Грiza? Ручка двери повернулась, подтверждая мое предположение.

Мне хотелось преподнести сюрприз этой парочке, но не сразу, не с порога же. Спрятавшись за дверью, я дождался, пока они не управятся с громоздким пыточным аппаратом. Когда, кряхтя и ухая, они ввалились в камеру, я выскочил из-за двери, размахивая пультом.

Один из них как раз нагнулся, внимательно изучая прищемленную ногу, ему-то и досталось пультом по голове в первую очередь. Второй тем временем попытался вытащить пистолет, но мое колено врезалось ему пониже живота, и он

рухнул, не успев довести дело до конца. Я вынул пистолет из ослабевшей руки.

Бо́льшую часть времени, которое мне пришлось провести в этом здании, я был в сознании, и мне казалось, что я точно помню, где выход. Главный вход находится этажом ниже, но там охрана. Пистолет был заряжен. Тип патронов проверять было некогда – наверняка что-нибудь убойное. Меня это вполне устраивает. Я намотал на руку шнур, глубоко вздохнул – и нырнул за дверь.

Коридор был пуст – хорошее начало. Никого так и не встретив, я рысью добежал до лестницы и запрыгал вниз через две ступеньки. Ниже должен быть первый этаж – меня содержали на втором. Но память меня подвела, на деле все оказалось совсем не так. Лестница опускалась гораздо ниже следующего этажа. Когда этот факт наконец дошел до моего сознания, я остановился как вкопанный и осторожно глянул вниз.

Там было по меньшей мере еще восемь этажей.

В висках застучали маленькие молоточки. Опасения, что мое сознание засорено иллюзиями и ложными воспоминаниями, вполне подтвердились. Где правда, а где вымысел? Меня пронзила жуткая мысль, что все события попросту внушаются мне, чтобы доказать невозможность побега. Что, если я так и буду спускаться по бесконечной лестнице, а потом вдруг очнусь в камере, прицепленный к крюку? Если все обстоит именно так, то тут уж ничего не поделаешь. Надо

действовать, несмотря ни на что, а там видно будет. Если здание реально, то лестница обязательно куда-нибудь да выведет. Вот и надо посмотреть — куда.

Четырьмя этажами ниже, когда от быстрого кружения по лестнице уже слегка помутилось в голове, я встретил первого человека. Человека в сером с винтовкой. Я ожидал этой встречи, а он — нет, и мой выстрел прозвучал раньше.

Отличный выстрел. Пистолет, оказывается, был заряжен разрывными пулями. Сраженный выстрелом, серый отлетел к стене и затих. Не дожидаясь, пока стихнет эхо выстрелов и осядет пыль, я бросился вниз по лестнице, невзирая на риск. Ждать было еще рискованнее.

Лестница закончилась в полуподвальном этаже. Я с разбегу врезался в стену. Сверху доносился грохот башмаков, раздавались крики. Взяв пистолет на изготовку, я открыл дверь и шагнул в темноту.

Сначала меня охватила полная растерянность, но потом глаза привыкли к темноте, и я увидел вдалеке слабый свет. Шершавые стены и пыль указывали на то, что это именно подвал. И прекрасно, этажом выше меня наверняка ожидал слишком теплый прием. Если удастся выбраться отсюда, то не все еще потеряно. Спотыкаясь о какой-то хлам, я пробирался к свету. Невидимая полоса препятствий кончилась, но радости от этого было мало... Я увидел окно. Очень маленькое, все в пыли и дохлых мухах, да еще и под самым потолком. К тому же с прочной решеткой.

В темноте послышался топот ног, потом глухие удары. Посыпались проклятия. Что делать?

Понятно – что. Выбираться. Я шагнул назад, прикрыл лицо и выстрелами разнес решетку. А заодно и кусок стены вокруг окна. На это ушли последние патроны. Я выбросил ненужный больше пистолет и по куче щебня выбрался наружу.

И помчался вперед. Кто-то окликнул меня, но отвечать было некогда. Я летел из последних сил. Сбежать – несложно, сложнее – остаться на свободе. Босой, в костюме из прозрачного пластика, с ошейником, я представлял собой довольно необычное, если не сказать незабываемое, зрелище. Надо спрятаться, зарыться где-нибудь, избавиться от ошейника, переодеться. Отдохнуть тоже не мешает.

На полной скорости я завернул за угол и налетел на человека. Мы оба рухнули. Я в полном изнеможении перекатился на спину, пытаюсь отдышаться. И только теперь разглядел лицо товарища по несчастью. И не поверил своим глазам.

– Остров, – выдохнул я, – дружище! Помоги, я попал в переделку. Видишь, как местные...

Тут Остров, человек, вообще-то, очень мягкий, превратился в сущего зверя. Лицо его исказилось, глаза выпучились – прямо ужас. Он навалился на меня и прижал к земле.

– Какие еще местные? – прохрипел старина Остров. – Тебя ищет Край. Ты преступник.

Глава 15

Я попробовал сопротивляться, но без особого успеха. Слишком устал. Мне, правда, удалось разок треснуть Острова по голове железной коробкой пульта. Его глаза закатились, однако хватки он не ослабил, пока не подоспел небольшой отряд людей в сером. Они оторвали Острова от меня и прикладами подняли меня на ноги. Поднимался я медленно. Преодолевая усталость и жуткое отчаяние. Да и спешить было некуда.

Их было шестеро плюс страшно сконфуженный Остров.

– Понимаешь, меня все время Край допрашивал. Он сказал, что Васька в розыске...

Он замолк, серые не обращали на него никакого внимания. Я – другое дело.

– Ты что, хочешь, чтобы я тебе спасибо сказал? Подонок. Друзей закладываешь?

Тут мои слова перешли в хрип, потому что один из серых сильно дернул за ошейник. Один из этих пяти. Я в растерянности заморгал глазами – готов поклясться, их только что было шесть.

Пока я соображал, что к чему, на шее одного из них сомкнулась пара чьих-то рук. Его рот в удушие раскрылся, глаза выпучились. Мне стоило больших усилий, чтобы самому не вытаращиться от изумления. Мгновение – и номер пя-

тый исчез из поля зрения. Чтобы отвлечь на себя внимание остальных, я отчаянно забился и даже исхитрился лягнуть Острова в коленную чашечку, чтобы и ему было чем заняться.

– Зачем ты меня бьешь? – жалобно заныл он.

Я улыбнулся в ответ, заметив, что настал черед номера четвертого.

Было что-то удивительное в этом бесшумно-эффектном исчезновении врагов. Это мне напомнило об одном охотнике, с которым я охотился уж и не помню на какой планете. Большой был профессионал. Дождавшись стаи птиц, он сначала подстреливал последнюю. Потом опять последнюю и опять. Так ему удалось подстрелить пять-шесть птиц, не спугнув всей стаи. Здесь применялся тот же принцип, причем не менее профессионально.

Но люди – не птицы. Номер четвертый забился и все испортил. Оставшиеся переполошились. Я подождал, пока они не повернут свои головы, чтобы выяснить, что происходит, и врезал ближайшему из серых ребром ладони по шее. Усталость ослабила удар, пришлось добавить ему еще немного, чтобы успокоить. Пока я управлялся, вокруг раздавались глухие удары и сдавленные крики.

А когда наконец выпрямился, то увидел, что все серые, включая и Острова, лежат без чувств, а мои спасители укладывают последнего. Это был здоровый мужик, он держался хорошо, но недолго, класс не тот. Что самое интересное,

уложили его две женщины в цветастых бурадских платьях и туфлях на высоком каблуке. В одной из них я узнал сержанта Тазе. Что-то начало проясняться. Вторая женщина была поменьше ростом, хрупкого сложения, с хорошо знакомой мне фигурой и лицом, которое забыть невозможно. Это была... моя жена.

– Ну-ну. – Анжелина успокаивающе потрепала меня по щеке, одновременно целуя в другую. – Надеюсь, ты сможешь немного пробежаться, а то вон еще головорезы подтягиваются.

Тут же, словно в подтверждение ее слов, свистнула шальная пуля.

– Бежим... – прохрипел я и неуверенно заковылял, не вполне понимая, что происходит.

Хоть хватило ума не задавать лишних вопросов. Тазе обхватила меня рукой и потащила вперед. Анжелина отхватила ножом шнур. Мы мчались вперед весьма живописной группой: я в прозрачном костюме и две девушки в скромных платьях, вот только некому было на нас полюбоваться.

– Давай-давай, пошевеливайся!

Тазе затащила меня за угол. Сзади слышались выстрелы. Я из последних сил переставлял ноги, тупо соображая, сколько смогу еще протянуть.

Тазе, видимо, знала, что делает. Она снова повернула и почти заволокла меня по ступеням в дом. Она закрыла дверь на засов, и мы двинулись по коридорам вглубь здания, в то

крыло, где окна выходили во двор. Тут было довольно высоко. Тазе, словно кошка, мягко прыгнула первой и помогла спуститься мне, Анжелина придерживала меня сверху. Было довольно странно ощущать себя игрушкой в женских руках. Тазе побежала вперед и распахнула большие ворота. Там стояла клиандская военная машина с генеральским флажком на антенне.

– Это уже лучше, – обрадовался я, еле переставляя бесчувственные ноги.

– Вы двое садитесь назад, – приказала Тазе, надевая каску и армейскую куртку.

Я даже и спрашивать не стал о судьбе прежнего владельца автомобиля. Забрался назад и прижался к Анжелине. Когда машина тронулась, я почувствовал себя в безопасности. И прежде чем задавать вопросы, позволил себе наконец поцеловать жену.

– А фигура у тебя стала лучше, – отдышавшись, заметил я.

– Ты, верно, рад будешь услышать, что стал папашей. У нас близнецы. Мальчики. Страшные обжоры, все в папу. Я назвала их в твою честь: Джеймс и Боливар.

– Как тебе угодно, дорогая. Кстати, не расскажешь ли, как ты здесь оказалась?

– Я оказалась здесь, чтобы позаботиться о тебе.

– Это понятно. – Я кивнул, даже не пытаясь вникать в женскую логику. – Абсолютно ясно. Последний раз я тебя видел,

когда ты несла свой живот в больницу.

– Роды прошли прекрасно, я тебе уже говорила, ты что, не слушаешь? Потом я узнала, что клиандцы собираются захватить эту планету и ты, возможно, примешь участие в походе.

– Тебе что, Инскипп рассказал?

– Конечно нет! – Она негодуя фыркнула. – Я вскрыла секретные файлы его компьютера и все узнала. Он, конечно, крепко осерчал, но удержать меня не смог. И был прав, что не стал мне мешать. Даже обещал присмотреть за малышами. Мы вышли на орбиту, приняли твое сообщение, и я сразу отправилась сюда, вот и все. Не понимаю, как ты позволил так с собой обращаться?

– В твоём рассказе мне не все ясно, – настаивал я. – Например: какое такое сообщение?

– Мое сообщение, – пояснила Тазе, которая слушала наш разговор. – Ты, верно, забыл, что я гвардии сержант. Мне удалось прочитать твою записку перед тем, как у меня ее забрали. И уж конечно, я успела запомнить текст и радиочастоты. Эти свиньи запихнули меня в лагерь для гражданских военнопленных, но я сбежала в ту же ночь.

Тазе рассказывала совершенно спокойно, хотя, если вспомнить недавние события, чего ей волноваться?

– Как только сообщение было получено, я отправилась сюда в разведывательной шлюпке. – Рассказывая, Анжелина не переставала орудовать отмычкой. – Пришлось пробиваться с боем. Для покорителей Галактики эти ребята слишком

посредственные пилоты. Здесь я встретила Тазе. – Тут Анжелина понизила голос и зашептала мне на ухо: – Как близко ты успел с ней познакомиться?

При этом она потянула за ошейник.

– Да мы виделись всего-то один раз, – прохрипел я. – К тому же она не в моем вкусе.

– Не ври, ди Гриз, тебе всегда нравились такие фигуристые девчонки.

Я растерянно заморгал и постарался вернуть разговор в прежнее русло:

– А как вы меня разыскали? Как вам это удалось?

– Довольно просто. – (Ошейник наконец щелкнул и раскрылся. Я с облегчением потер занемевшую шею.) – Серые занимают одно-единственное здание, мы долго за ним наблюдали, чтобы выяснить, как туда легче проникнуть. Только солдаты сильно мешали – все время к нам приставали. Зато мы получили от них всю необходимую информацию. И эту машину, кстати, тоже.

Я на мгновение представил себе, как эти в полном смысле слова сногсшибательные красотки расправляются со своими ухажерами. За судьбу водителя и его друзей можно было уже не волноваться.

– А теперь расскажи нам, что с тобой приключилось, – попросила Анжелина, устраиваясь поудобнее в предвкушении занимательной истории. – До смерти интересно узнать, что это за штука была у тебя на шее и чего ради ты разгуливаешь

в таком до неприличия прозрачном наряде?

И я начал свое повествование, которое женщины без конца перебивали охами и ахами. А слушая эпизод с ампутацией рук, они просто окаменели от ужаса. Тазе даже машину оставила, чтобы поближе взглянуть на шрамы. Остаток истории они дослушали с остановившимися глазами. Мне даже жалко стало тех ребят в серых мундирах, которым еще суждено попасть этим дамам в руки. Когда я добрался до конца своего рассказа, мы как раз приехали. Распахнулись большие ворота и, пропустив нас внутрь, сразу захлопнулись. Тут было полно симпатичных девушек с оружием. Я даже пораился, что партия мужчин вообще могла сопротивляться такому правительству. Тут, вероятно, надо благодарить Клианду. Что касается всяких армий и правительств, то тут я радикальный анархист и твердо убежден: чем меньше этого добра, тем лучше. Но если без них никак не обойтись, то уж лучше пусть будут такие симпатяшки. Но тут я понял, что мои мысли опять утрачивают реальность, и решительно потряхнул головой. Меня проводили в комнату, где стояла армейская кровать. Я рухнул на нее как подкошенный.

– Одежду, – попросил я, – и что-нибудь выпить, все равно, в какой последовательности.

И стыдливо прикрылся одеялом, чтобы не смущать попусту этих амазонок. Кроме того, рядом была моя жена. Она прекрасно понимала, что значит «выпить», и решительно отвергла стакан с водой, который одна из дам попыталась было

мне вручить, и вытащила маленькую фляжку со спиртным. Напиток приятно обжег глотку; в голове, казалось, заплясали язычки пламени.

– Боюсь, мои мысли... мое восприятие реальности несколько нарушено, – признался я и, взглянув на Анжелину, понял, что она это уже заметила. – Они что-то со мной сделали. Надеюсь, это скоро пройдет.

– Ух, доберусь я до них! – процедила сквозь зубы Анжелина под одобрителный шепот присутствующих.

Я на мгновение устало прикрыл глаза, а когда открыл, в комнате уже никого, кроме Анжелины, не было. Горел мягкий свет, за окном было темно. Словно вырезали кусок фильма. Как это ни противно, но надо признать, что Край умеет вправлять мозги.

– Есть хочется, – сказал я Анжелине.

Она присела на кровати и взяла меня за руку:

– Ты много говорил во сне. Рассказывал какие-то жуткие вещи.

– Теперь мне намного лучше. Когда вернемся на базу, медики вычистят из мозгов всю эту гадость. А сейчас есть более важные вещи. Необходимо организовать мощное сопротивление, пока клиандцы не спохватились. И еще...

– Нет.

– Что значит «нет»?

Мне показалось, что я пропустил часть разговора. Неужели опять последствия обработки мозгов или это просто жен-

ская логика?

– Я повторяю: нет. Это уже не наша забота. Пока ты спал, я послала Инскиппу подробный доклад о планах клиандцев, об их тактике, о намерении разбить корпус – обо всем, что ты успел рассказать.

– Надеюсь, ты не забыла упомянуть источник? – нахмурившись, поинтересовался я.

Она потрепала меня по руке:

– Конечно нет, милый. Это целиком твоя заслуга, я и не думала присваивать ее.

Я сразу устыдился своих слов и извинился. Она в ответ тоже извинилась за то, что не учла состояния моего ума, мы выпили, и все уладилось. Я опять заговорил о делах?

– Значит, ты передала отчет. И что потом?

– Потом он попал на передающий корабль, а оттуда, по пси-связи, на стол Инскиппа. Он прислал ответ: «Отчет получен, благодарю за службу, немедленно возвращайтесь». Как видишь, нам приказано вернуться.

Я презрительно фыркнул и сделал глоток.

– Ты думаешь, я тут же улечу?

– Но ты нездоров. Тебе нужен хороший уход. Задание ты выполнил...

– Я тебя не о том спрашиваю. Как ты думаешь, я могу сейчас вернуться?

Анжелина попыталась рассердиться, но притворяться она умела плохо и обреченно пожала плечами:

– Конечно нет. Не такой ты человек. Сначала мы должны разбить врага, освободить Бураду и покончить с агрессором.

– Не все сразу, но в общих чертах верно. Необходимо создать движение сопротивления, с нашей помощью Тазе с этим прекрасно справится. Но есть более важная задача. Мы должны взять в плен Края или одного из его серых ребят.

– Отличная идея! А то они возомнили себя великими специалистами по части пыток. Надо преподать им небольшой урок. Мне помнится, как...

– Анжелина! Я вовсе не это имел в виду. В тебе заговорили старые привычки.

– Полная чушь! Признаюсь, я использовала пару старых приемчиков, но исключительно из добрых побуждений. Это меня полностью оправдывает.

– Конечно, так оно и есть, но тем не менее... Я ведь не о том веду речь. Одного из этих серых необходимо подвергнуть тщательному лабораторному обследованию. Когда ты сегодня с ними схватилась, ты не заметила ничего странного?

– Ничего особенного. Да и не до того было. Ну разве что одеты они слишком легко и какие-то холодные на ощупь.

– Верно. А еще они никогда не смеются, не проявляют вообще никаких эмоций. Разговаривают только в случае крайней необходимости. У них много всяких интересных особенностей.

– Дорогой, ты хочешь сказать, что это роботы? Или ка-

кие-нибудь зомби? Такие вещи встречаются только в детских книгах.

– Смейся, смейся. Конечно, не роботы – для этого они слишком одушевленные. Мне лично кажется, что это не гуманоиды, а враждебная нам форма жизни.

– А мне кажется, что тебе пора вздремнуть. Свет я потушу.

– Перестань острить! Черт тебя возьми! Это вовсе не плод больного воображения. Этот вопрос меня мучает с тех пор, как я впервые увидел Края. Это же так очевидно. Клиандские солдаты смертельно боятся Края и его подручных. Они даже избегают говорить о нем. Люди в сером тщательно изолированы от клиандского общества и во всем отличаются от клиандцев. Как будто это совсем другие люди. Мне думается, что когда-то серые обследовали населенные людьми планеты и обнаружили, что Клианда больше других подходит для их целей. Строго иерархическое, милитаризованное общество, все члены которого носят форму. Чтобы захватить власть, надо просто внедриться на высший уровень. Похоже, им это удалось. Они не занимают постов ни в каких общественных институтах, вообще никаких постов, столь дорогих сердцу любого военного, и тем не менее правят этим миром.

– Но...

– погоди. Ты еще не веришь, но уже начинаешь сомневаться. Так ты поможешь мне добыть экземпляр для обследо-

дования?

– Помогу ли я? – Она, как девчонка, захлопала в ладоши. – Да я сгораю от нетерпения. Правда, я могу его немного помять, но ведь главное, чтоб он хоть немного шевелился?

Прежде чем я успел что-либо ответить, в комнату вернулась Тазе с охапкой одежды.

– Быстро одевайся! – приказала она. – Это самые большие ботинки, которые нам удалось найти. Надеюсь, они тебе подойдут.

– А что за спешка? – удивился я.

– Есть причины. Вокруг здания стоят войска и тяжелые орудия. Мы в окружении.

Глава 16

Ботинки были и малы, и тесны, но я натянул их не мешкая.

– Нас выследили? – спросил я Тазе.

– Нет, конечно нет. Я в этом деле не новичок. Машину мы сразу перегнали в другое место.

С трудом ворочая мозгами, я сражался со вторым ботинком. Тут раздался сигнал видеофона – все замерли, глядя на аппарат, как на ядовитую змею. После второго сигнала вспыхнул маленький экран, и оттуда глянуло бесстрастное лицо Края.

– Вам уже известно, что здание окружено, – спокойно произнес он. – Сопротивление бесполезно, ди Гриз. Если вы сдадитесь, никто из ваших друзей не пострадает...

Мой ботинок врезался в экран, изображение вспыхнуло и погасло. Я схватил аппарат и грохнул его о стенку. Меня прошиб холодный пот. То, что любой видеофон можно включить с центральной станции, было мне прекрасно известно, однако это был тот случай, когда знания утешают мало.

– Без паники! – крикнул я, обращаясь больше к самому себе, потому что Анжелина и Тазе были абсолютно спокойны.

Я скакал по всей комнате на одной ноге, пытаюсь натянуть ботинок. Наконец я налетел на кровать и сел. Тяжело дыша, я загибал пальцы:

– Забудем на время об этом звонке и попытаемся осмыслить, что же происходит. Первое: хвоста за нами не было. Второе: машину сразу отогнали, значит, это тоже отпадает. Третье: Край знает, что я здесь, следовательно, они вшили в мое тело радиопередатчик. Как только мы выберемся отсюда, потребуется рентгеноскоп и услуги хирурга.

– Мне кажется, что все гораздо проще, – заявила Анжелина.

– Будь добра, объясни. Если ты соображаешь лучше, чем я, – в настоящий момент это не комплимент, – то поделись.

– Пульт нейроаппарата. Ты говорил, что он может включаться дистанционно, по радио.

– Конечно! Радиопередатчик может быть составной частью пульта. Тазе, аппарат еще здесь?

– Да, внизу. Мы подумали, что он может еще пригодиться.

– Вот и пригодился. Когда мы уйдем, пульт останется здесь. Пусть себе думают, что мы находимся в здании. Если только удастся выбраться, второй раз они так легко меня не найдут. Тазе, расскажи вкратце, что это за здание и как нам отсюда выйти?

– Это завод, его бывшая хозяйка сейчас в нашем отряде. Выбраться отсюда невозможно, нам остается только сражаться до последней капли крови. Но мы дорого продадим наши жизни! Мы возьмем с собой в могилу много этих грязных сволочей!

– Отлично, отлично. Мы отдадим жизнь, когда это потре-

буется. Но ди Гриз сможет отыскать путь к спасению там, где другие впадают в отчаяние. Хозяйка фабрики здесь? Прекрасно, быстро позови ее сюда.

Тазе бегом отправилась исполнять приказ, а я повернулся к жене:

– Я полагаю, дежурный комплект снаряжения у тебя с собой? Типа того, что был у нас во время медового месяца.

– Конечно: бомбы, гранаты, взрывчатка, газовые заряды.

– Молодец, девочка. С такой женой я чувствую себя в полной безопасности.

Вбежала Тазе в сопровождении еще одной амазонки. Та была немного постарше, с благородной проседью в волосах, но так же полногрудая, с обольстительной фигурой зрелой женщины... Я перехватил холодный взгляд Анжелины и попытался сконцентрироваться на более неотложных делах.

– Я Джеймс ди Гриз, межзвездный агент и шпион.

– Гвардеец Файда Фиртина! – рывкнула амазонка и, щелкнув каблуками, отдала честь.

– Отлично, Файда, рад с вами познакомиться. Вольно! Насколько мне известно, вы владелица этого здания.

– Так точно! Объединение по производству робутлеров «Фиртина, лтд». Продукция высшего качества.

– Чего?

– Робутлеров.

– Не считите меня назойливым, но что такое робутлеры?

– Прекрасный аппарат, необходимый в каждом прилич-

ном доме. Программно-обучаемый говорящий робот со специальными функциями. Дворецкий, слуга и незаменимый помощник, который, собственно, и делает дом домом, снимает с плеч хозяйки тяжелый груз повседневных забот...

Дальше пошли сплошные цитаты из рекламного проспекта, но я уже не слушал. В голове начал было складываться план, но ход мыслей был прерван звуками стрельбы.

– Они предприняли пробную вылазку, – доложила Тазе, приложив ухо к передатчику, – но понесли потери и отступили.

– Продолжайте их сдерживать. Пока есть надежда взять меня живым, тяжелые орудия они в ход пускать не будут. – Я подозвал хозяйку фабрики, которой, похоже, не терпелось продолжить рекламную кампанию. – Файда, нарисуйте план первого этажа здания и прилегающих территорий.

Рисовала она быстро и аккуратно – сказывалась военная выучка, – точно отмечая окна, двери и прилегающие улицы.

– Как выглядят ваши робутлеры? – спросил я.

– Размерами и фигурой они напоминают человека, это самая оптимальная форма для домашней обстановки. К тому же...

– Прекрасно. А сколько есть готовых, прошедших испытания, с заряженными батареями?

Она задумчиво нахмурилась:

– Надо бы проверить по бумагам, но примерно сто пятьдесят – двести штук.

– Отлично, больше нам и не нужно. Вы не разоритесь, если они будут уничтожены во имя освобождения Бурады? Надеюсь, ваша страховка покрывает убытки.

– Каждый робутлер фирмы «Фиртина» с радостью бы отдал за это свою жизнь, будь он наделен эмоциями. Но они принципиально не способны к насилию и не могут управляться с оружием.

– От них этого и не потребуется. Это наша проблема. Отряд робутлеров будет прикрывать наш отход. А теперь, девушки, подойдите поближе, и я изложу вам свой план.

Наконец-то мозги старого ди Гриза заработали как надо. Казалось, стрельба удесятерила мои силы, встряхнула душу. Приготовления заняли несколько минут, и спустя полчаса наши войска были готовы к атаке.

– Все поняли задачу? – спросил я роботов, заполнивших весь нижний коридор.

– Да, сэр. Поняли, сэр. Спасибо, сэр, – очень вежливо ответили они.

– Тогда приготовьтесь. Это самое важное дело в вашей электронной жизни. Вы выступите по моему приказу и будете действовать, как я вам велю.

– Хорошо, сэр. Спасибо, сэр.

В основном отряде прикрытия роботов было больше сотни. Они стояли четкими рядами, тихо жужжа. Первые шеренги были наряжены в форму, которую удалось отыскать, остальные – кто в фуражке, кто в куртке, а некоторые даже

в штанах. Бо́льшую часть одежды пожертвовали девушки, что для меня было вовсе не утешительно, учитывая мое семейное положение в настоящий момент. Вокруг было слишком много загорелых тел, чтобы нормальный мужчина мог остаться равнодушным. Было даже приятно немного побыть среди роботов. У них были ладные, крепкие фигуры. Каждый держал в руках обрезок трубы или кусок пластика, напоминавший ружье. Будем надеяться, что в суматохе они вполне сойдут за людей. Взглянув на часы, я поднес ко рту передатчик:

– Всем внимание! Готовность пятнадцать секунд. Приготовить бомбы! К окнам не подходить! Так, пригнулись, подошли... выдернуть предохранители... **ОГОНЬ!**

Девушки дружно метнули бомбы с верхних этажей, на улице послышались глухие разрывы. В основном это были дымовые бомбы с примесью слезоточивого и усыпляющего газа. Я выждал пять секунд, чтобы дымовая завеса стала плотной, и только после этого распахнул ворота. Когда створки открылись, в помещение повалили клубы дыма.

– Смелей, ребята, вперед! – крикнул я.

Роботы, как один, подняли левую ногу, и отряд устремился вперед.

– Спасибо, сэр, – выпевали их металлические глотки, когда ряд за рядом они проходили мимо меня.

Из верхних окон грянули выстрелы, снизу раздался ответный огонь. Все шло по плану. Прошло пятнадцать секунд,

пора начинать вторую атаку.

– Вниманию всем оставшимся робутлерам! ВПЕРЕД! – крикнул я по радио.

По этому приказу изо всех дверей и выходов здания в клубы дыма повалили робутлеры. У меня не было ни времени, ни оборудования, чтобы организовать радиоперехват переговоров противника, но и так легко было представить, что сейчас происходило. Надеюсь, что происходило.

Здание было окружено войсками неприятеля. В ярком полуденном свете нашу крепость можно было рассмотреть до мельчайших деталей. И вдруг все переменялось: дым, газ, крики со всех сторон. Так и есть – штурм! В дыму замелькали фигуры, надо стрелять. Бах! Бах! Смерть бурадским боевикам! Но эти прямо как из железа – по ним стреляют, а им хоть бы что. Началась паника. Пронесся слух, что атака предпринята сразу по нескольким направлениям. Какая из них настоящая, а какая – только прикрытие? Куда перебрасывать войска? Куда двигать подкрепление?

По моим прикидкам, паника должна была достигнуть пика через минуту. Потом дым рассеется, вместо трупов будут обнаружены разбитые роботы, и все станет ясно. Нам надо успеть выбраться до этого. После бомбовой атаки отряд Тазе быстро занял исходную позицию. Одна минута – это совсем немного времени для того, чтобы спуститься с верхних этажей вниз. Однако бо́льшая часть отряда была уже на месте. Тазе пересчитывала свое воинство.

– Все в сборе, – объявила она, поставив последнюю отметку в списке.

– Выступаем через пять секунд. – Я взглянул на часы и поднял руку. – Пошли! Анжелина, приготовь гранаты!

Небольшая дверь пожарного выхода распахнулась. Анжелина метнула в дым несколько гранат, чтобы усилить завесу. Разговоры смолкли, в наступившей тишине ясно слышались выстрелы и крики. Среди этого шума мне послышалось: «Спасибо, сэр». Файда пошла первой, мы потянулись следом, положив руки на плечи друг другу. Я шел в середине цепи, следом за Анжелиной, держась за ее плечо. Думаю, это вышло случайно, не стала бы она специально лишать меня удовольствия подержаться за обнаженное плечо одной из бурадских красавиц. Двигаться в полной темноте было несколько неприятно, в основном из-за визга невидимых пуль, я надеюсь, шальных. Улица была очень узкая, с обеих ее концов стояли клиандские посты. Если бы они знали, что тут происходит, то немедленно открыли бы перекрестный огонь. Но в данный момент они занимались робутлерами. Нам надо было тихо пройти метров двадцать и добраться до жилого дома на противоположной стороне улицы. Если все пройдет нормально, то мы сможем пробраться дальше, на торговую площадь. Там мы разделимся и скроемся в лабиринте улочек и переулков, растворимся среди пешеходов, прежде чем обнаружится наше исчезновение. Надеюсь, все так и будет.

По шагам получалось, что я уже почти у цели. Значит, половина наших уже в безопасности. И тут совсем рядом внезапно раздался голос:

– Это ты, Зобно? Что там сержант говорил насчет роботов? Это точно роботы?

Наша цепочка замерла. Голос был мужской, говорил мужчина по-клиандски.

– Роботы? Какие еще роботы? – отозвался я, снял со своего плеча чью-то руку и положил ее на плечо Анжелины. – Вперед! – шепнул я ей на ухо.

Вышел из цепочки и, громко топая ботинками, пошел на голос.

– Да, он точно говорил про роботов, – сказал голос.

Цепочка за моей спиной с тихим шорохом пришла в движение.

Я громко закашлялся, продвигаясь в сторону невидимого противника, выставив перед собой руки, чтобы при случае немедленно вступить в борьбу.

Все бы ничего, но вдоль улицы подул ветерок. В лицо повеяло свежестью, в дыму показался просвет. Я уставился на клиандского солдата в полной боевой выкладке, с винтовкой наперевес. На его лице застыло удивление. Понятно отчего. Вместо своего приятеля он увидел незнакомого субъекта. Небритого, с дрожащими пальцами и покрасневшими глазами, в шароварах и женских ботинках. Он прямо рот разинул.

Это оцепенение длилось ровно столько, чтобы я успел его

достать. Пришлось схватить за горло – чтоб он не закричал, и за винтовку – чтоб он, чего доброго, меня не подстрелил. Так мы молча боролись, пока нас снова не накрыл дым. Мой противник не стрелял, не кричал, но и не сдавался. Он был крепок и мускулист, но, к счастью, не слишком сообразителен. Ухватившись за винтовку обеими руками, он пытался вырвать ее у меня. Когда наконец до него дошло, что можно управиться и одной рукой, а другой мне хорошенько врезать, я сделал подсечку и свалился на него сверху. Падая, он умудрился пару раз весьма чувствительно заехать мне в живот. Когда мы упали, я вышиб из него весь дух.

Я присел на бесчувственное тело, чтобы унять головокружение и боль в животе, но тут рядом раздался еще один голос:

– Что за шум? Кто здесь?

Я глубоко вздохнул и постарался ответить как можно увереннее:

– Это я, – отличный ответ, на все случаи жизни, – остушился и упал. Палец вывихнул...

– Не ной, медаль получишь. А теперь заткнись!

Я заткнулся, взял винтовку, поднялся – и понял, что потерял всякую ориентацию в непроницаемом дыму.

Очень неприятное ощущение. Дым уже понемногу рассеивался, а я не имел ни малейшего понятия, куда двигаться. Ошибка в направлении может стоить жизни.

Меня охватила паника. Правда, только на одно мгнове-

ние. В тяжелой ситуации я всегда разрешаю себе немного попаниковать. Это улучшает кровообращение, стимулирует работу сердца, повышает адреналин и прочее, то, что и требуется в такой ситуации. Но паниковать пришлось недолго. Время поджимало. После того как улеглись эмоции, захлопнулся рот и пропали мурашки на спине – заработал логический аппарат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.